

Джордж Грот

История Греции.
Том 2

Джордж Грот

История Греции. Том 2

«Автор»

2025

Грот Д.

История Греции. Том 2 / Д. Грот — «Автор», 2025

Второй том «Истории Греции» Дж. Грота служит связующим звеном между греческими мифами и началом документальной истории. Книга состоит из двух частей. В первой части автор завершает разбор легендарного периода. Грот рассматривает мифы не как исторические факты, а как источник сведений об обществе и мировоззрении древних греков. Он анализирует ключевые предания (вроде «возвращения Гераклидов») и использует гомеровский эпос для реконструкции быта, власти и нравов «героического века». Во второй части Грот переходит к ранней истории. Он описывает географию Греции и её влияние на политическую раздробленность, а также факторы, объединявшие эллинов (язык, религия). Особое внимание уделяется становлению Спарты: критическому разбору легенд о Ликурге, описанию общественного устройства и первым войнам. Основной подход автора — строгое отделение мифа от истории и использование мифов для анализа социальных институтов.

© Грот Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Второй том «Истории Греции» Джорджа Грота	5
Содержание второго тома	7
Глава XVIII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ЛЕГЕНДАРНОЙ ГРЕЦИИ. – ПЕРИОД ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ТЬМЫ ПЕРЕД РАССВЕТОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.	15
Глава XIX. ПРИМЕНЕНИЕ ХРОНОЛОГИИ К ГРЕЧЕСКОЙ ЛЕГЕНДЕ.	29
Глава XX. СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА И НРАВЫ, ПОКАЗАННЫЕ В ГРЕЧЕСКИХ ЛЕГЕНДАХ.	41
Глава XXI. ГРЕЧЕСКИЙ ЭПОС. – ГОМЕРОВСКИЕ ПОЭМЫ.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Джордж Грот

История Греции. Том 2

Второй том «Истории Греции» Джорджа Грота

Второй том фундаментального труда Джорджа Грота «История Греции» выполняет роль критического моста между мифическим прошлым и началом собственно исторического периода Эллады. Том структурно делится на две основные части.

Часть I: Завершение легендарного периода

В этой части Грот завершает анализ греческих легенд, рассматривая их не как исторические факты, а как ценный источник для понимания общества, нравов и мировоззрения древних греков.

- **Завершение легендарной эпохи:** Подробно разбирается легенда о «возвращении Гераклидов» (дорийском завоевании Пелопоннеса) и последующие массовые переселения (эолийское, ионийское, дорийское), сформировавшие карту греческого мира в Малой Азии и на островах.

- **Критика хронологии:** Грот ставит под сомнение возможность построения точной хронологии мифических событий, аргументируя это тем, что как древние, так и современные хронологи опираются на ненадёжные генеалогии, в которых вымысел неотделим от реальности.

- **Социология через миф:** Ключевая глава тома анализирует гомеровский эпос как зеркало раннегреческого общества. Грот описывает систему власти (неограниченная власть басилеев, роль буле и агоры), социальные и семейные узы, гостеприимство, военное дело, хозяйство и нравы «героического века», проводя сравнения с более поздней исторической Грецией.

- **Анализ эпоса:** Значительное внимание уделяется гомеровскому вопросу. Грот критически разбирает теории своего времени (включая теорию Вольфа), анализирует структуру «Илиады» и «Одиссеи» и приходит к выводу, что «Одиссея» – плод единого замысла, в то время как «Илиада» могла быть расширена из более короткой «Ахиллеиды».

Часть II: Начало исторической Греции

Здесь Грот переходит к анализу раннего исторического периода, характеризуя среду, в которой развивалась эллинская цивилизация.

- **Географический фундамент:** Описываются географические особенности Балканской Греции (горы, моря, климат) и их глубокое влияние на политическую раздробленность, развитие мореплавания и интеллектуальный рост греков.

- **Факторы эллинского единства:** Несмотря на раздробленность, греков объединяло сознание кровного родства, общий язык, религия и общеэллинские святилища (в частности, Дельфы) и праздники (Олимпийские игры). Важную роль играли амфикинии – религиозные союзы племён.

- **Ранний Пелопоннес:** Даётся обзор расстановки сил в Пелопоннесе на заре исторического периода, когда могущественные Аргос и Коринф изначально превосходили Спарту. Также рассматривается фигура аргосского царя Фидона как влиятельного раннего лидера.

- **Становление Спарты:** Начало формирования уникального спартанского государства связывается с фигурой Ликурга. Грот критически подходит к более поздним легендам о нём, особенно к мифу о равном разделе земель, который, по мнению автора, является проекцией более поздних времён (эпохи Агиса и Клеомена). Подробно описывается социальная структура Спарты (спартиаты, периеки, илоты) и её суровая военная дисциплина.

- Ранние войны Спарты: Излагается история Мессенских войн, в результате которых Спарта покорила Мессению и обратила её население в илотов, а также её экспансия в Аркадию и борьба с Аргосом за пограничные территории.

Основные идеи и подход тома:

1. Критический метод: Грот строго отделяет недостоверный мифический материал от начала исторического периода.

2. Социокультурный анализ: Легенды и эпос рассматриваются как источник для реконструкции общественных институтов, ценностей и быта.

3. Скептицизм к традиции: Автор подвергает сомнению позднейшие и идеализированные представления о ранних институтах (например, «Ликургов строй»).

4. Контекстуализация: История Греции показывается не изолированно, а в её географическом и социальном контексте.

Второй тома Грота закладывает фундамент для понимания того, как из мира легенд и раздробленных полисов emerged классическая греческая цивилизация.

Содержание второго тома

Часть I. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ ГРЕЦИИ.

Глава XVIII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ЛЕГЕНДАРНОЙ ГРЕЦИИ. – ПЕРИОД ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ТЬМЫ ПЕРЕД РАССВЕТОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

Раздел I. – Возвращение Гераклидов в Пелопоннес

Изгнание и униженное положение Гераклидов. – Их появление как мощной силы вместе с дорийцами. – Мифическое объяснение этого союза, а также трёх дорийских племён. – Темен, Кресфонт и Аристомед вторгаются в Пелопоннес через Коринфский залив. – Прорицатель Карн убит Гиппотесом. – Оксил избран проводником. – Раздел земель Пелопоннеса между завоевателями. – Объяснительная ценность этих легендарных событий. – Мифическое право дорийцев на Пелопоннес. – Платон выводит иное обоснование для той же цели. – Другие легенды об ахейцах и Тисамене. – Занятие дорийцами Аргоса, Спарты и Мессении. – Дорийцы в Коринфе – Алет. – Оксил и этолийцы в Элиде. – Права элейцев на управление Олимпийскими играми. – Род Темена и Кресфонта – низший в ряду сюжетов для героической драмы. – Претензии исторических спартанских царей на ахейское происхождение. – Исходы из Пелопоннеса вследствие дорийского завоевания. – Эпее, пилосцы, ахейцы, ионийцы. – Ионийцы на севере Пелопоннеса – не упомянуты у Гомера. – Дата, назначенная Фукидидом для возвращения Гераклидов.

Раздел II. – Переселение фессалийцев и беотийцев

Фессалийцы перемещаются из Феспротии в Фессалию. – Неэллинский характер фессалийцев. – Беотийцы – их переселение из Фессалии в Беотию. – Противоречивые легенды о беотийцах. – Сходство между Беотией и Фессалией. – Переход от мифической к исторической Беотии.

Раздел III. – Исходы из Греции в Малую Азию и на острова Эгейского моря

Эолийская эмиграция.

Отделение мифических народов Греции. – Эолийская миграция под руководством Пелопидов.

Ионийская эмиграция.

Ионийская эмиграция – ответвляется от легендарной истории Афин. – Тесей и Менесфей. – Восстановление сыновей Тесея на отцовском троне. – Их смещение Нелеидами. – Меланф и Кодр. – Самопожертвование и гибель Кодра. – Прекращение царской власти в Афинах. – Раздор сыновей Кодра и эмиграция Неилея. – Разные народы, составившие поток переселенцев в Ионию.

Дорийские эмиграции.

Дорийские колонии в Малой Азии. – Фера. – Легенда о миниях с Лемноса. – Минии в Трифилии. – Переселения дорийцев на Крит. – История Андрона. – Алфемей – основатель Родоса. – Кос, Книд и Карпатос.

Промежуточный пробел между легендой и историей. – Трудность объяснения этого пробела в гипотезе непрерывной традиции. – Такой интервал неразрывно связан с генезисом легенды.

Глава XIX. ПРИМЕНЕНИЕ ХРОНОЛОГИИ К ГРЕЧЕСКИМ ЛЕГЕНДАМ.

Различные системы хронологии, предложенные для мифических событий. – Данные, необходимые для хронологического определения, здесь отсутствуют. – Современные хронологи решают ту же задачу, что и древние, но с иными критериями достоверности. – Мнение г-на Клинтона о вычислениях даты Троянской войны. – Ценность хронологических расчётов зависит от достоверности генеалогий. – Защита генеалогий г-ном Клинтон – его доказательство. – 1. Надписи – ни одна не доказанной древности. – Генеалогии – многочисленны, но их

датировка не установлена. – 2. Ранние поэты. – Разделение генеалогических персонажей г-ном Клинтоном на реальных и вымышленных: принципы, на которых оно основано. – Замечания по поводу его мнения. – Его уступки частичны и противоречивы, но достаточны, чтобы сделать генеалогии непригодными для хронологии. – Позиции г-на Клинтона относительно [стр. v] исторических свидетельств. – В какой степени предположения могут поддерживать ранних поэтов. – Правдоподобный вымысел удовлетворяет условиям, выдвинутым г-ном Клинтоном – неотличим от истины без помощи доказательств. – Кадм, Данай, Гилл и др. – все эпонимы, подпадающие под определение г-на Клинтона как вымышленные лица. – Реальное в генеалогиях невозможно отделить от вымышленного. – Когда поэты начали создавать непрерывные генеалогии, связывающие мифический и реальный миры? – Свидетельство умственного прогресса, когда люди систематизируют прошлое, даже на вымышленных основаниях.

Глава XX. СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА И НРАВОВ, ОТРАЖЁННОЕ В ГРЕЧЕСКИХ ЛЕГЕНДАХ.

Легендарные поэмы Греции – ценные картины реальных нравов, хотя и не дающие исторических фактов. – Они – памятники первоначального состояния греческого общества, отправная точка греческой истории. – Сравнение легендарной Греции с исторической – управление в последней – в первой. – Царь – в легендарной Греции. – Его непререкаемый личный авторитет. – Затруднение, которое испытывал Аристотель, пытаясь объяснить добровольное подчинение ранним царям. – Буле – агора: их ограниченное вмешательство и подчинённость царю. – Агора – средство оглашения намерений царя. – Агора, созванная Телемахом на Итаке. – Агора во второй книге «Илиады» – картина подчинения, которую она представляет. – Поведение Одиссея по отношению к народу и вождям. – Правосудие, вершимое в агоре царём или вождями. – Жалобы Гесиода на несправедливый суд в его собственном деле. – Царь среди людей аналогичен Зевсу среди богов. – Совет и Народное собрание, первоначально посредники действий царя, становятся в исторической Греции главными носителями власти. – Спартанские цари – исключение из общего правила – их ограниченные полномочия. – Использование публичных речей как инструмента управления – современно самым ранним временам. – Их влияние на стимулирование интеллектуального развития. – Моральные и социальные чувства в легендарной Греции. – Всесилие личных чувств по отношению к богам, царю или отдельным лицам. – Влияние особых обрядов. – Контраст с чувствами в исторических Афинах. – Сила семейных уз. – Брак – уважение к жене. – Братья и сородичи. – Гостеприимство. – Приём чужестранца и молящего. – Личные симпатии – первая форма общительности. – Необузданные свирепые и агрессивные страсти. – Картина, данная Гесиодом, ещё мрачнее. – Контраст между героической и исторической Грецией. – Сироты. – Увечье мёртвых тел. – Способ решения убийств. – Умиротворение ценным возмещением (ποινή) родственнику убитого. – В исторической Греции наказывалось как преступление против общества. – Состояние, занятия и профессии гомеровских греков. – Рабы. – Феты. – Ограниченная торговля и мореплавание гомеровских греков. – Критяне, тафийцы, финикийцы. – Характер финикийской торговли, как указано у Гомера. – Оружие и способ боя гомеровских греков. – Контраст с военным строем исторической Греции. – Аналогичные изменения – в военном строе и в гражданском обществе. – Укрепление городов. – Первые поселения греков – горные деревни, высокие и труднодоступные [стр. vi]. – Гомеровское общество признаёт города с стенами, частную собственность и сильную местную привязанность. – Средства защиты превосходят средства нападения. – Привычное пиратство. – Расширенные географические познания в поэмах Гесиода по сравнению с Гомером. – Астрономия и физика. – Чеканная монета, письменность, искусства. – Эпическая поэзия. – Её большое и продолжительное влияние на греческий ум.

Глава XXI. ГРЕЧЕСКИЙ ЭПОС. ГОМЕРОВСКИЕ ПОЭМЫ.

Два класса эпической поэзии – гомеровский и гесиодовский. – Дидактическая и мистическая гекзаметрическая поэзия – появилась позже эпоса как жанр. – Утраченные эпиче-

ские поэмы. – Эпические поэты и их вероятные даты. – Эпический цикл. – Что такое эпический цикл – упорядочивание поэм по принципу сюжетной последовательности. – Связь эпического цикла с Гомером. – Какие поэмы входили в цикл. – «Илиада» и «Одиссея» – единственные сохранившиеся поэмы цикла. – Любопытство, вызываемое этими двумя поэмами – отсутствие данных для его удовлетворения. – Разные поэмы, приписываемые Гомеру. – Ничего не известно, и существует бесконечное разнообразие мнений о личности и дате жизни Гомера. – Поэтический род Гомеридов. – Гомер – сверхчеловеческий эпоним и родоначальник этого рода. – Каковы могут быть даты создания «Илиады» и «Одиссеи». – Дата, предложенная Геродотом, наиболее вероятна. – Вероятная дата «Илиады» и «Одиссеи» – между 850 и 776 гг. до н. э.

Эпические поэмы декламировались перед собравшимися слушателями, а не читались поодиночке. – Лирическая и хоровая поэзия предназначалась для слухового восприятия. – Важность класса рапсодов, певцов и декламаторов. – Рапсоды осуждались сократическими философами – несправедливо. – Вариации в способе исполнения древнего эпоса. – Когда гомеровские поэмы начали записываться. – «Пролегомены» Вольфа – поставили новые вопросы относительно гомеровского текста – связали единство авторства с изначальной письменной фиксацией поэм. – Эти два вопроса не обязательно связаны, хотя часто обсуждаются вместе.

Мало следов письменности долгое время после гомеровской эпохи. – Барды или рапсоды с развитой памятью лучше соответствуют условиям той эпохи, чем длинные рукописи. – Слепые барды. – Возможность сохранения поэм в памяти так же точно, как они фактически сохранились. – Аргумент, основанный на утраченной букве Дигамма. – Когда гомеровские поэмы начали записываться? – Основания предполагать, что их впервые записали около середины VII в. до н. э.

Состояние «Илиады» и «Одиссеи» до правления Писистрата. – Теория Вольфа. – Цитируемые в её пользу авторитеты. – Возражения против неё. – Другие длинные эпические поэмы помимо «Илиады» и «Одиссеи». – Каталог в «Илиаде» – неотъемлемая часть длинной поэмы – его ранний авторитет. – «Илиада» и «Одиссея» были целостными поэмами задолго до Писистрата, независимо от того, были ли они изначально задуманы как целое. – Нет следов в гомеровских поэмах идей или обычаев эпохи Писистрата.

Гомеровские поэмы. 1. Один автор или несколько. 2. Одна ли эпоха и замысел. – Вопрос, поднятый Вольфом – «Sagen-poesie». – Новый стандарт, применённый к гомеровским поэмам. – Гомеровское единство – в прошлом поколении отвергалось немецкими критиками – теперь частично возрождается. – Скудные свидетельства – сложность формирования окончательного мнения. – Метод изучения вопроса о гомеровском единстве.

«Одиссею» следует [стр. vii] изучать первой, как более простую и понятную по структуре, чем «Илиада». – «Одиссея» – признаки единого замысла во всей её структуре. – Обнаруживает очень мало следов несогласованности или противоречий. – Хронологический расчёт в «Одиссее» в одном случае неточен. – Ошибочный вывод о том, что части поэмы изначально были отдельными. – Двойное начало и двойной поток событий, в итоге сливающиеся в «Одиссее». – Мастерство поэта в этом аспекте. – Трудно представить «Одиссею» разбитой на множество отдельных песен. – Структура «Одиссеи» – по сути единая – не могла быть составлена из ранее существовавших эпических произведений. – Аналогия «Одиссеи» показывает, что длительное и продуманное эпическое творчество соответствовало возможностям раннего греческого ума.

«Илиада» – гораздо менее связная и единая, чем «Одиссея». – Несогласованность проявляется только в частях поэмы – в других частях явная связность. – Теория Вольфа объясняет первое, но не второе. – Теория Велькера, Ланге и Ничша. – Эпоха эпоса как подготовка к эпохе эпопеи.

«Илиада» по сути организованная поэма – но первоначальный замысел не охватывает всю поэму. – «Илиада» – изначально «Ахиллеида», построенная на более узком плане, затем

расширенная. – Части, составляющие первоначальную «Ахиллеиду», демонстрируют последовательность событий. – Выведение из строя Агамемнона, Одиссея и Диомеда в битве одиннадцатой песни. – Первая песнь сосредотачивает внимание на Ахилле и бедствиях, которые постигнут греков из-за нанесённой ему обиды. – Ничего не происходит для реализации этого ожидания до восьмой песни.

Первоначальная «Ахиллеида» включает песни i, viii, xi–xxii. – Девятая песнь – неуместное добавление. – Переход от «Ахиллеиды» к «Илиаде» в начале второй песни. – Переход от «Илиады» обратно к «Ахиллеиде» в конце седьмой песни. – Укрепление греческого лагеря. – Зевс в четвёртой песни («Илиада») отличается от Зевса в первой и восьмой («Ахиллеида»).

Непрерывная «Ахиллеида» – с одиннадцатой песни и далее. – Предположение о расширенной «Ахиллеиде» наиболее соответствует всем частям поэмы в её нынешнем виде.

Вопрос об одном или многих авторах – трудно решить. – «Одиссея» целиком принадлежит одному автору, «Илиада» – вероятно, нет. – Разница в стиле последних шести песен – может быть объяснена без предположения о разных авторах. – Последние две песни – вероятно, не входили в первоначальную «Ахиллеиду». – Песни ii–vii включительно. – Песнь x.

«Одиссея» – вероятно, написана другим автором, чем «Илиада», но, возможно, той же эпохи.

Истинный характер гомеровских поэм – по сути народный. – Обращены к неискушённому слушателю, но затрагивают чувства, общие для всех людей. – У Гомера нет дидактической цели.

Часть II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

Глава I. ОБЩАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГРАНИЦЫ ГРЕЦИИ.

Северная граница Греции – Олимп. – Скард и Пинд – их протяженность и распространение в Южной Греции и Пелопоннесе. – Осса и Пелион – до Кикладских островов. – Геологические особенности. – Непостоянство греческих вод – реки, пересыхающие летом. – Многочисленные болота и озера. – Подземное течение рек из замкнутых бассейнов. – Трудности сухопутного сообщения и перевозок в Греции. – Изрезанность береговой линии – всеобщая доступность с моря. – Морское сообщение как необходимость для островов и колоний. – Взгляды древних философов на влияние морских привычек и торговли. – Различие между континентальными и морскими государствами в Греции. – Влияние географических особенностей Греции на политические отношения жителей. – Влияние на их интеллектуальное развитие. – Границы Греции. – Основные продукты. – Климат – в древности был лучше и здоровее, чем сейчас. – Большая разница между разными частями Греции. – Эпироты, македонцы и др. – Острова Эгейского моря. – Греки на побережье Малой Азии.

Глава II. ЭЛЛИНСКИЙ НАРОД В ЦЕЛОМ В РАННИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

Эллины в целом. – Варвары – слово, используемое как антитеза эллинам. – Эллинская общность – как она поддерживалась.

1. Родство по крови.

2. Общий язык. – Греческий язык по сути един, но с разнообразием диалектов.

3. Общие религиозные чувства, места поклонения и жертвоприношения. – Олимпийские и другие священные игры. – Привычка к совместным жертвоприношениям как ранняя черта эллинского сознания – начиналась в малых масштабах.

Амфикинии – замкнутые религиозные объединения. – Их благотворное влияние в создании симпатий. – Так называемый Амфикинический совет. – Его двенадцать членов и их взаимное положение. – Древность Совета – простота старой клятвы. – Первоначально амфикинии собирались у Фермопил. – Ценное влияние этих амфикиний и празднеств в укреплении эллинского единства. – Амфикинии осуществляли надзор за храмом в Дель-

фах. – Но их вмешательство в греческие дела было редким и эпизодическим. – Многие эллинские государства не участвовали в нем.

Храм в Дельфах. – Оракулы вообще – привычка греческого сознания [стр. ix] обращаться к ним.

Общая схожесть нравов у греков. – Политический суверенитет каждого отдельного города – важная черта эллинского сознания. – Каждый город находился с другими в международных отношениях. – Но городское управление обязательно – жизнь в деревнях считалась менее престижной.

Жители деревень – многочисленные в ранней Греции – многие из них объединялись в города. – Спарта сохранила свою старую деревенскую структуру даже в период расцвета.

Эллинская общность принимается как исходный факт – ее предшествующие элементы не прослеживаются.

Древние пеласги – неизвестны. – Исторические пеласги – говорили на варварском языке. – Исторические лелеги – также варвары по языку.

Свидетельства надежных источников о исторических пеласах и лелегах следует принимать, – независимо от того, соответствуют ли они легендарным пеласгам и лелегам или нет.

Предполагаемые доэллинские колонии из Финикии и Египта – ни подтверждены, ни вероятны.

Древнейшая Эллада – греки.

Глава III. ЧЛЕНЫ ЭЛЛИНСКОГО СОЮЗА, РАССМАТРИВАЕМЫЕ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ. – ГРЕКИ К СЕВЕРУ ОТ ПЕЛОПОННЕСА.

Амфикифонийские племена. – Неамфикифонийские племена. – Первый период греческой истории – с [776–560 гг. до н. э.]. – Второй период – с [560–300 гг. до н. э.]. – Важные различия между ними – первый период подготовительный и малоизвестный. – Внепелопоннесские греки (к северу от Аттики) совершенно неизвестны в первый период. – Общий очерк о них. – Греки к северу от Фермопил. – Фессалийцы и их зависимые народы. – Характер фессалийцев. – Состояние населения Фессалии – зависимое сословие – пенесты. – Кем были пенесты – неясно. – Четверное деление Фессалии. – Неупорядоченный союз фессалийских городов. – Великая мощь Фессалии в моменты единства. – Ахейцы, перребы, магнеты, малийцы, долопы и др., все – подданные фессалийцев, но все – амфикифонийские племена. – Магнеты в Азии. – Малийцы. – Этейцы. – Энианы. – Локры, фокейцы, дорийцы. – Фокейцы. – Дорида – Дриопида. – Исторические дриопы. – Этолийцы. – Акарнанцы. – Озолийские локры, этолийцы и акарнанцы были самыми грубыми из всех греков. – Беотийцы. – Орхомен. – Города Беотии. – Беотийский союз. – Раннее законодательство Фив. – Фиолай и Диокл.

Глава IV. НАИБОЛЕЕ РАННИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПЕЛОПОННЕСА. ДОРИЙЦЫ В АРГОСЕ И СОСЕДНИХ ГОРОДАХ.

Распределение Пелопоннеса около [450 г. до н. э.]. – Непрерывные дорийские государства. – Западный Пелопоннес. – Северный Пелопоннес – Ахайя. – Центральная область – Аркадия. – Различие между этим распределением и распределением на [776 г. до н. э.]. – Части населения, считавшиеся автохтонными: аркадцы, кинурийцы, ахейцы. – Переселенческие группы – дорийцы, этоло-элейцы, дриопы, трифилийцы. – Легендарный рассказ о дорийском переселении. – Александрийская хронология от возвращения Гераклидов до [стр. x] первой Олимпиады. – Спартанские цари. – Гераклидские цари Коринфа. – Аргос и соседние дорийцы превосходили Спарту в [770 г. до н. э.]. – Ранние поселения дорийцев в Аргосе и Коринфе – Теменион – Холм Солигея. – Дорийские поселенцы прибыли морем. – Ранние дорийцы на Крите. – Дриопы – их поселения образовались морским путем. – Дорийские поселения в Аргосе совершенно отделены от поселений в Спарте и Мессении. – Раннее положение Аргоса – метрополия соседних дорийских городов. – Фидон Теменид – царь Аргоса. – Его

притязания и планы как представителя Геракла. – Он претендует на право председательства на Олимпийских играх. – Отношения Писы с Фидо

Глава VI. ЗАКОНЫ И ДИСЦИПЛИНА ЛИКУРГА В СПАРТЕ.

Ликург – сведения о нём у Плутарха. – Неясности относительно его происхождения. – Вероятная датировка Ликурга. – Мнение О. Мюллера (о том, что Спарта – идеальный тип дорического характера и устремлений) неверно. – Уникальность Спарты. – Ранняя датировка Ликурга. – Взгляд на Ликурга у Геродота. – Мало упоминаний о Ликурге у более ранних авторов. – Подробные описания Плутарха. – Регентство Ликурга – его долгое отсутствие в Спарте. – Дельфийский оракул направляет его на реформу государства. – Приписываемые ему установления – совет старейшин и народное собрание – эфоры. – Конституция, приписываемая Ликургу, совпадает с той, что мы находим у Гомера. – Пара царей в Спарте – их постоянные раздоры – гарантия государства против тирании. – Идея Клеомена III о первоначальном назначении эфоров. – Народное происхождение [р. xi] коллегии эфоров – взаимная клятва между ними и царями. – Подчинение царей и верховенство эфоров в исторический период. – Положение и привилегии царей. – Власть эфоров. – Народное собрание. – Совет старейшин. – Государственный строй Спарты – замкнутая олигархия. – Долгое существование конституции без формальных изменений – одна из причин уважения в Греции и гордости самих спартанцев.

Дорийцы делились на три филы – Гиллеи, Памфилы и Диманы. – Местные различия среди спартанцев. – Население Лаконии:

1. Спартанцы.

2. Перизеи.

Особое значение слова «перизеи» в Лаконии. – Утверждение Исократу о происхождении перизеков. – Утверждение Эфора – отличается от Исократу, но не полностью противоречит. – Спартанцы и перизеи – в исторический период между ними не было расовых различий.

3. Илоты – по сути, сельские жители.

Они были крепостными, прикрепленными к земле – их положение и обращение. – Храбрость и энергия илотов – страх и жестокость спартанцев. – Доказательства характера спартанского правления. – Криптия. – Вольноотпущенники-илоты.

Экономические и социальные установления, приписываемые Ликургу.

– Раздел земель.

– Сисситии, или общественные трапезы.

– Общественное воспитание и дисциплина.

– Нравы и воспитание спартанских женщин – мнение Аристотеля.

– Свидетельства Ксенофонта и Плутарха.

– Число богатых женщин во времена Аристотеля – вероятно, они добились освобождения от общего воспитания.

– Искренний и возвышенный патриотизм спартанских женщин.

Ликург – скорее воспитатель военного братства, чем создатель политической конституции.

– Его цель исключительно военная – его методы исключительно суровы.

– Сообщения Плутарха о Ликурге – содержат много вымысла.

– Новый раздел земель – более ранние авторы, вплоть до Аристотеля, не приписывали Ликургу такой меры.

– Представление о Ликурге как о равном разделителе земель относится к эпохе Агиса и Клеомена.

Обстоятельства в Спарте до правления Агиса.

– Уменьшение числа граждан и упадок Спарты в правление Агиса.

– Его горячее желание восстановить достоинство государства.

– Историческая фантазия о Ликурге как о равном разделителе земель возникла из этого чувства.

– Раздел, предложенный Агисом.

– Мнение, что Ликург предлагал некоторое аграрное вмешательство, но не полный передел, безосновательно и маловероятно.

– Лучше всего объяснить утверждение Плутарха, предположив, что это вымысел времён Агиса.

Признанные трудности в понимании того, каким образом поддерживалось фиксированное число и целостность земельных наделов.

– Рассказ Плутарха об эфоре Эпитадее.

– Земельная собственность в Спарте всегда была распределена неравномерно.

– И не было законов, которые стремились бы уравнивать её.

– Мнения Аристотеля.

– Ошибочные предположения относительно спартанского закона о наследовании и практики.

Ликургова система – изначально применялась только к Спарте – ввела суровую дисциплину, но не равенство имущества.

– Изначальное дорийское распределение земли в Спарте неизвестно – вероятно, не было равным.

– Постепенное завоевание Лаконии – результат новой силы, приданной ликурговой дисциплиной.

– Завоевание Амикл, Фариса и Геронфр царём Телеклом.

– Гелос завоёван Алкаменом.

– Постепенный рост могущества Спарты.

Глава VII. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ МЕССЕНСКИЕ ВОЙНЫ.

Источники по истории Мессенских войн. – В основном относятся ко времени после основания Мессены Эпаминондом. – Отсутствие подлинных [р. хii] или древних преданий об этих войнах: противоречия в сведениях о мессенском герое Аристомене. – Даты первых войн – 743–724 гг. до н. э. – Причины, указанные спартанцами. – Спартанский царь Телекл убит мессенцами в храме Артемиды Лимнатида. – Первая Мессенская война. – Мессенские цари Эвфай и Аристодем. – Мессенцы сосредотачиваются на горе Итома – после долгой осады полностью покорены. – Жестокое обращение и обращение в илотов покорённых мессенцев Спартой. – Восстание мессенцев против Спарты – вторая Мессенская война – Аристомен. – Его рыцарские подвиги и чудесные спасения – конец второй войны. – Мессенцы снова покорены. – Рассказ Павсания, заимствованный у поэта Риана, недостоверен. – Поэт Тиртей, союзник Спарты – его огромная эффективность и влияние на спартанский дух. – Музыкальная восприимчивость спартанцев. – Сильное этическое воздействие древнегреческой музыки. – Страдания спартанцев во второй Мессенской войне. – Дата второй войны – 648–631 гг. до н. э. – Наказание предателя Аристократа, царя аркадского Орхомена. – Спартанцы закупают земли к западу от Тайгета. – У мессенских дорийцев не было значительных укрепленных поселений – жили в небольших городках и деревнях. – Отношения Писы и Элиды. – Борьба писатов и трифиллийцев за автономию – впоследствии поддерживалась политическими интересами Спарты.

Глава VIII. ЗАВОЕВАНИЯ СПАРТЫ В АРКАДИИ И АРГОЛИДЕ.

Положение Аркадии. – Тегея и Мантиней – самые могущественные города Аркадии до основания Мегалополя. – Вторжения Спарты на южные границы Аркадии. – Безуспешные попытки спартанцев подчинить Тегею. – Оракул велит им перенести в Спарту кости героя Ореста. – Их действия против Тегеи становятся успешнее, однако Тегея сохраняет независимость. – Границы Спарты с Аргосом – завоевание Фиреатиды Спартой. – Битва трёхсот избранных воинов между Спартой и Аргосом за обладание Фиреатидой – доблесть Офриада. – Фире-

атида переходит к Спарте – усилия аргосцев вернуть её. – Изменение мнения греков о практике решения споров поединком избранных воинов. – Кинурийцы в Арголиде, считаются ионийцами, но доризированы. – Полное завоевание южной части Пелопоннеса, от моря до моря, спартанцами к 540 г. до н. э. – Огромная сравнительная мощь Спарты в ту раннюю эпоху. – Тщательная личная подготовка спартанцев в то время, когда другие государства не имели никакой подготовки. – Военные институты Спарты. – Особые и детальные военные подразделения, отличные от гражданских эномотий и т. д. – Тщательная муштра эномотий. – В других греческих городах не было особых военных подразделений, отличных от гражданских. – Признанное превосходство Спарты – часть раннегреческого мировоззрения – совпадает с растущей тенденцией к усилению общения. – Гомеровский способ ведения боя – вероятно, принадлежал Азии, а не Греции. – Аргос – его борьба за возвращение главенства в Греции. – Его завоевание Микен, Тиринфа и Клеон. – Немейские игры. – Ахея – двенадцать автономных городов, возможно, больше – малоизвестна.

[р. 1]

Часть I. ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ ГРЕЦИИ.

Глава XVIII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ЛЕГЕНДАРНОЙ ГРЕЦИИ. – ПЕРИОД ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ТЬМЫ ПЕРЕД РАССВЕТОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

Раздел I. – ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРАКЛИДОВ В ПЕЛОПОННЕС

В одной из предыдущих глав мы проследили нисходящую линию двух самых знаменитых мифических родов Пелопоннеса – Персеидов и Пелопидов: первых мы довели до Геракла и его сына Гилла, а вторых – до Ореста, сына Агамемнона, который остался обладателем того господства на полуострове, что обеспечило его отцу верховное командование в Троянской войне. Гераклиды же, или сыновья Геракла, напротив, изгнанники-беглецы, зависимые от иностранной помощи или покровительства: Гилл погиб в поединке с Эхемом из Тегеи (связанным с Пелопидами через брак с Тимандрой, сестрой Клитемнестры [1], и предварительным условием этого поединка было торжественное соглашение, что его семья не предпримет новой попытки вторжения на полуостров в течение ста лет. По истечении этого срока попытка была возобновлена и увенчалась полным успехом; однако этот успех был обусловлен не столько доблестью захватчиков, сколько мощной поддержкой новых союзников. Гераклиды вновь появляются как предводители и спутники дорийцев – северной ветви греческого народа, впервые выходящей на историческую арену. Они бедны мифической славой, поскольку не упоминаются в «Илиаде» и лишь однажды мельком названы в «Одиссее» среди многоязычных жителей Крита, – но им суждено стать одним из великих и доминирующих элементов на протяжении всей истории Эллады.

Сын Гилла – Клеодей – а также его внук Аристомех к этому времени уже умерли, и род Геракла представляли трое сыновей последнего – Темен, Кресфонт и Аристодем. Под их предводительством дорийцы проникли на полуостров. Мифическое предание возводит этот тесный союз между Гераклидами и дорийцами к более ранней войне, в которой сам Геракл оказал неоценимую помощь дорийскому царю Эгимию, когда тот был тесним в борьбе с лапифами. Геракл разгромил лапифов и убил их царя Коронуса; в благодарность Эгимий отдал своему спасителю треть всей своей территории и усыновил Гилла. Геракл пожелал, чтобы переданные земли оставались в резерве до того времени, когда его потомкам может понадобится убежище; и это время настало после смерти Гилла (см. Гл. V). Некоторые из Гераклидов нашли приют в Трикорифоне в Аттике, но остальные, обратившись к Эгимию, потребовали выделения земли, обещанной их доблестному предку. Эгимий принял их согласно договору и отдал им условленную треть территории: [2] с этого момента Гераклиды и дорийцы слились в единое социальное сообщество. Памфил и Дим, сыновья Эгимия, присоединились к Темену и его двум братьям в их вторжении в Пелопоннес.

Таково мифическое событие, призванное объяснить происхождение трех племен, на которые традиционно делились все дорийские общины – Гиллеев, Памфилов и Диманов. Первое из них включало особые семьи, такие как цари Спарты, носившие специальное имя Гераклидов. Гилл, Памфил и Дим – эпонимические герои трех дорийских племен.

Темен и его два брата решили атаковать Пелопоннес не сухопутным маршем через Истм, как это делал Гилл (и погиб), а морским путем, через узкий пролив между мысами Рион и Антиррион, откуда начинается Коринфский залив. Согласно одной версии (впрочем, неизвестной, по-видимому, Геродоту), они выбрали этот маршрут по прямому указанию дельфийского бога,

который разъяснил им двусмысленное пророчество, данное ранее Гиллу. Как озольские локры, так и этолийцы, жители северного побережья Коринфского залива, благоприставали предприятую, и первые предоставили им порт для постройки кораблей, благодаря чему этот порт навсегда сохранил имя Навпакт. Здесь Аристоме был поражен молнией и погиб, оставив близнецов Еврисфена и Прока; но оставшиеся братья продолжили экспедицию с прежней решимостью.

В этот момент в лагере появился [3] акарнанский прорицатель по имени Карн, вдохновленный Аполлоном, и [стр. 4] изрек различные предсказания. Однако его заподозрили в предательском сговоре с пелопоннесцами настолько, что Гиппот, правнук Геракла через Филаса и Антиоха, убил его. Его смерть навлекла на войско гнев Аполлона, который уничтожил их корабли и наслал на них голод. Темен, оказавшись в отчаянии, вновь обратился к дельфийскому богу за помощью и советом, и ему открыли причину стольких бедствий. Он получил указание изгнать Гиппота на десять лет, принести искупительную жертву за смерть Карна и найти в качестве предводителя войска человека с тремя глазами. [4]

Возвращаясь в Навпакт, он встретил этолийца Оксила, сына Андрэмона, возвращавшегося на родину после временного изгнания в Элиду, наказанного за убийство. У Оксила отсутствовал один глаз, но, поскольку он сидел на коне, человек и конь вместе составляли требуемые три глаза, и он был принят как предводитель, указанный оракулом. [5] Под его руководством они отремонтировали корабли, высадились на противоположном берегу Ахайи и двинулись на Тисамена, сына Ореста, который тогда был могущественным правителем полуострова. Произошла решающая битва, в которой Тисамен был побежден и убит, а также погибли Памфил и Дим.

Эта битва сделала дорийцев полными хозяевами Пелопоннеса, и они приступили к разделу территории между собой. Плодородные земли Элиды по предварительной договоренности были оставлены Оксилу в награду за его услуги проводника. Было решено, что три Гераклида – Темен, Кресфонт и малолетние сыновья Аристодема – должны бросить жребий за Аргос, Спарту и Мессению. Аргос достался Темену, Спарта – сыновьям Аристодема, а Мессения – Кресфонту. Последний обеспечил себе этот приз, самую плодородную из трех территорий, обманом, положив в [стр. 5] сосуд, из которого тянули жребий, ком глины вместо камня, так что жребии его братьев были вытянуты, а его собственный остался внутри.

Каждый из них принес торжественные жертвы по случаю раздела, но во время церемонии на алтаре каждого из братьев появилось чудесное знамение: жаба – в Аргосе, змея – в Спарте, а лиса – в Мессении. Прорицатели, будучи вопрошены, истолковали значение этих загадочных знаков: жаба, как животное медлительное и малоподвижное, означала, что владелец Аргоса не преуспеет в предприятиях за пределами своего города; змея предвещала Спарте будущее, полное агрессии и могущества; лиса предсказывала Мессении путь хитрости и обмана.

Таково краткое изложение Аполлодора о Возвращении Гераклидов, в котором мы, словно по мановению волшебной палочки, переходим от мифической к исторической Греции. Эта история носит на себе печать не истории, а легенды – сокращенной из одного или нескольких генеалогических поэтов [6] и представляющей такое объяснение, которое они считали удовлетворительным для первого формирования великих дорийских государств на Пелопоннесе, а также полуэтолийской Элиды. Ее события задуманы так, чтобы объяснить дорийские институты – тройное деление племен, характерное для дорийцев, происхождение великого праздника Карнеи в Спарте, якобы учрежденного в искупление убийства Карна, различия в нравах и характерах дорийских государств, ранний союз дорийцев с Элидой, способствовавший возвышению и популяризации Олимпийских игр, благоговейную зависимость дорийцев от дельфийского оракула и, наконец, этимологию названия Навпакт. Если бы мы располагали более подробным повествованием, то, вероятно, нашли бы еще больше примеров окрашивания легендарного прошлого в соответствии с обстоятельствами исторического настоящего.

Прежде всего, эта легенда создает в пользу дорийцев и их царей мифическое право на их пелопоннесские владения: Аргос, Спарта и Мессения представлены как законно принадлежащие детям Геракла и возвращенные им справедливым возмездием. Именно им Зевс особо даровал земли Спарты; дорийцы же пришли как их подданные и союзники. [7]

Платон приводит совсем иную версию легенды, но и он поворачивает историю так, чтобы обосновать право завоевателей. По его версии, ахейцы, вернувшиеся после взятия Трои, обнаружили, что их сограждане, оставшиеся дома (поколение, выросшее в их отсутствие), не желают их принимать обратно. После тщетных попыток отстоять свои права они были в конце концов изгнаны, но не без борьбы и кровопролития. Вождь по имени Дорией собрал всех изгнанников воедино, и от него они получили имя дорийцев вместо ахейцев. Затем, под предводительством Гераклидов, они вернулись на Пелопоннес, силой отвоевали утраченные владения и основали три дорийских государства под управлением братьев-Гераклидов в Аргосе, Спарте и Мессении. Эти три братские династии были основаны на принципе тесного союза и клятвенного взаимопомощи, чтобы противостоять возможным атакам из Азии, [8] будь то оставшиеся троянцы или их союзники.

Таково предание, в которое верил Платон; оно значительно расходится в деталях, но схоже в мифическом духе и также воплощает идею законного отвоевания. Более того, оба повествования сходятся в том, что представляют полное завоевание и тройное разделение дорийского Пелопоннеса как единое предприятие, начатое и завершенное в одно и то же время, – так что это воспринимается как одно событие, которое Платон, вероятно, назвал бы Возвращением ахейцев, но которое обычно известно как Возвращение Гераклидов. Хотя это и неприемлемо, и противоречит другим свидетельствам, близким к историческим временам, оно несет на себе все признаки изначального взгляда, представленного генеалогическими поэтами: широкий охват событий, удобный для воображения и впечатляющий чувства.

Существование одной легендарной версии не должно исключать вероятность других, ходивших одновременно, но противоречащих ей. И таких было немало относительно первого появления пелопоннесских дорийцев. В приведенном мной рассказе Аполлодора, созданном, видимо, под влиянием дорийских воззрений, Тисамен погибает во время вторжения. Но согласно другой версии, которой, кажется, симпатизировали исторические ахейцы северного побережья Пелопоннеса, Тисамен, хотя и изгнанный завоевателями из своего царства (Спарты или Аргоса), не был убит: ему позволили удалиться по соглашению, взяв с собой часть подданных, и он направился к побережью Пелопоннеса к югу от Коринфского залива, тогда занятого ионийцами.

Поскольку между ионийцами и ахейцами существовали не только дружеские, но и родственные связи (эпонимные герои Ион и Ахей считались братьями, сыновьями Ксуфа), Тисамен попросил ионийцев принять его и его спутников на их землю. Знатные ионийцы, опасаясь, что Тисамен может быть избран правителем над всеми, отказали. Тогда Тисамен добился своего силой. После ожесточенной борьбы ионийцы были разбиты и бежали, и Тисамен завладел Геликой и северным побережьем полуострова к западу от Сикиона, которое впоследствии оставалось во владении ахейцев и получило от них свое имя во все исторические времена. [стр. 8] Ионийцы же отступили в Аттику, многие из них приняв участие в так называемом ионийском переселении на побережье Малой Азии, последовавшем вскоре после этих событий.

Правда, Павсаний сообщает, что Тисамен, одержав решительную победу над ионийцами, пал в бою [9] и не успел сам занять страну, которую его войска удержали. Но этот рассказ о гибели Тисамена, видимо, возник из желания Павсания объединить в одном повествовании две противоречивые легенды. Во всяком случае, исторические ахейцы в более поздние времена продолжали считать, что сам Тисамен жил и правил на их земле и оставил после себя царскую династию, которая продолжалась до Огига, [10] после чего сменилась народным правлением. [11]

Завоевание Темена, старшего из трех Гераклидов, изначально охватывало только Аргос и его окрестности; именно оттуда Трезен, Эпидавр, Эгина, Сикион и Флиунт были успешно заняты дорийцами под предводительством сыновей и зятя Темена – Деифонта, Фалкета и Кейса, которым и удалось это осуществить. [12]

В Спарте успех дорийцев был обеспечен предательством некоего Филонима, получившего в награду соседний город и область Амиклы. [13] Мессения, как говорят, без сопротивления подчинилась власти Гераклида Кресфонта, который основал свою резиденцию в Стенниклере: Пилосский Меланф, тогдашний правитель страны и представитель великого мифического рода Нелея и Нестора, удалился [стр. 9] со своими домашними богами и частью подданных в Атику. [14]

Единственное дорийское поселение на полуострове, не связанное напрямую с тройным разделом, – это Коринф, который, как говорят, был доризирован несколько позже и под предводительством другого вождя, хотя все же Гераклида. Гиппот – потомок Геракла в четвертом поколении, но не через Гилла, – как уже упоминалось, был виновен в убийстве прорицателя Карна в лагере при Навпакте, за что был изгнан и оставался в изгнании десять лет; его сын получил имя Алет («Скиталец») из-за долгих странствий отца. Во главе отряда дорийцев Алет напал на Коринф: он разбил лагерь на возвышенности Солигея близ города и изнурял жителей непрерывной войной, пока не принудил их к сдаче. Еще во времена Пелопоннесской войны коринфяне утверждали, что могут указать холм, где располагался лагерь этих завоевателей. Великая мифическая династия Сисифидов была изгнана, и Алет стал правителем и ойкистом дорийского города; однако многие жители, эолийцы или ионийцы, покинули его. [15]

Поселение Оксила и его этолийцев в Элиде, по словам некоторых, произошло почти без сопротивления; вождь объявил себя потомком Этола, который в прежние времена был изгнан из Элиды в Этолию, и оба народа, эпейцы и этолийцы, признали свое родственное происхождение. [16] Поначалу, согласно Эфору, эпейцы выступили с оружием, решив отразить пришельцев, но в конце концов было решено, что исход решит поединок двух воинов. Дегмен, чемпион эпейцев, полагался на дальноточность своего лука и стрел, но этолиец Пирахм явился с пращей – тогда еще неизвестным оружием, недавно изобретенным этолийцами, – чья дальность превосходила лук противника: он [стр. 10] убил Дегмена и обеспечил победу Оксилу и его последователям. По одной версии, эпейцы были изгнаны; по другой – дружески объединились с пришельцами. Как бы то ни было, их имя с этого момента исчезает, и они больше не появляются среди исторических элементов Греции: [17] отныне мы слышим только об элейцах, считавшихся потомками этолийцев. [18]

С владением Оксила Элидой было связано одно важнейшее преимущество, подкрепленное его притязаниями на благодарность дорийских царей. Элейцы получили управление храмом в Олимпии, который, как говорят, прежде принадлежал ахейцам; и ввиду этой священной функции, впоследствии вылившейся в проведение великих Олимпийских игр, их территория была торжественно объявлена неприкосновенной. Так утверждал Эфор: [19] мы видим, что и в этом случае, как во многих других, «Возвращение Гераклидов» служит легендарной основой для исторического положения дел на Пелопоннесе.

Великие аттические трагики, за редкими исключениями, выбирали сюжеты для своих произведений из мира героев и легенд, и Еврипид сочинил три драмы (ныне утраченные) о приключениях Темена с его дочерью Гирнето и зятем Деифонтом, о семейных несчастьях Кресфонта и Мерыпы, а также о доблести Архелая, сына Темена, в Македонии, где он, как утверждается, положил начало династии Теменидских царей. Первые два сюжета были глубоко трагичны, а третий, связанный с Архелаем, по-видимому, был выбран Еврипидом в знак уважения к его современнику и покровителю, царю Македонии Архелаю: нам даже сообщают, что подвиги, которые традиционная версия легенды приписывала Темену, в драме Еврипида были совершены его сыном Архелаем. [20] Из всех героев, затронутых тремя аттическими траги-

ками, эти дорийские Гераклиды стоят в нисходящей генеалогической линии ниже всех – еще один знак того, что мы приближаемся к почве подлинной истории. Хотя название «ахейцы», обозначающее народ, отныне относится только к северопелопоннесской территории, называемой Ахайей, и к жителям Ахейи, Фтиотиса, к северу от горы Умита, – и хотя великие пелопоннесские государства всегда, кажется, гордились титулом дорийцев, – но мы видим, что цари Спарты даже в историческую эпоху старались присвоить себе мифическую славу ахейцев и выставить себя представителями Агамемнона и Орестеза. Спартанский царь Клеоменес даже дошел до того, что формально отрекся от дорийского происхождения; когда жрица в Афинах отказалась разрешить ему принести жертву в храме Афины, сославшись на то, что он императивно закрыт для всех дорийцев, он ответил: «Я не дориец, а ахейец». «Мало того, что спартанский посланник перед Гелоном Сиракузским связал неоспоримый титул своей страны на верховное командование греческими военными силами с древним именем и высокими прерогативами Агамемнона, [22] – но, следуя тому же чувству, спартанцы, как говорят, перевезли в Спарту кости Орестека из Тегеи и Тисамена из Гелики, [23] – по предписанию дельфийского оракула. Существует также история о том, что Оксилус в Элисе получил указание от того же оракула пригласить в свою страну ахейца, как *Ækist* в союзе с ним самим; и что он призвал Агория, правнука Орестека, из Гелики с небольшим количеством ахейцев, которые присоединились к нему. [24] Сами дорийцы, будучи необычайно бедны родными легендами, стремились, что неестественно, украсить себя теми легендарными украшениями, которыми в изобилии обладали ахейцы.

Вследствие дорийских поселений в Пелопоннесе происходит несколько миграций прежних жителей. 1. Эпейцы из Элиды либо изгнаны, либо слились с новыми жителями под Оксиллом и потеряли свое отдельное имя. 2. Пилийцы вместе с великой героической семьей Нелея и его сына Нестора, которые возглавляли их, уступают место дорийскому народу Мессении и удаляются в Афины, где их вождь Меланф становится царем: значительная их часть принимает участие в последующей ионийской эмиграции. 3. Часть ахейцев под предводительством Пентилия и других потомков Орестеза покидает Пелопоннес и образует так называемую эолийскую эмиграцию на Лесбос, Троад и в Адрамитский залив: название «эолийцы», неизвестное Гомеру и, похоже, никогда не применявшееся к какому-либо отдельному племени, было введено для обозначения большей части эллинов, частично в самой Греции, частично в Азии. 4. Другая часть ахейцев изгоняет ионийцев из Ахайи, правильно называемой так, на севере Пелопоннеса; ионийцы уходят в Аттику.

Гомеровские поэмы описывают ахейцев, пилийцев и эпейцев в Пелопоннесе, но не упоминают ионийцев в северном районе Ахайи: напротив, каталог в «Илиаде» четко включает эту территорию в состав владений Агамемнона. Хотя «Каталог» Гомера не следует рассматривать как исторический документ, пригодный для того, чтобы служить доказательством фактического состояния Пелопоннеса в какое-либо предшествующее время, он, безусловно, является лучшим авторитетом, чем утверждения Геродота и других авторов о занятии северного Пелопоннеса ионийцами и их изгнании оттуда Тисаменом. Насколько можно доверять Каталогу, он отрицает идею ионийцев в Гелике и поддерживает то, что само по себе кажется более естественным предположением, – что исторические ахейцы в северной части Пелопоннеса являются небольшим нетронутым остатком мощного ахейского населения, некогда распространенного по всему полуострову, пока оно не было разбито и частично изгнано дорийцами.

Гомеровские легенды, несомненно, самые древние из тех, которыми мы располагаем, приспособлены к населению ахейцев, данайцев и аргейцев, казалось бы, без каких-либо особых и признанных названий, как совокупных, так и разделенных, кроме названия каждого отдельного племени или царства. Послегомеровские легенды приспособлены к населению, классифицированному совершенно иначе, – эллинам, разделенным на дорийцев, ионийцев и эолийцев. Если бы мы знали больше о времени и обстоятельствах, в которых росли эти различные

легенды, мы, вероятно, смогли бы объяснить их несоответствие; но в нашем нынешнем неведении мы можем только констатировать факт.

Какие бы трудности ни находила современная критика в отношении события под названием «Возвращение Гераклидов», в нем не сомневаются даже лучшие историки древности. Фукидид принимает его как единое и буквальное событие, имеющее определенную дату и несущее в себе одним ударом приобретение Пелопоннеса. Дату его он определяет как восемьдесят лет после взятия Трои. Был ли он оригиналом, определяющим эту эпоху, или скопировал ее у какого-то предыдущего автора, мы не знаем. Должно быть, она была установлена в соответствии с каким-то подсчетом поколений, поскольку других способов не было, – возможно, с помощью родословной Гераклидов, которая, будучи принадлежащей царям Спарты, представляла собой наиболее публичную и заметную нить связи между греческим реальным и мифическим миром и измеряла промежуток между самой осадой Трои и первой записанной Олимпиадой. Сам Геракл представляет поколение, предшествующее осаде, а его сын Тлеподем сражается в осаждающей армии. Если считать, что первое поколение после Геракла начинается с началом осады, то четвертое поколение после него совпадет с девяностым годом после той же эпохи; следовательно, если вычесть десять лет на продолжительность борьбы, оно совпадет с восьмидесятым годом после взятия города; [25] тридцать лет считаются поколением. Таким образом, дата, назначенная Фукидидом, согласуется с расстоянием, на которое Тесмен, Кресфонтес и Аристокл удалены от Гераклеи. Интервал в восемьдесят лет между взятием Трои и возвращением Гераклидов, похоже, был признан Аполлодором и Эратосфеном, а также некоторыми другими исповедуемыми хронологами древности: но были и другие подсчеты, которые также находили большую или меньшую поддержку.

Раздел II. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ФЕССАЛИЙЦЕВ И БЕОТИЙЦЕВ

В том же отрывке, где Фукидид говорит о возвращении Гераклидов, он также отмечает дату другого события, произошедшего немного раньше, которое, как утверждается, сильно повлияло на состояние Северной Греции. «Через шестьдесят лет после взятия Трои (рассказывает он) бейотийцы были изгнаны фессалийцами из Арне и переселились в землю, называвшуюся тогда Кадмекисом, а теперь Беотией, где ранее проживала часть их рода, которая участвовала в Троянской войне».

Упомянутое здесь изгнание беотийцев из Арне «фессалийцами» с большой долей вероятности истолковывается как переселение фессалийцев, как их правильно называть, из Феспратиды в Эпире в Фессалию. О том, что фессалийцы переселились в Фессалию из Феспратиды, сообщает Геродот, [26] хотя он ничего не говорит о времени и обстоятельствах. Антиф и Фидипп фигурируют в гомеровском каталоге как командиры греческого контингента с островов Кос и Карпат на юго-восточном побережье Малой Азии: они сыновья Фессала, который сам является сыном Гераклеса. По легенде, эти два вождя во время рассеяния, последовавшего после победы, были загнаны бурей в Ионический залив и выброшены на побережье Эпира, где они высадились и поселились в Эфире в Феспратиде. [27] Это был Фес [р. 15] Салус, внук Фидиппа, который, как сообщается, провел феспратийцев через перевалы Пинда в Фессалию, завоевал плодородную центральную равнину этой страны и навязал ей свое собственное имя вместо прежнего названия Эолис [28].

Что бы мы ни думали об этой легенде в ее нынешнем виде, состояние Фессалии в исторические века делает весьма вероятным, что фессалийцы, как их правильно называть, были завоевателями-иммигрантами. Они всегда представляются как грубая, воинственная, жесткая и нецивилизованная раса, отличная от своих соседей ахейцев, магнетов и перребиев и держащая всех троих в зависимости: эти три племена находятся с ними в отношениях, аналогичных отношениям лакедемонских периэков к Спарте, а пенесты, которые возделывали их земли,

являются почти точной параллелью гелотов. Более того, низкий уровень вкуса и интеллекта фессалийцев, а также некоторые черты их костюма, скорее роднит их с македонцами или эпирами, чем с эллинами. [29] Их положение в Фессалии во многом аналогично положению спартанских дорийцев в Пелопоннесе, и есть все основания заключить, что первые, как и вторые, изначально были победоносными захватчиками, хотя мы не можем претендовать на определение времени, в которое произошло вторжение. Великий род Алеуадов [30] и, вероятно, другие фессалийские семьи, как и цари Спарты, были потомками Гераклеи.

В случае с предполагаемой миграцией беотийцев из Фессалии в Беотию нет аналогичных исторических оснований, чтобы оправдать веру в главный факт легенды, и различные легендарные истории не согласуются одна с другой. В то время как гомеровский эпос признает беотийцев в Беотии, но не в Фессалии, Фукидид записывает найденное им сообщение об их переселении из последней в первую; но, чтобы избежать необходимости категорически противоречить Гомеру, он вставляет скобку, что во время Троянской войны в Беотии была откочевавшая часть беотийцев, [31] из которых были взяты войска, служившие Агамемнону. Тем не менее, расхождение с «Илиадой», хотя и менее очевидное, не устраняется, поскольку «Каталог» необычайно подробно перечисляет фессалийские контингенты, ни разу не упоминая о беотийцах. Гомер отличает Орхомен от Беотии, а Феб в Каталоге специально не упоминает: в остальном его перечисление городов довольно хорошо совпадает с исторически известной впоследствии территорией под названием Беотия.

Павсаний дает нам краткий очерк событий, которые, по его мнению, произошли в этой части Греции между осадой Трои и возвращением Гераклидов. Пенелеос, предводитель беотийцев во время осады, был убит Эврипилом, сыном Телефа, а Тисамен, сын Терсандра и внук Полиникеса, исполнял обязанности их командира как во время осады, так и после возвращения. Аутесион, его сын и преемник, подвергся гневу мстительных эриний Лая и Эдипа: оракул велел ему изгнаться, и он присоединился к дорийцам. Вместо него царем беотийцев стал Дамасихтон, сын Офельтаса и внук Пенелеоса: его сменил Птолемей, за которым последовал Ксанф. В это время началась война между афинянами и беотийцами, и Ксанф вступил в единоборство с Меланфом, сыном Андропомпа, чемпионом Аттики, и погиб благодаря хитрости своего противника. После смерти Ксанта беотийцы перешли от царской власти к народному правлению. [32] Поскольку Мелант происходил из рода Нелеидов и переселился из Пилуса в Афины в связи с успешным утверждением дорийцев в Мессении, поединок с Ксанфом, конечно, должен был состояться после возвращения Ираклидов. [р. 17]

Итак, перед нами краткое изложение предполагаемой истории Беотии между осадой Трои и возвращением Гераклидов, в котором не упоминается об иммиграции массы беотийцев из Фессалии и, похоже, не остается никакой возможности вписать в него столь великий и значительный инцидент. Легенды, которых придерживается Павсаний, расходятся с теми, которые принял Фукидид, но они гораздо лучше гармонируют с Гомером.

Авторитет Фукидида настолько заслуженно высок, что миграция, о которой он отчетливо сообщает, обычно рассматривается как достоверная дата, как исторически, так и хронологически. Но в данном случае можно показать, что он следовал лишь одной из множества противоречивых легенд, ни одну из которых невозможно было проверить.

Павсаний признавал переселение беотийцев из Фессалии в ранние времена до Троянской войны; [33] а рассказ Эфора, приведенный Страбоном, утверждал, что в стране произошел ряд изменений в составе населения: Сначала неэллинские аонийцы и теммики, лелеги и гиганты; затем кадмеи, которые после второй осады Феб эпигонами были изгнаны фракийцами и пеласгами и ушли в Фессалию, где вступили в общение с жителями Арне, – вся эта совокупность называлась беотийцами. После Троянской войны, примерно во время эмиграции эолийцев, эти беотийцы вернулись из Фессалии и вновь завоевали Беотию, изгнав фракийцев и пеласгов, – первые ушли на Парнас, вторые – в Аттику. Именно по этому случаю (по его

словам) были покорены орхоменские минийцы и насильственно присоединены к беотийцам. Эфор, по-видимому, в основном придерживался того же повествования, что и Фукидид, о движении беотийцев из Фессалии; однако он дополнил его несколькими подробностями, актуальными для объяснения пословиц и обычаев [34].

[р. 18] Единственный факт, о котором мы можем судить независимо от этих легенд, заключается в том, что между частями Беотии и Фессалии существовали определенные омонимы и определенное сходство религиозных культов, что, по-видимому, указывает на родство рас. Город под названием Арне, [35] похожий по названию на Фессалию, был указан в бёотском каталоге Гомера, и антиквары отождествляли его то с историческим городом Хереронеей, [36] то с Акрафиумом. Кроме того, вблизи бётийской Коронэи протекала река Куарий, или Коралий, и находился почтенный храм, посвященный итонскому Афине, на священной земле которого проходил Памбётта, или общественный совет бётийского имени; храм и река подобного названия были также в Фессалии, вблизи города Итон, или Итон. [37] Исходя из этих обстоятельств, можно предположить, что между населением этих регионов существовало некое древнее родство, и этого достаточно, чтобы объяснить возникновение легенд, описывающих миграции взад и вперед, независимо от того, правдивы они или нет на самом деле.

[с. 19] Самое важное, что следует отметить, – это то, что рассказы Фукидида и Эфора выводят нас из мифической в историческую Беотию. Орхомен бёотизирован, и мы больше не слышим о некогда могущественных Миниях: нет больше ни кадмеев в Фебах, ни бёотийцев в Фессалии. Минийцы и Кадмеи исчезают в ионийской эмиграции, о которой мы еще будем говорить. Историческая Беотия теперь образована, по-видимому, в своей федеративной лиге, под председательством Феба, как и во времена персидских и пелопоннесских войн.

Раздел III.– ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ГРЕЦИИ В АЗИЮ И НА ОСТРОВА ЭГЕИДЫ

1. ЭОЛИЧЕСКИЕ.-2. ИОНИЙСКИЕ.-3. ДОРИЙСКИЕ.

Чтобы завершить переход Греции от мифического к историческому состоянию, за отделением рас, принадлежащих к первой, должно последовать появление тех, что принадлежат ко второй. Это достигается путем эолийских и ионийских миграций.

Вожди эолийской эмиграции – представители героического рода Пелопидов, ионийской эмиграции – Нелеиды, и даже в так называемой дорийской эмиграции на Феру, *Ekist Thêras* – не дориец, а кадмеец, законный потомок *Edipus* и *Kadmus*.

Эолийская, ионийская и дорийская колонии располагались вдоль западного побережья Малой Азии, от берегов Пропонтиды на юг до Ликии (в следующей главе я расскажу об их границах более точно); эолийская занимала северную часть, вместе с островами Лесбос и Тенедос; дорийская – самую южную, вместе с соседними островами Родос и Кос; ионийская располагалась между ними, охватывая Хиос, Самос и Кикладские острова.

1. ЭОЛИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ.

Эолийская эмиграция была осуществлена Пелопидами: по первоначальному преданию, во главе первой партии колонистов стоял сам Орестес, и эта версия события сохранилась у Пиндара и Элланика. [Но более современные повествования представляют потомков Орестеса вождями экспедиций в Эолис: его незаконнорожденного сына Пентилия от Эригоны, дочери Эгиста, [39] Эхелата и Граса, сына и внука Пентилия, а также Клиуса и Малауса, потомков Агамемнона по другой линии. Согласно рассказу Страбона, Орестес начал эмиграцию, но умер по пути в Аркадии; его сын Пентилий, взяв на себя руководство эмигрантами, провел их долгим сухопутным путем через Беотию и Фессалию во Фракию, [40] откуда Архелай, сын Пентилия, провел их через Геллеспонт и поселил в Даскилиуме на Пропонте. Грас, сын Архелая, переправился на Лесбос и овладел островом. Клевс и Малаус, ведя за собой еще одну

группу ахейцев, были дольше в пути и задержались на значительное время у горы Фрикий, на территории Локриды; в конце концов, однако, они переправились морем в Азию и овладели Кимком, к югу от Адрамитского залива, самым значительным из всех эолийских городов на континенте. [41] От Лесбоса и Кима, как говорят, произошли и другие менее значительные эолийские города, раскинувшиеся в районе Иды и Троады и охватывающие остров Тенедос.

Несмотря на многочисленные различия в деталях, рассказы сходятся в том, что эти эолийские поселения были образованы ахейцами, изгнанными из Лаконии под руководством лишенных собственности пелопидов. [42] Нам говорят, что во время путешествия через Беотию они получили значительное подкрепление, а Страбон добавляет, что эмигранты отправились из Аулиса, порта, откуда Агамемнон отплыл в экспедицию против Трои. [43] Он также сообщает, что они сбились с курса и понесли много потерь из-за морского невежества, но мы не знаем, на какие именно случаи он ссылается. [44]

2. ЭМИГРАЦИЯ ИОНИИ.

Ионическая эмиграция описывается как исходящая от афинян и направляемая ими, и связана с предыдущей легендарной историей Афин, которую необходимо кратко изложить.

Великий мифический герой Фесей, о воинской доблести и подвиге которого мы рассказывали в предыдущей главе, в глазах афинян был еще более памятен как внутренний политический реформатор. Считалось, что он оказал им неоценимую услугу, превратив Аттику из множества государств в одно. До его времени каждая дека, или, по крайней мере, многие из них, пользовались политической независимостью под управлением своих собственных магистратов и собраний, признавая лишь федеральный союз с остальными под председательством Афин: сочетанием примирения и силы Фесей сумел низложить все эти отдельные правительства и объединить их в одну политическую систему, централизованную в Афинах. Считается, что он установил конституционное правительство, сохранив за собой определенную власть царя или президента и распределив народ на три класса: Евпатриды, своего рода священная знать; Гефморя и Демииурги, земледельцы и ремесленники. [45] Приведя эти важные изменения в действие, он запомнил их для своих потомков, введя торжественные и соответствующие праздники. В подтверждение афинского господства над территорией Мегаридов он, как говорят, воздвиг столб на оконечности последней в сторону перешейка, обозначив границу между Пелопоннесом и Ифонией. [р. 22]

Но столь масштабная революция не могла не вызвать недовольства, и Менестей, соперник Фесея, – первый образец, как нам говорят, искусного демагога, – воспользовался этим чувством, чтобы напасть на него и подорвать его. Фесей покинул Аттику, чтобы сопровождать и помогать своему другу Пейрифойу в его путешествии в подземный мир, чтобы похитить богиню Персефону, – или (как предпочитали рассказывать те, кто критически относился к легенде) в путешествии к резиденции Аидонея, царя молоссов в Эпире, чтобы похитить его дочь. В этом предприятии погиб Пейрифой, а Фесей был брошен в темницу, откуда его освободили только благодаря заступничеству Геракла. Именно во время его временного отсутствия тындариды Кастор и Поллукс вторглись в Аттику, чтобы вернуть свою сестру Елену, которую Фесей в свое время увез из Спарты и поселил в Афидне; а сторонники Менестея воспользовались отсутствием Фесея и бедствиями, которые его распушенность принесла стране, чтобы погубить его популярность в народе. Когда он вернулся, то обнаружил, что они больше не готовы терпеть его владычество или продолжать оказывать ему почести, которые они ранее оказывали из чувства благодарности. Поэтому, отдав своих сыновей под защиту Элефенора в Эвбее, он попросил убежища у Ликомедеса, принца Скироса, от которого, однако, не получил ничего, кроме коварного приема и предательской смерти [46].

Менестей, сменив героя-изгнанника, командовал афинскими войсками при осаде Трои. Но хотя он и выжил после захвата, в Афины он так и не вернулся – о месте, где он и его спутники поселились, рассказывают разные истории. За это время чувства афинян изменились,

и они восстановили сыновей Фесея, служивших в Трое под началом Элефенора и вернувшихся невредимыми, в должности и функциях их отца. Тесеи Демофон, Оксинтас, Афида и Тиметес последовательно занимали этот пост в течение примерно шестидесяти лет, [47] когда дорийские захватчики Пелопоннеса (как уже говорилось ранее) вынудили Меланта и семью Нелеидов покинуть свое царство в Пилусе. Беженцы нашли убежище в Афинах, где удачное приключение вскоре возвело Меланфа на трон. Во время войны между афинянами и беотийцами за пограничный участок $\Sigma\eta\sigma\epsilon\iota$ беотийский царь Ксанф вызвал Тиметеса на единоборство: тот отказался принять вызов, но Меланф не только выступил вместо него, но и применил хитроумную хитрость, так удачно, что убил своего противника. Его тут же избрали царем, а Тиметес был вынужден сложить с себя полномочия [48].

Меланф и его сын Кодр правили почти шестьдесят лет, и за это время афиняне приютили большое количество беглецов, спасавшихся от недавних захватчиков по всей Греции, так что Аттика стала достаточно многолюдной, чтобы вызвать тревогу и ревность пелопоннесских дорийцев. Мощный дорийский отряд под командованием Алетеса из Коринфа и Алфемена из Аргоса был отправлен для вторжения на афинскую территорию, где дельфийский оракул обещал им успех, если они воздержатся от нанесения вреда личности Кодру. Дорийскому войску был отдан строгий приказ сохранить Кодру невредимым; но оракул стал известен афинянам, [49] и великодушный царевич решил навлечь на себя смерть как средство спасения своей страны. Приняв обличье крестьянина, он намеренно спровоцировал ссору с некоторыми дорийскими войсками, которые убили его, не подозревая о его настоящем характере. Не успело это событие стать известным, как дорийские вожди, отчаявшись в успехе, отказались от своего предприятия и эвакуировались из страны. 50] Однако, уходя, они сохранили за собой Мегару, где поселили постоянных поселенцев, и которая с этого момента стала дорийской – сначала казалась зависимой от Коринфа, но затем обрела свободу и стала самостоятельной общиной. [Этот памятный акт преданного патриотизма, аналогичный поступкам дочерей Эрехтея в Афинах и Менекея в Фебах, позволил Кодру войти в число самых ярких персонажей греческой легенды.

Кодр считается последним афинским царем: его потомки назывались архонтами, но сохраняли это звание пожизненно – такая практика преобладала в течение долгих лет после этого. Медон и Нейлей, два его сына, поссорились из-за престолонаследия, и дельфийский оракул вынес решение в пользу первого, после чего последний, оскорбленный таким предположением, решил искать новый дом. 52] В этот момент в Аттике скопилось много лишенных собственности греков и склонного к авантюрам населения, которое стремилось к поселениям за морем. Экспедиции, которые теперь отправились пересекать Эгейское море, в основном под руководством членов семьи Кодридов, составили памятную ионическую эмиграцию, частью которой были ионийцы, недавно изгнанные из Пелопоннеса, но, как кажется, лишь небольшой частью; ведь мы слышим о многих совершенно разных расах, некоторые из которых известны в легендах, которые ушли из Греции среди этого скопления колонистов. Кадмеи, минийцы из Орхомена, абанты из Эвбеи, дриопы; молоссы, фокийцы, беотийцы, аркадские пеласги и даже дорийцы из Эпидавра – все они представлены как составляющие часть экипажей этих эмигрантских судов. 53] Результаты не были достойны столь могущественного слияния различных рас. Были основаны не только Кикладские острова в Эгейском море, но и большие острова Самос и Хиос у азиатского побережья, а также десять различных городов на побережье Малой Азии, от Милета на юге до Фокеи на севере, и все они приняли ионическое имя. Афины были метрополией или материнским городом для всех них: Андрокл и Нилей, эфесские и милетские $\Sigma\kappa\iota\sigma\tau\alpha\iota$, а возможно, и другие $\Sigma\kappa\iota\sigma\tau\alpha\iota$, отправились из Пританея в Афины [54] с теми торжественными, религиозными и политическими мероприятиями, которыми обычно отмечается отплытие роя греческих колонистов.

Кроме героического рода Нелея и Нестора, представленного сыновьями Кодруса, в экспедиции принимали участие и другие мифические семьи. Геродот упоминает ликийских вождей, потомков Глаука, сына Гипполоха, а Павсаний рассказывает о Филоте, потомке Пенелеоса, который отправился во главе фиванского войска: и Глаук, и Пенелеос упоминаются в «Илиаде». [55] И это замечательный факт, упомянутый Павсанием (хотя мы не знаем, на каком основании), что жители Фокеи, которая была самым северным городом Ионы на границах Эолиды и одним из последних основанных, состоящим в основном из фокийских колонистов под руководством афинян Филогенеза и Демона, не были приняты в Пан-Ионическую Амфиктионию, пока они не согласились выбрать себе вождей из рода Кодридов. [56] Прокл, вождь, который проводил ионийских эмигрантов из Эпидавра на Самос, по слухам, происходил из рода Иона, сына Ксута [57].

О двенадцати ионийских государствах, составлявших пан-ионийскую Амфиктионию, – некоторые из них входили в число величайших городов Эллады, – я сейчас больше ничего не скажу, так как мне еще придется говорить о них, когда я перейду на историческую почву.

3. ЭМИГРАЦИЯ ДОРИЙЦЕВ.

Таким образом, эолийская и ионийская эмиграции представляются нам прямыми следствиями события, названного «Возвращением Гераклидов», а также образования дорийского Гексаполиса в юго-западном углу Малой Азии: Кос, Книд, Галикарнас и Родос с его тремя отдельными городами, а также дорийские поселения в Крите, Мелосе и Тере – все они более или менее непосредственно связаны с тем же великим переворотом.

Фера, в особенности, уходит корнями в легендарный мир. Ее Екистом был Тхерас, потомок героического рода *Ædipus* и *Kadmus*, дядя по материнской линии молодых царей Спарты, Эврисфена и Проклеса, во время несовершеннолетия которых он осуществлял регентство. По достижении ими совершеннолетия его функции были прекращены, но, не выдержав частного положения, он решил встать во главе эмигрантов: многие присоединились к нему, и экспедиция была еще более усилена группой переселенцев, принадлежавших к минийцам, от которых лакедемоняне стремились избавиться. Эти минийцы прибыли в Лаконию незадолго до этого с острова Лемнос, откуда их изгнали беглецы-пеласги из Аттики. Они высадились, не спросив разрешения, поселились и стали «зажигать свои костры» на горе Тайгет. Когда лакедемоняне послали спросить, кто они и зачем пришли, минийцы ответили, что они сыновья аргонавтов, высадившихся на Лемносе, и что, будучи изгнанными из родных мест, они считают себя вправе просить убежища на территории своих отцов; кроме того, они просили, чтобы их допустили к участию и в землях, и в почестях государства. Лакедемоняне удовлетворили просьбу, в основном на основании общего происхождения – их собственные великие герои, Тындариды, были зачислены в экипаж Арга: тогда минийцы были введены как граждане в племена, получили участки земли и начали смешиваться с ранее существовавшими семьями. Однако прошло немного времени, и они стали дерзкими: потребовали долю в царстве (что являлось почитаемой привилегией Гераклидов) и так грубо вели себя в других отношениях, что лакедемоняне решили предать их смерти и начали с того, что бросили их в тюрьму. Пока минийцы находились в заключении, их жены, спартанки по происхождению, многие из которых были дочерьми главных мужчин, попросили разрешения войти и увидеться с ними: разрешение было получено, и они воспользовались беседой, чтобы переодеться вместе со своими мужьями, которые таким образом сбежали и вновь скрылись на горе Тайгет. Большая часть из них покинула Лаконию и отправилась в Трифилию, в западные области Пелопоннеса, откуда они изгнали парореатов и кауконов и основали шесть собственных городов, главным из которых был Лепреум. Некоторая часть, однако, по разрешению лакедемонян присоединилась к Ферасу и отправилась с ним на остров Каллист, которым тогда владели жители-финийцы, происходившие от родственников и спутников Кадма, оставленных там этим принцем, когда он восемь поколений назад отправился на поиски Европы. Прибыв таким образом среди

людей, родственников ему самому, Тхерас встретил братский прием, и остров получил от него название, под которым он исторически известен, – Тхра [58].

Такова легенда об основании Феры, в которую верят и лакедемоняне, и терцы, и которая интересна тем, что в ней характерно и ярко представлены лица и чувства мифического мира – аргонавты, их спутники – Тындалиды, а дети – Минийцы. В Лепреуме, как и в других городах Трифилии, в исторические времена, по-видимому, верили в происхождение от древних минийцев, и упоминание Гомером реки Миний в этих краях подтверждало это. [59] Но люди не были единодушны в отношении легенды, по которой следует вести это происхождение; в то время как одни принимали только что процитированную историю из Геродота, другие представляли, что Хлорис, которая пришла из минийского города Орхомена в качестве жены Нелея в Пилус, привела с собой тело своих соотечественников [60].

[р. 28] Эти минийцы с Лемноса и Имброса снова появляются в другом рассказе о поселении колонии Маклос. Уже упоминалось, что когда Гераклиды и дорийцы вторглись в Лаконию, ахейский Филоном вероломно предал им страну, за что получил в награду территорию Амиклеи. Говорят, что он заселил эту территорию отрядами минийцев с Лемноса и Имброса, которые в третьем поколении после возвращения Гераклидов стали настолько недовольны и мятежны, что лакедемоняне решили выслать их из страны как эмигрантов под руководством своих вождей Полиса и Дельфа. Взяв направление на Крэт, они остановились на пути, чтобы высадить часть своих колонистов на острове Маклос, который на протяжении всех исторических времен оставался верной и привязанной колонией Лакедемонии. 61] Прибыв в Крэт, они, как говорят, поселились в городе Гортин. Кроме того, мы находим, что в Крте образовались и другие дорийские поселения, прибывшие из Лакедемана или Аргоса; в частности, Ликтос отмечается не только как колония Спарты, но и как отличающийся сходством своих законов и обычаев. [62] Говорят даже, что Крэт сразу после Троянской войны был посещен гневом богов и обезлюдел от голода и моровой язвы; и что в третьем поколении после этого, настолько велик был приток эмигрантов, что все население острова возобновилось, за исключением этеократов в Полихне и Прессе [63].

[р. 29] Во времена Одиссея в Крте жили дорийцы: Гомер упоминает разные языки и разные расы людей, этеократов, кидонов, дорийцев, ахейцев и пеласгов, как сосуществующих на острове, который он описывает как густонаселенный и содержащий девяносто городов. Легенда, приведенная Андроном, основанная, по-видимому, на утверждении Геродота, что Дорус, сын Эллина, поселился в Гистиеотисе, приписывает первое введение трех последних рас Тектафу, сыну Доруса, который вывел из этой страны колонии дорийцев, ахейцев и пеласгов и высадился в Крте во время правления местного царя Креса. [64] Этот рассказ об Андроне настолько точно соответствует гомеровскому каталогу жителей Крита, что мы можем с полным основанием предположить, что он был специально составлен с учетом этого каталога, чтобы правдоподобно рассказать, в соответствии с принятой легендарной хронологией, о том, как появились дорийцы в Крте до Троянской войны, – дорийские колонии после возвращения Гераклидов, конечно, были давно отложены в предполагаемом порядке времени. Чтобы найти достаточно раннего лидера для своей гипотезы, Андрон обращается к первобытному эпониму Дору, сыну которого Тектафу он приписывает появление на Крте смешанной колонии дорийцев, ахейцев и пеласгов: именно эти три расы перечислены в «Одиссее», а царь Крѐз, который, как утверждает Андрон, царствовал тогда на острове, представляет этеократов и кидонов в списке Гомера. Эта история, по-видимому, нашла поддержку у местных критских историков, поскольку она, несомненно, служит для устранения того, что в противном случае было бы противоречием в легендарной хронологии [65].

Другую дорийскую эмиграцию из Пелопоннеса в Крэт, которая распространилась также на Родос и Кос, как говорят далее, возглавил Алтаменес, который был одним из вождей в экспедиции против Аттики, в которой погиб Кродус. Этот принц, Гераклид, третий по проис-

хождению от Тесмена, был вынужден покинуть страну из-за семейной ссоры и привел группу дорийских колонистов из Аргоса сначала в Крэт, где некоторые из них остались; но большая часть сопровождала его на Родос, на котором он, изгнав карийцев, основал три города – Линдус, Ялиус и Камейрус [66].

Здесь уместно добавить, что легенда родосских археологов об их кисти Альтаменесе, которому на острове поклонялись с героическими почестями, была совершенно иной, чем предыдущая. Альтаменес был критянином, сыном царя Катрея и внуком Миноса. Оракул предсказал ему, что однажды он убьет своего отца; желая избежать столь ужасной судьбы, он покинул Крэтэ и отправился колонией на Родос, где ему приписывают основание знаменитого храма атабийского Зевса на возвышенной вершине горы Атабирум, построенного так, чтобы с него открывался вид на Крэтэ. Он прожил на острове некоторое время, когда его отец Катрей, желая вновь обнять своего единственного сына, последовал за ним с Крэтэ: он приземлился на Родосе ночью, не будучи известным, и произошло случайное столкновение между его сопровождающими и островитянами. Альтаменес поспешил на берег, чтобы помочь отразить предполагаемых врагов, и в схватке имел несчастье убить своего престарелого отца [67].

Либо эмигранты, сопровождавшие Альтаменеса, либо некоторые другие дорийские колонисты впоследствии, как сообщается, поселились в Косе, Книде, Карпате и Галикарнасе. В последнем городе, однако, Антэс из Трезена назначен экистом: сопровождавшие его эмигранты, как говорят, принадлежали к племени диманцев, одному из трех племен, всегда встречающихся в дорийском государстве; а город, похоже, характеризовался как колония то Трезена, то Аргоса [68].

Таким образом, мы имеем эолийские, ионические и дорийские колонии в Азии, возникшие в легендарную эпоху и прямо или косвенно являющиеся следствием того, что называют возвращением Гераклидов или дорийским завоеванием Пелопоннеса. Согласно принятой хронологии, за ними следует период, который, как предполагается, составляет почти три столетия, что является почти полным пробелом, прежде чем мы достигнем подлинной хронологии и первой записанной Олимпиады, – и таким образом они образуют завершающие события мифического мира, из которого мы теперь переходим в историческую Грецию, такую, какой она является в последнюю упомянутую эпоху. Именно благодаря этим миграциям части эллинской совокупности распределяются по местам, которые они занимают на рассвете исторического дня, – дорийцы, аркадяне, этоло-элейцы и ахейцы, поровну разделившие между собой Пелопоннес, эолийцы, ионийцы и дорийцы, обосновавшиеся как на островах Эгейского моря, так и на побережье Малой Азии. Возвращение Гераклидов, а также три эмиграции – эолийская, ионийская и дорийская – представляют собой легендарное объяснение, соответствующее чувствам и верованиям народа, показывающее, как Греция перешла от героических рас, осаждавших Трою и Феб, управлявших отважным Аргом и убивавших чудовищного вепря Калидона, к историческим расам, по-разному названным и классифицированным, которые обеспечивали победы на Олимпийских и Пифийских играх.

Терпеливый и ученый французский писатель М. Рауль Рошетт, который трактует все события героического века, в общем, как настоящую историю, лишь с поправкой на ошибки и преувеличения поэтов, сильно озадачен пустотой и перерывами, которые представляет собой этот якобы непрерывный ряд истории, начиная с возвращения Гераклидов и заканчивая началом Олимпиад. Он не может объяснить себе столь длительный период абсолютного затишья после важных происшествий и ярких приключений героического века; и если за этот долгий период не произошло ничего достойного записи, – как он предполагает, исходя из того, что ничего не было передано, – он приходит к выводу, что это должно было произойти от состояния страдания и истощения, в котором греки находились после предыдущих войн и революций: для заживления таких ран необходим длительный период полного бездействия. [69] [р. 33]

Если предположить, что взгляд М. Рошетта на героические века верен, и исходить из предположения, что приключения, приписываемые греческим героям, являются исторической реальностью, передаваемой традицией с периода времени за четыре столетия до записанных олимпиад и лишь приукрашенной поэтами-описателями, то пробел, на котором он здесь останавливается, является, по меньшей мере, неловким и необъяснимым. Странно, что поток традиции, если он когда-то начал течь, должен (подобно нескольким рекам в Греции) быть затоплен на два или три столетия, а затем снова появиться. Но если мы проведем, как мне кажется, правильное различие между легендой и историей, то увидим, что период пустого времени между ними вполне соответствует условиям, в которых возникает первая. Не непосредственное прошлое, а предполагаемое отдаленное прошлое формирует подходящую атмосферу мифического повествования, – прошлое, изначально совершенно неопределенное в отношении удаленности от настоящего, как мы видим в «Илиаде» и «Одиссее». И даже когда мы спускаемся к генеалогическим поэтам, которые стремятся дать определенную меру ушедшего времени и последовательность лиц, а также событий, все равно имена, которые они больше всего чтят и о подвигах которых они больше всего рассказывают, – это имена богов и героев предков племени и их предполагаемых современников; предков, отделенных длинной родословной от нынешнего слушателя. Боги и герои представлялись удаленными от него на несколько поколений, и легендарная материя, сгруппированная вокруг них, выглядела еще более внушительной, когда демонстрировалась на почтительном расстоянии, за пределами дней отца и деда, а также всех известных предшественников. Оды Пиндара ярко иллюстрируют эту тенденцию. Таким образом, мы видим, как получилось, что между временем, отведенным для героических приключений, и временем исторических записей существовал промежуточный пробел, заполненный бесславными именами; и как среди того же общества, которое не заботилось о том, чтобы помнить дела отцов и дедов, циркулировало много популярных и признанных рассказов о реальных или предполагаемых предках, давно прошедших и ушедших [р. 34]. 34] Смутные и бесплодные века, которые непосредственно предшествуют первой записанной Олимпиаде, образуют естественный промежуток между легендарным возвращением Гераклидов и историческими войнами Спарты против Мессены, – между областью легенды, где факты (если таковые имеются) так тесно сочетаются с вымыслом, что их невозможно различить без помощи внешних доказательств, – и историей, где некоторые факты могут быть установлены, и где проницательный критик может с пользой для себя попытаться пополнить их число.

Глава XIX. ПРИМЕНЕНИЕ ХРОНОЛОГИИ К ГРЕЧЕСКОЙ ЛЕГЕНДЕ.

Мне нет нужды повторять то, что уже было достаточно изложено на предыдущих страницах: масса греческих происшествий до 776 года до н. э., как мне кажется, не поддается ни истории, ни хронологии, и любая хронологическая система, которая может быть применена к ней, должна быть по сути своей несертифицированной и иллюзорной. Тем не менее, она была хронологизирована в древние времена и продолжает хронологизироваться в современные; различные схемы, используемые для этой цели, можно найти в первом томе (последнем опубликованном) «Fasti Hellenici» мистера Файнса Клинтона. Среди греков, да и среди современных ученых, существовали и существуют значительные разногласия по поводу дат основных событий: [70] Эратосфенес не соглашался ни с Геродотом, ни с Фанием и Каллимахом, а Ларше и Рауль Рошетт (которые следуют Геродоту) противостоят О. Мюллеру и г-ну Клинтону. Чтобы читатель мог составить общее представление о порядке, в котором располагались эти легендарные события, я привожу из «Fasti Hellenica» двойную хронологическую таблицу, содержащуюся на с. 139, в которой даты расположены последовательно, от Фороней до Олимпиады Корэба в 776 г. до н. э., – в первой колонке по системе Эратосфена, во второй – по системе Каллимаха.

«Следующая таблица (говорит мистер Клинтон) предлагает краткий обзор ведущих периодов от Фороней до Олимпиады Коробуса и демонстрирует двойную серию дат; одна исходит из даты Эратосфена, другая – из даты, основанной на сокращенных расчетах Фания и Каллимаха, которые вычеркивают пятьдесят шесть лет из суммы Эратосфена. Фаний, как мы видели, опустил пятьдесят пять лет между Возвращением и зарегистрированной Олимпиадой; так мы можем понять этот счет: Каллимах, пятьдесят шесть лет между Олимпиадой Ифита и Олимпиадой, на которой победил Корибус [71] [р. 36].

Первый столбец этой Таблицы показывает текущие годы до и после падения Трои: во втором столбце дат указаны полные интервалы между событиями.

Хронология мифических и ранних исторических событий Древней Греции, отсчитываемая от даты падения Трои, по версиям Эратосфена и Каллимаха.

События до падения Трои:

За 570 лет до Трои правил Фороней (ок. 1753 г. до н.э. по Эратосфену; ок. 1697 г. до н.э. по Каллимаху). Спустя 287 лет, за 283 года до Трои, времена Даная и Пеласга V (ок. 1466 г. до н.э.; ок. 1410 г. до н.э.). Через 33 года, за 250 лет до Трои, произошел потоп при Девкалионе (ок. 1433 г. до н.э.; ок. 1377 г. до н.э.). Еще через 50 лет, за 200 лет до Трои, время Эрехтея и Дардана (ок. 1383 г. до н.э.; ок. 1327 г. до н.э.). Спустя еще 50 лет, за 150 лет до Трои, правление Азана, Афиданта и Элата (ок. 1333 г. до н.э.; ок. 1277 г. до н.э.).

За 130 лет до Трои прибытие Кадма (1313 г. до н.э.; 1257 г. до н.э.). Через 30 лет, за 100 лет до Трои, время Пелопса (ок. 1283 г. до н.э.; ок. 1227 г. до н.э.). Спустя 22 года, за 78 лет до Трои, рождение Геракла (1261 г. до н.э.; 1205 г. до н.э.). Через 36 лет, за 42 года до Трои, поход аргонавтов (ок. 1225 г. до н.э.; ок. 1169 г. до н.э.). Спустя 12 лет, за 30 лет до Трои, началась Первая Фиванская война (1213 г. до н.э.; 1157 г. до н.э.).

Через 4 года, за 26 лет до Трои, смерть Геракла (1209 г. до н.э.; 1153 г. до н.э.). Спустя 2 года, за 24 года до Трои, смерть Эврисфея (1207 г. до н.э.; 1151 г. до н.э.). Через 4 года, за 20 лет до Трои, смерть Гилла (1203 г. до н.э.; 1147 г. до н.э.). Спустя 2 года и 9 месяцев, за 18 лет до Трои, воцарение Агамемнона (1200 г. до н.э.; 1144 г. до н.э.). Через 2 года, за 16 лет до Трои, Вторая Фиванская война (1198 г. до н.э.; 1142 г. до н.э.). Спустя 6 лет, за 10 лет до Трои, начался Троянский поход, длившийся 9 лет и 1 месяц (1192 г. до н.э.; 1136 г. до н.э.).

Падение Трои:

Само падение Трои (или его взятие) датируется 1183 г. до н.э. по Эратосфену и 1127 г. до н.э. по Каллимаху.

События после падения Трои:

На 8-м году после Трои Орест воцарился в Аргосе (1176 г. до н.э.; 1120 г. до н.э.). Спустя 52 года, на 60-м году после Трои, фессалийцы заняли Фессалию, беотийцы вернулись в Беотию, а также началась Эолийская миграция под предводительством Пентила (1124 г. до н.э.; 1068 г. до н.э.). Через 20 лет, на 80-м году после Трои, произошло Возвращение Гераклидов (1104 г. до н.э.; 1048 г. до н.э.). Спустя 29 лет, на 109-м году после Трои, Алет воцарился в Коринфе (1075 г. до н.э.; 1019 г. до н.э.). Через 1 год, на 110-м году после Трои, миграция Тераса (1074 г. до н.э.; 1018 г. до н.э.).

Спустя 21 год, на 131-м году после Трои, остров Лесбос был занят (1053 г. до н.э.; 997 г. до н.э.). Через 8 лет, на 139-м году после Трои, смерть Кодра (1045 г. до н.э.; 989 г. до н.э.). Спустя 1 год, на 140-м году после Трои, началась Ионийская миграция (1044 г. до н.э.; 988 г. до н.э.). Через 11 лет, на 151-м году после Трои, основана Кима (1033 г. до н.э.; 977 г. до н.э.). Спустя 18 лет, на 169-м году после Трои, основана Смирна (1015 г. до н.э.; 959 г. до н.э.).

Через 131 год, на 300-м году после Трои, была установлена Олимпиада Ифита (884 г. до н.э.; 828 г. до н.э.). Спустя 108 лет, на 408-м году после Трои, состоялась первая историческая Олимпиада Кориоба (776 г. до н.э. по обеим системам отсчета).

[стр. 37] Во всех случаях, где хронология возможна, исследования, подобные тем, что провёл мистер Клинтон и которые столь способствовали лучшему пониманию поздних времён Греции, заслуживают уважительного внимания. Но самый искусный хронолог ничего не сможет достичь, если у него нет надёжной основы фактов, очищенных от вымысла и подтверждённых свидетелями, которые знают правду и готовы её изложить. Обладая такой исходной базой, он может использовать её для опровержения ложных утверждений и исправления частичных ошибок. Но если все предоставленные ему первоначальные сведения содержат правду (по крайней мере, там, где она есть) в своего рода химическом соединении с вымыслом, которое он не в силах разложить, — он оказывается в положении человека, пытающегося решить задачу без исходных данных: сначала он вынужден сам создать эти данные, а уже затем выводить из них свои заключения.

Свидетельства эпических поэтов, наших единственных первоначальных источников в данном случае, соответствуют этому описанию. Независимо от того, насколько мала или велика доля правды в них, она остаётся неопределимой, — а постоянное и тесное смешение с вымыслом не только само по себе очевидно, но и, по сути, неизбежно для целей и задач тех, от кого эти сказания исходят. Таковы все свидетельствующие источники, даже когда их повествования совпадают; и именно из груды таких сказаний, не совпадающих, а противоречащих друг другу тысячей способов, без крупинки достоверной подтверждённой истины, — критик должен выстроить упорядоченную последовательность исторических событий, украшенных хронологическими датами.

Если бы мы могли представить себе современного ученого-критика, перенесенного в Грецию во время Персидской войны, — с его нынешними привычками оценивать исторические свидетельства, не разделяя религиозных или патриотических чувств страны, — и приглашенного подготовить из огромного корпуса греческого эпоса, который тогда существовал, историю и хронологию Греции до 776 г. до н. э., обосновав как то, что он признает, так и то, что он отвергает, — я убежден, что он оценил бы это начинание не лучше, чем процесс гадания. Но современный критик обнаруживает, что не только Ферекидес и Элланик, но и Геродот и Фукидид либо пытались выполнить эту задачу, либо утверждали, что она выполнима, — что совсем не удивительно, если принять во внимание их узкий кругозор и исторические свидетельства. 38] опыт исторических свидетельств и мощное превосходство религии и патриотизма

в предрасположении к античной вере, – и поэтому он принимает проблему в том виде, в каком они ее завещали, добавляя свои собственные усилия, чтобы привести ее к удовлетворительному решению. Тем не менее, он не только следует за ними с некоторой долей сдержанности и беспокойства, но даже допускает важные различия, совершенно чуждые их привычкам мышления. Фукидид говорит о деяниях Эллина и его сыновей с такой же уверенностью, с какой мы сейчас говорим о Вильгельме Завоевателе: Мистер Клинтон признает Эллина с его сыновьями Дорусом, Эолом и Ксутом вымышленными личностями. Геродот перечисляет великие героические генеалогии, начиная с Кадма и Даная, с верой не менее полной в высших членов серии, чем в низших: но мистер Клинтон допускает радикальное различие в свидетельствах о событиях до и после первой записанной Олимпиады, или 776 года до н. э., – «первой даты в греческой хронологии (замечает он, стр. 123), которая может быть зафиксирована на основе достоверных свидетельств», – высшей точки, до которой может быть доведена греческая хронология, считая вверх. Об этой важной эпохе в греческом развитии – начале подлинной хронологической жизни – Геродот и Фукидид не знали и не принимали во внимание: более поздние хронологи, начиная с Тимея, отметили ее и сделали основой своих хронологических сравнений, насколько это было возможно: но ни Эратосфенес, ни Аполлодорус, похоже, не признали (хотя Варро и Африкан признали) заметную разницу в отношении определенности или подлинности между периодом до и периодом после.

В качестве дальнейшей иллюстрации мнения г-на Клинтона о том, что первая записанная Олимпиада является самой ранней датой, которая может быть установлена на основании достоверных свидетельств, мы имеем, на стр. 138, следующие справедливые замечания в отношении несогласных мнений Эратосфена, Фания и Каллимаха о дате Троянской войны: «Хронология Эратосфена (говорит он), основанная на тщательном сопоставлении обстоятельств и одобренная теми, кому были открыты те же источники информации, заслуживает нашего уважения. Но мы должны помнить, что предположительная дата никогда не может подняться до авторитета доказательства; что то, что принимается в качестве замены свидетельства, не является эквивалентом: только свидетели могут доказать дату, а в отсутствие таковых знание о ней явно недоступно для нас. [р. 39] Если в отсутствие лучшего света мы ищем то, что вероятно, мы не должны забывать о различии между предположением и доказательством; между тем, что вероятно, и тем, что определено. Вычисление Эратосфена для войны за Троию открыто для исследования; и если мы находим его противоречащим мнениям многих предшествующих писателей, которые установили более низкую дату, и противоречащим признанной продолжительности поколений в наиболее достоверных династиях, нам позволено следовать другим проводникам, которые дают нам более низкую эпоху.»

Здесь г-н Клинтон снова явно признает отсутствие доказательств и неустранимую неопределенность греческой хронологии до Олимпиады; и разумный вывод из его аргументации состоит не просто в том, что «вычисления Эратосфена были открыты для исследования» (что мало кто станет отрицать), а в том, что и Эратосфен, и Фаний высказали положительное мнение по вопросу, по которому нет достаточных доказательств, и поэтому ни один, ни другой не являются руководством, которому следует следовать. [73] Клинтон, правда, говорит о подлинных династиях до первой записанной Олимпиады, но если таковые и существуют, начиная с этого периода и заканчивая предполагаемой точкой, созвучной или предшествующей войне под Троей, – я не вижу веских причин для заметного различия, которое он проводит между хронологией до и хронологией после Олимпиады Корабуса, или для необходимости, которую он чувствует, приостанавливая свой восходящий отсчет в последнюю упомянутую эпоху, и начиная другой процесс, называемый «нисходящим отсчетом», с более высокой эпохи (предполагаемой, чтобы быть как-то установленной без какого-либо восходящего отсчета) первого патриарха, от которого исходит такая подлинная династия. [74] Геродот и Фукидид вполне могли бы, исходя из этого предположения, спросить у мистера Клинтона, почему он призвал

их изменить свой метод в 776 году до н. э., и почему бы им не позволить продолжить свой «восходящий хронологический отсчет», не прерываясь, от Леонида до Даная или от Писистрата до Эллина и Девкалиона, без каких-либо изменений в точке зрения. Аутентичные династии от Олимпиады до эпохи, превышающей Троянскую войну, позволили бы нам получить хронологическое доказательство последней даты, а не сводиться (как утверждает мистер Клинтон) к «предположениям» вместо доказательств.

Весь вопрос о ценности отсчета от Олимпиады до Форонея, по сути, упирается в это: Являются ли те генеалогии, которые претендуют на то, чтобы покрыть промежуток между этими двумя периодами, подлинными и заслуживающими доверия, или нет? Мистер Клинтон, по-видимому, считает, что это не так, когда признает существенную разницу в характере свидетельств и необходимость изменения метода вычислений до и после первой записанной Олимпиады; однако в своем Предисловии он старается доказать, что они имеют историческую ценность и в основном правильно изложены: более того, что вымышленные лица, где бы они ни перемешались, могут быть обнаружены и устранены. Доказательства, на которые он опирается, таковы: 1. Надписи; 2. Ранние поэты.

1. Надпись, будучи не чем иным, как надписью на мраморе, имеет доказательную силу при тех же условиях, что и опубликованная надпись на бумаге. Если автор надписи сообщает о современном факте, который он имел возможность узнать, и если нет причин подозревать его в искажении, мы верим его утверждению: с другой стороны, если он записывает факты, относящиеся к периоду до его собственного времени, его авторитет имеет мало значения, за исключением той степени, в которой мы можем проверить и оценить его средства познания.

Поэтому, оценивая доказательную силу любой надписи, первым и самым необходимым моментом является определение ее даты. Среди всех государственных реестров и надписей, на которые ссылается г-н Клинтон, нет ни одной, которую можно было бы с уверенностью отнести к дате, предшествующей 776 г. до н. э. Квит Ифита, государственные реестры в Спарте, Коринфе и Элисе, список жриц Юноны в Аргосе – все они относятся к дате, которая совершенно не подтверждена. О. Мюллер, правда, соглашается с г-ном Клинтоном (хотя, на мой взгляд, без достаточных доказательств) в отнесении квоиты Ифита к возрасту, приписываемому этому принцу: и если мы даже согласимся с этим, у нас будет надпись, возраст которой (если принять определение г-на Клинтона о возрасте Ифита) составляет 828 г. до н. э. Но когда мистер Клинтон цитирует О. Мюллера, признающего реестры Спарты, Коринфа и Элиды, будет правильно добавить, что последний не гарантирует подлинность этих документов или возраст, в котором такие реестры начали вестись. Не стоит сомневаться, что существовали реестры царей Спарты вплоть до Гераклеи, а царей Элиды – от Оксила до Ифита; но вопрос в том, в какое время эти списки начали вестись постоянно? Это вопрос, который мы не можем решить, как и не можем принять ничем не подкрепленное предположение г-на Клинтона, который говорит нам: «Возможно, их начали писать еще в 1048 году до н. э., то есть в вероятное время дорийского завоевания». И снова он говорит нам: «В Аргосе сохранился реестр жриц Юноны, который может быть более древним, чем каталоги царей Спарты или Коринфа. Этот реестр, на основе которого Элланик составил свой труд, содержал жриц с древнейших времен до эпохи самого Элланика... Но этот каталог мог быть начат еще во время Троянской войны и даже раньше». (pp. x. xi.) Опять же, что касается надписей, процитированных Геродотом из храма именованного Аполлона в Фебах, в которых названы Амфитрион и Лаодамас, г-н Клинтон говорит: «Это были надписи из храма именованного Аполлона в Фебах. Клинтон говорит: «Они были древними во времена Геродота, что, возможно, относит их на 400 лет назад до его времени: в таком случае они могли бы приблизиться на 300 лет к Лаодамасу и на 400 лет к вероятному времени самого Кадма. Но в том, что они были древними, сомневаться не приходится» и т. д.

Время, когда Геродот увидел храм именованного Аполлона в Фебах, вряд ли могло быть раньше 450 года до н. э. Считая от этого времени до 776 года до н. э., мы имеем интервал в 326 лет: надписи, которые видел Геродот, вполне могли быть древними, не будучи ранее первой записанной Олимпиады. Мистер Клинтон, правда, говорит нам, что древние «возможно» могут быть истолкованы как 400 лет раньше Геродота. Но ни один внимательный читатель не позволит себе превратить такую голую возможность в основание для умозаключений и использовать ее, в сочетании с другими подобными возможностями, перечисленными ранее, для доказательства того, что в Греции действительно существовали надписи, датированные ранее 776 г. до н. э. Если мистер Клинтон не сможет доказать это, он не сможет извлечь никакой пользы из надписей в своей попытке обосновать реальность мифических людей или мифических событий.

Дело в том, что родословная спартанских царей, составленная Гераклидом (как было отмечено в предыдущей главе), – лишь одна из многочисленных божественных и героических генеалогий, которыми изобилует Гель [р. 43] линский мир [75], – класс документов, которые становятся историческими свидетельствами лишь настолько высоко в восходящем ряду, насколько составляющие их имена подтверждены современной или почти современной записью. В какой период началась эта практика занесения в списки, у нас нет сведений. Однако можно сделать два замечания, которые позволят приблизительно определить время начала регистрации: Во-первых, количество имен в родословной или продолжительность прошлого времени, которое она якобы охватывает, не дает оснований предполагать какую-либо большую древность времени регистрации: Во-вторых, учитывая признанную скудость и грубость греческой письменности вплоть до 60-й Олимпиады (540 г. до н. э.), отсутствие привычки к письму, а также низкую оценку его ценности, которую дает такое положение вещей, можно предположить, что письменная регистрация семейных генеалогий началась лишь спустя долгое время после 776 г. до н. э., и обязанность доказательства ложится на того, кто утверждает, что она началась раньше. И это второе замечание еще больше подтверждается, когда мы замечаем, что нет ни одного зарегистрированного списка, кроме списка олимпийских победителей, который бы доходил до 776 года до н. э. Следующий список, который приводят О. Мюллер и г-н Клинтон, – это список карнеоников, или победителей на Карнейском фестивале, который доходит только до 676 года до н. э.

Если господин Клинтон мало что делает из надписей, чтобы поддержать свой взгляд на греческую историю и хронологию до записанных олимпиад, давайте рассмотрим выводы, которые он делает из своего эфирного источника доказательств, – ранних поэтов. И здесь обнаружится, что, во-первых, для того чтобы поддержать доверие к этим свидетелям, он выдвигает позиции в отношении исторических доказательств, которые сами по себе необоснованны и особенно неприменимы к ранним временам Греции: Во-вторых, его рассуждения в то же время непоследовательны, поскольку включают в себя признания, которые, если их правильно понять и следовать им, показывают этих самых свидетелей как привычно, беспорядочно и бессознательно смешивающих правду и вымысел; и поэтому мало пригодны для того, чтобы им верили на основании их одиночных и ничем не подкреплённых показаний.

Чтобы рассмотреть сначала второй пункт, он говорит: «Введение, с. ii-iii: «Авторитет даже генеалогий был поставлен под сомнение многими способными и учеными людьми, которые отвергают Даная, Кадма, Геракла, Фесея и многих других, как вымышленных личностей. Очевидно, что любой факт мог выйти из рук поэтов, приукрашенный многими сказочными добавлениями: и вымышленные генеалогии, несомненно, были составлены. Однако, поскольку некоторые генеалогии были вымышленными, мы не вправе заключать, что все они были сказочными... Таким образом, оценивая историческую ценность генеалогий, переданных ранними поэтами, мы можем занять среднюю позицию; не отвергая их как полностью ложные, но и не принимая все как истинные. В генеалогиях содержится много реальных лиц, но они

объединены со многими вымышленными именами. Однако в основе вымысла лежит истина: генеалогическое выражение может быть ложным, но связь, которую оно описывает, реальна. Даже для тех, кто отвергает все это как сказочное, экспозиция ранних времен, представленная в этом томе, все равно не может быть неприемлемой: ведь для правильного понимания древности необходимо, чтобы мнения греков о собственном происхождении были представлены перед нами, даже если это ошибочные мнения, и чтобы их история была рассказана так, как они сами ее рассказывали. Имена, сохранившиеся в древних генеалогиях, могут быть трех видов: либо это название расы или клана, преобразованное в имя отдельного человека, либо они полностью вымышлены, либо, наконец, это реальные исторические имена. В четырех генеалогических таблицах, приведенных ниже, сделана попытка различить эти три класса имен... Из тех, кто остался в третьем классе (то есть настоящих), все не имеют права оставаться там. Но я отнес к третьему классу только те имена, относительно которых не было особых сомнений. Остальные оставляю на усмотрение читателя».

Следуя этому принципу деления, мистер Клинтон приводит четыре генеалогические таблицы, [76] в которых имена людей, представляющих расы, напечатаны заглавными буквами, а имена чисто вымышленных лиц – курсивом. И эти таблицы являют собой любопытный образец интимного смешения вымысла с тем, что он называет правдой: реальный сын и мифический отец, реальный муж и мифическая жена, или наоборот. [р. 46]

В отношении таблиц мистера Клинтона можно отметить следующее.

1. Имена, выделенные как вымышленные, не отличаются ни общим характером, ни каким-либо признаком, который можно было бы присвоить или защитить, от тех, которые оставлены как реальные. Например (стр. 40), почему *Itônus* первый указан как выдумка, а *Itônus* второй, вместе с *Physcus*, *Cynus*, *Salmôneus*, *Ormenus* и т. д. на той же странице, сохранены как реальные, и все они являются эпонимами городов в той же степени, что и *Itônus*?

2. Если мы должны отбросить *Hellên*, *Dôrus*, *Æolus*, *Iôn* и т. д., как не являющиеся реальными личностями, а выражающие олицетворенные расы, то почему мы должны сохранить *Kadmus*, *Danaus*, *Hyllus* и некоторые другие, которые являются такими же эпонимами рас и племен, как и четыре вышеупомянутых? *Хиллус*, *Памфил* и *Димас* – эпонимы трех дорийских племен, [77] так же как *Гопис* и три других сына *Иона* – четырех аттических племен: *Кадм* и *Данай* находятся в таком же отношении к *кадмейцам* и *данайцам*, как *Аргус* и *Ахей* к *аргейцам* и *ахейцам*. Кроме того, существует множество других имен, действительно являющихся эпонимами, которые мы сейчас не можем признать таковыми в силу нашего несовершенного знакомства с подразделениями эллинского населения, каждое из которых, говоря в целом, имело своего бога или героя, к которому относился оригинал имени. Если же исключить из категории реальности одноименные имена, то мы обнаружим, что ряды настоящих мужчин поредели в гораздо большей степени, чем это следует из таблиц мистера Клинтона.

3. Хотя мистер Клинтон не проводит последовательно ни одну из своих квалификаций, лишаящих права голоса имена и лица из старых мифов, он, тем не менее, задвигает их достаточно далеко, чтобы вычеркнуть разумную часть целого. Уступая во многом современному скептицизму, он отходит от точки зрения *Элланика*, *Геродота* и вообще древних историков; и необычно, что имена, которыми он охотнее всего жертвует, – это именно те, к которым они были наиболее привязаны и расставание с которыми было бы наиболее болезненным для их веры, – я имею в виду одноименных героев. Ни *Геродот*, ни *Элланик*, ни *Эратосфен*, ни один из хронологических летописцев древности не признали бы различия, которое проводит мистер Клинтон между реальными лицами. Клинтона между лицами реальными и вымышленными в старом мифическом мире, хотя, возможно, иногда, по особым причинам, они могли бы поставить под сомнение существование некоторых отдельных персонажей среди мифических предков Греции; но они никогда не мечтали о таком общем разделении на реальных и вымышленных лиц, которое составляет принцип «среднего хода» г-на Клинтона. Их хронологиче-

ские вычисления для греческой древности предполагали, что все мифические персонажи, в их полной и цельной последовательности, были реальными лицами. Считая весь список реальным, они исчисляли количество поколений в столетии и таким образом определяли количество веков, отделявших их от богов, героев или автохтонных людей, составлявших, по их мнению, историческую точку отсчета. Но как только признается, что персонажи мифического мира делятся на два класса, частично реальные и частично вымышленные, целостность ряда нарушается, и он уже не может быть использован в качестве основы для хронологических расчетов. По подсчетам древних хронологов, три последовательных человека одной и той же линии – дед, отец и сын – составляют столетие; и это может быть грубым способом, пока вы полностью уверены, что все они реальные люди: но если в последовательности людей А, В, С вычеркнуть В как фикцию, непрерывность данных, необходимых для хронологических вычислений, исчезает. Теперь мистер Клинтон противоречит сам себе в том, что, отказываясь от не вызывающей подозрений исторической веры греческих хронологов, он, тем не менее, продолжает свои хронологические вычисления на основе данных этой древней веры, на основе предполагаемой реальности всех лиц, составляющих его доисторические поколения. Что, например, станет с генеалогией спартанских царей, составленной Гераклидом, если признать, что эпонимы должны быть отменены как фикции; если учесть, что Гиллий, через которого эти цари вели свое происхождение от Гераклеи, самым отчетливым образом подпадает под эту категорию, так же как и Гоплис, сын Иона? Выяснится, что, когда мы перестаем верить в мифический мир как в непрерывную и неизменную череду реальных личностей, он становится непригодным для использования в качестве основы для хронологических вычислений, и что мистер Клинтон, исказив данные древних хронологов, должен был в то же время отказаться от их проблем как от неразрешимых. Генеалогии реальных лиц, в которые верили Геродот и Эратосфенес, представляют собой приемлемую основу для расчетов времени в определенных пределах погрешности: «Генеалогии, содержащие много реальных лиц, но включающие много вымышленных имен» (если воспользоваться формулировкой, только что приведенной г-ном Клинтон), по сути, недоступны для такой цели.

Здесь уместно добавить, что я согласен с мнением мистера Клинтона об этих одноименных личностях: Я признаю вместе с ним, что «генеалогическое выражение часто может быть ложным, когда связь, которую оно описывает, реальна». Так, например, усыновление Гилея Эгимием, отцом Памфила и Димаса, с привилегиями сына и третьей долей его территорий, может быть обоснованно истолковано как мифическое выражение братского союза трех дорийских племен, Гилея, Памфила и Димана: то же самое касается отношений Иона и Ахея, Дора и Эола. Но если мы наложим эту конструкцию на имя Хилла, или Иона, или Ахея, мы не сможем в то же время использовать любого из этих людей в качестве единицы в хронологическом подсчете: несовместимо признавать их в совокупности как членов отдельного класса и в то же время зачислять их как реальных личностей при измерении продолжительности прошлого времени.

4. Мистер Клинтон, исповедуя желание рассказать историю греков так, как они сами ее рассказали, похоже, не осознает, насколько капитально его точка зрения отличается от их. Различие, которое он проводит между реальными и вымышленными лицами, показалось бы Геродоту или Эратосфену неразумным, если не сказать оскорбительным. Несомненно, правильно, что ранняя история (если ее можно так назвать) греков должна быть рассказана так, как они сами ее рассказывали, и с этой целью я постарался в предыдущем повествовании, насколько мог, представить первобытные легенды в их первоначальном цвете и характере, указав в то же время на то, как они были преобразованы и переработаны в историю, пройдя через реторту поздних летописцев. Под легендой, преобразованной таким образом, мистер Клинтон, по-видимому, понимает историю, рассказанную самими греками, – что нельзя признать истинным, если не объяснить смысл этого выражения. Однако в своем общем различии между реаль-

ными и вымышленными лицами мифического мира он существенно отходит от точки зрения даже поздних греков. И если бы он последовательно проводил это различие в своей конкретной критике, он обнаружил бы, что почва уходит у него из-под ног в его восходящем шествии даже к Трое, не говоря уже о ряде восемнадцати поколений дальше, к Форонею; но он не проводит его последовательно, и поэтому на практике он мало отклоняется от следов древних. Было сказано достаточно, чтобы показать, что свидетели, на которых опирается мистер Клинтон, привычно, без разбора и бессознательно смешивают правду и вымысел, даже по его собственному признанию. Теперь давайте рассмотрим позиции, которые он занимает в отношении исторических свидетельств. Он говорит (Introduct. pp. vi-vii):-.

«Мы можем признать реальными личностями всех тех, кого нет оснований отвергать. Презумпция в пользу ранней традиции, если никакие аргументы не могут ее опровергнуть. Личности могут считаться реальными, если их описание созвучно состоянию страны в то время: если никакие национальные предрассудки или тщеславие не могли быть причастны к их изобретению: если традиция последовательная и общая: если соперничающие или враждебные племена сходятся в главных фактах: если действия, приписываемые человеку (лишенные поэтического украшения), входят в политическую систему эпохи или образуют основу других сделок, которые попадают в известные исторические времена. Кадмус и Данай кажутся реальными лицами: ведь вполне соответствует состоянию человечества и вполне правдоподобно, что финикийские и египетские авантюристы в эпоху, к которой приписываются эти лица, должны были добраться до берегов Греции; и у греков (как уже отмечалось) не было никаких мотивов из национального тщеславия симулировать эти поселения. Геракл был реальным человеком. Его деяния были записаны теми, кто не был дружен с дорийцами; ахейцами, эолийцами и ионийцами, у которых не было тщеславия прославлять героя враждебного и соперничающего народа. Его потомки во многих ветвях оставались во многих государствах вплоть до исторических времен. Его сын Тлеподем, его внук и правнук Клеод и Аристомех признаны (т. е. О. Мюллером) реальными лицами: и нет никаких причин, которые можно было бы привести для их признания, которые не были бы столь же вескими для установления реальности Гер [р. 50] кулеса и Гилея. Прежде всего, Геракл подтверждается свидетельствами как „Илиады“, так и „Одиссеи“».

Эти позиции кажутся мне несовместимыми с любыми здравыми взглядами на условия исторического свидетельства. Согласно изложенному здесь, мы обязаны признать реальными всех лиц, упомянутых Гомером, Арктином, Лешекком, гесиодовскими поэтами, Эвмелом, Асием и т. д., если только в каждом конкретном случае мы не сможем привести какие-либо позитивные основания для доказательства обратного. Если эта позиция верна, то большая часть истории Англии, начиная с троянца Брута и заканчивая Юлием Цезарем, должна быть сразу же признана достоверной и заслуживающей доверия. То, что мистер Клинтон называет ранней традицией, на самом деле является повествованием этих ранних поэтов. Слово «традиция» — двусмысленное слово и ставит весь вопрос; ведь если в своем очевидном и буквальном значении оно подразумевает лишь нечто передаваемое из поколения в поколение, будь то правда или вымысел, то под ним молчаливо понимается рассказ, описывающий некий реальный факт, возникший в то время, когда этот факт имел место, и изначально точный, но испорченный последующей устной передачей. Понимая, таким образом, под словами мистера Клинтона раннюю традицию, сказания старых поэтов, мы найдем его позицию совершенно неприемлемой, — что мы обязаны признать личности или высказывания Гомера и Гесиода как реальные, если только мы не сможем привести доводы в пользу обратного.

Допустить это означало бы поставить их в один ряд с хорошими современными свидетелями; ведь даже Фукидид не может претендовать на большую привилегию, чем право верить его свидетельству, если только оно не опровергается на особых основаниях. Презумпция в пользу утверждающего свидетеля либо сильна, либо слаба, либо положительно ничтожна,

в зависимости от сложного соотношения его средств познания, его моральных и интеллектуальных привычек, а также его мотива говорить правду. Так, например, когда Гесиод рассказывает нам, что его отец покинул эолийский Кимк и прибыл в Аскру в Беотии, мы можем полностью ему верить; Но когда он описывает нам битвы между олимпийскими богами и титанами, или между Гераклом и Цикном, – или когда Гомер изображает усилия Гектора, при поддержке Аполлона, по защите Трои, и борьбу Ахилла и Одиссея, при поддержке Геракла и Посейдона, за разрушение этого города, – события, якобы давно прошедшие и ушедшие, – мы не можем считать ни одного из них [р. 51] заслуживающими доверия. Невозможно доказать, что они обладали какими-либо средствами познания, и уж точно у них не могло быть никаких мотивов для рассмотрения исторической правды: их целью было удовлетворить некритичный аппетит к повествованию и заинтересовать эмоции слушателей. Мистер Клинтон утверждает, что «лица могут считаться реальными, если их описание соответствует состоянию страны в то время». Но он забыл, во-первых, что мы ничего не знаем о состоянии страны, кроме того, что рассказывают нам эти самые поэты; во-вторых, что вымышленные лица могут быть так же созвучны состоянию страны, как и реальные. Поэтому, с одной стороны, у нас нет никаких независимых доказательств, чтобы утверждать или отрицать, что Ахилл или Агамемнон соответствуют состоянию Греции или Малой Азии на определенную предполагаемую дату 1183 года до н. э., с другой стороны, даже если предположить, что такое соответствие будет установлено, это само по себе не докажет, что они были реальными людьми.

В рассуждениях мистера Клинтона совершенно не учитывается существование правдоподобного вымысла – вымышленных историй, которые прекрасно согласуются с общим ходом фактов и отличаются от фактов не каким-либо внутренним характером, а тем обстоятельством, что у факта есть компетентный и хорошо информированный свидетель, подтверждающий его подлинность либо прямо, либо путем законного умозаключения. Вымысел может быть, и часто бывает, экстравагантным и невероятным; но он также может быть правдоподобным и умозрительным, и в этом случае ничто, кроме отсутствия свидетельства, не отличает его от правды. Теперь все тесты, которые мистер Клинтон предлагает в качестве гарантии реальности гомеровских личностей, будут так же хорошо удовлетворены правдоподобным вымыслом, как и реальным фактом: правдоподобность вымысла состоит в том, что он удовлетворяет этим и другим подобным условиям. В большинстве случаев сказания поэтов действительно совпадали с существующим течением чувств в их аудитории: «предрассудки и тщеславие» – не единственные чувства, но, несомненно, к предрассудкам и тщеславию часто апеллировали, и именно благодаря такой гармонии чувств они закрепились в людской вере. Без сомнения, «Илиада» сильнее всего взывала к почитанию богов и героев предков среди азиатских колонистов, которые впервые услышали ее: соблазн рассказать интересную историю – вполне достаточный стимул для выдумки поэта, а правдоподобие истории – достаточный залог веры слушателей. Мистер Клинтон говорит о «последовательной и общей традиции». Но то, что сказка поэта, однажды рассказанная эффектно и красиво, приобрела всеобщую веру, не является доказательством того, что она основана на фактах: иначе что мы скажем о божественных легендах и о значительной части гомеровского повествования, которую сам мистер Клинтон отбрасывает как недостоверную под названием «поэтический орнамент»? Когда мифическое происшествие записывается как «основа» какого-то известного исторического факта или события, – как, например, удачная хитрость, с помощью которой Меланф убил Ксанфа в битве на границе, о которой рассказывалось в моей последней главе, – мы можем принять одну из двух точек зрения; Мы можем либо рассматривать этот инцидент как реальный и как действительно давший повод для того, что описано как его эффект, – либо мы можем рассматривать этот инцидент как легенду, придуманную для того, чтобы приписать какое-то правдоподобное происхождение реальности, – «Aut ex re nomen, aut ex vocabulo fabula. « [78] В тех случаях, когда легендарное происшествие относится ко времени, задолго до появления каких-либо записей, –

как это обычно бывает, – второй способ действий представляется мне гораздо более созвучным разуму и вероятности, чем первый. Следует помнить, что все люди и факты, защищаемые здесь мистером Клинтоном в качестве реальной истории, относятся к эпохе, задолго предшествующей первому началу записей.

Я уже отмечал, что мистер Клинтон уклоняется от своего собственного правила, рассматривая Кадмуса и Даная как реальных людей, поскольку они являются такими же эпонимами племен или рас, как Дорус и Эллин. И если он может признать Геракла реальным человеком, то я не вижу, на каком основании он может последовательно отвергать любого из мифических персонажей, ибо нет ни одного, чьи подвиги более разительно расходились бы со стандартом исторической вероятности. Мистер Клинтон основывается на предположении, что «Геркулес был дорийским героем»: но он был ахейцем и кадмеем, а также дорийцем, хотя легенды о нем отличаются во всех трех характерах. Относятся ли его сын Тлеполем и внук Клеодэй к категории исторических людей, я не берусь утверждать, хотя О. Мюллер (по моему мнению, без всякой гарантии), похоже, признает это; но Гиллий, конечно, не настоящий человек, если можно доверять канонам самого г-на Клинтона относительно эпонимов. «Потомки Геркулеса (замечает мистер Клинтон) оставались во многих государствах вплоть до исторических времен». Так же как и потомки Зевса и Аполлона, и того бога, которого историк Гекатей признал своим прародителем в шестнадцатом поколении; титулованные цари Эфеса в исторические времена, а также Пейсистрат, деспот Афин, прослеживали свое происхождение до Эола и Эллина, однако мистер Клинтон без колебаний отвергает Эола и Эллина как вымышленные личности. Я оспариваю правомерность цитирования «Илиады» и «Одиссеи» (как это делает г-н Клинтон) в качестве доказательства исторической личности Геракла. Ведь даже в отношении обычных людей, фигурирующих в этих поэмах, у нас нет возможности отличить реальных от вымышленных; в то время как гомеровский Геракл несомненно больше, чем обычный человек, – он любимый сын Зевса, с самого рождения предопределенный к жизни в труде и рабстве в качестве подготовки к славному бессмертию. Без сомнения, сам поэт верил в реальность Геркулеса, но это была реальность, облеченная в сверхчеловеческие атрибуты.

Мистер Клинтон замечает (Intro. p. ii.), что «поскольку некоторые генеалогии были вымышленными, мы не вправе заключать, что все они были сказочными». Нам ни в коем случае не нужно придерживаться столь широкой позиции: достаточно того, что все они сказочны в том, что касается богов и героев, – некоторые сказочны полностью, – и ни одна не является достоверной для периода, предшествующего записанным олимпиадам. Насколько, или какие именно части, могут быть правдивыми, никто не может сказать. Боги и герои, с нашей точки зрения, по сути, вымышлены; но с греческой точки зрения они были самыми реальными (если можно так выразиться, то есть с самой сильной верой) из всех членов серии. Они не только составляли часть генеалогии в том виде, в каком она была задумана изначально, но и сами по себе были главной причиной, по которой она была задумана, – как золотая цепь, соединяющая живого человека с божественным предком. Таким образом, генеалогия, взятая в целом (а ее ценность заключается в том, что она взята в целом), с самого начала была вымыслом; но имена отца и деда живого человека, в день которого она впервые появилась на свет, несомненно, принадлежали реальным людям. Поэтому там, где мы можем подтвердить дату генеалогии, относящейся к какому-либо живому человеку, мы можем обоснованно предположить, что два низших члена генеалогии также принадлежат реальным людям: но это не относится ко времени, предшествующему Олимпиаде, – тем более к притворным временам Троянской войны, Калидонской охоты на кабанов или потопа Девкалиона. Рассуждать (как это делает г-н Клинтон, Intro. p. vi.): «Поскольку Аристомас был настоящим человеком, следовательно, его отец Клеодэй, его дед Хиллус и так далее и т. д. должны были быть настоящими людьми» – это недопустимое заключение. Историк Гекатэус был настоящим человеком, и, несомненно, его отец Гегесандр тоже, но было бы небезопасно подниматься по его генеалогической лест-

нице на пятнадцать ступеней, чтобы увидеть бога предков, которым он хвастался: верхние ступени лестницы окажутся сломанными и нереальными. Не говоря уже о том, что вывод, сделанный от реального сына к реальному отцу, не согласуется с признаниями в собственных генеалогических таблицах мистера Клинтона; ведь там он вставляет имена нескольких мифических отцов как породивших реальных исторических сыновей.

Общий авторитет книги мистера Клинтона и искреннее уважение, которое я питаю к его разъяснениям поздней хронологии, наложили на меня обязанность изложить те основания, по которым я не согласен с его выводами до первой записанной Олимпиады. Читатель, желающий ознакомиться с многочисленными и противоречивыми догадками (они не заслуживают лучшего названия) самих греков, пытавшихся хронологизировать свои мифические повествования, найдет их в обширных примечаниях, приложенных к первой половине первого тома. Поскольку я считаю все подобные исследования не только бесплодными с точки зрения достоверности результата, но и отвлекающими внимание от подлинной формы и реального иллюстративного характера греческой легенды, я не считал нужным повторять их в настоящей работе. Отличаясь, однако, от взглядов мистера Клинтона по этому вопросу, я согласен с ним в отрицании применения этимологии (Intr. pp. xi-xii.) в качестве общей схемы объяснения персонажей и событий греческой легенды. Среди множества причин, которые действовали как подсказки и стимулы для греческой фантазии при создании этих интересных историй, этимология, несомненно, имела свою долю; но ее нельзя применять (как Герман, прежде всего, пытался применить ее) для придания предполагаемого смысла и системы общему корпусу мифических повествований. Я уже высказывался на эту тему в одной из предыдущих глав.

[р. 55] Было бы любопытно выяснить, в какое время или кем были составлены и сохранены самые ранние непрерывные генеалогии, связывающие существующих людей с предполагаемой предшествующей эпохой легенды. Ни Гомер, ни Гесиод не упоминали ни о каких поддающихся проверке современных лицах или обстоятельствах: если бы они это сделали, возраст того или иного из них можно было бы определить на основании веских доказательств, что, как мы справедливо полагаем, было невозможно из-за бесконечных споров на эту тему среди древних писателей. В «Трудах и днях» Гесиода герои Трои и Феба даже представлены как вымершая раса, [79] радикально отличающаяся от современников поэта, которые представляют собой новую расу, слишком развращенную, чтобы можно было представить их как происходящих из чресл героев; так что мы вряд ли можем предположить, что Гесиод (хотя его отец был родом из эолийского Кима) признал родословную эолийских вождей, как предполагаемых потомков Агамемнона. Несомненно, что самые ранние поэты не пытались измерить или преодолеть предполагаемый промежуток между их эпохой и войной под Троей с помощью какого-либо определенного ряда отцов и сыновей: предпринимали ли такую попытку Эвмей или Асий, мы не можем сказать, но самые ранние непрерывные генеалогии, которые мы находим упоминаемыми, это генеалогии Ферекидеса, Элланника и Геродота. Хорошо известно, что Геродот, вычисляя восходящую генеалогию спартанских царей, относит дату Троянской войны к периоду на 800 лет раньше себя, что соответствует 1270—1250 гг. до н. э.; в то время как последующие александрийские хронологи, Эратосфен и Аполлодор, помещают это событие в 1184 и 1183 гг. до н. э.; а Парийский мрамор относит его к промежуточной дате, отличной от обеих, — 1209 г. до н. э. Эфор, Фаний, Тимей, Клейтарх и Дурис, каждый из которых имел свою собственную предположительную дату; но вычисления александрийских хронологов были наиболее распространены среди тех, кто следовал за ними, и, кажется, перешли к современным временам в качестве принятой даты этого великого легендарного события, — хотя некоторые выдающиеся исследователи приняли эпоху Геродота, которую Ларчер попытался обосновать в подробной, но слабой диссертации. [Нет необходимости говорить, что, на мой взгляд, это исследование не имеет никакой другой ценности, кроме иллюстрации идей, которыми руководствовался греческий ум, и демонстрации его прогресса со времен Гомера

до времен Геродота. Ведь это свидетельствует о значительном умственном прогрессе, когда люди начинают методизировать прошлое, даже если они делают это на выдуманных принципах, будучи еще не обеспеченными теми записями, которые только и могут направить их по лучшему пути. Гомеровский человек довольствовался тем, что чувствовал, воображал и верил в отдельные происшествия предполагаемого прошлого, не пытаясь установить связь между ними и собой: вводить вымышленные гипотезы и средства связи – дело последующего века, когда впервые ощущается стимул рационального любопытства, не имея никаких достоверных материалов для его обеспечения. Итак, мы имеем форму истории, действующую на материю легенды, – переходное состояние между легендой и историей; менее интересную, чем любая из них в отдельности, но необходимую как ступень между ними.

Глава XX. СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА И НРАВЫ, ПОКАЗАННЫЕ В ГРЕЧЕСКИХ ЛЕГЕНДАХ.

Хотя конкретные лица и события, запечатленные в легендарных поэмах Греции, нельзя считать относящимися к области реальной истории, эти поэмы, тем не менее, полны поучительности как картины жизни и нравов; и те же самые обстоятельства, которые лишают их авторов всякого доверия как историков, делают их тем более ценными как бессознательных разоблачителей современного им общества. И хотя они якобы описывают неподтвержденное прошлое, их сочетания невольно заимствуются из окружающего настоящего: Ибо в сообществах, подобных первобытным грекам, без книг, без средств для длительных путешествий, без знакомства с иностранными языками и привычками, воображение даже высокоодаренных людей, естественно, было поработано окружающими их обстоятельствами в гораздо большей степени, чем в более поздние времена Солона или Геродота; таким образом, персонажи, которые они задумывали, и сцены, которые они описывали, по этой причине имели более сильное родовое сходство с реалиями их собственного времени и местности. Поэзия той эпохи также не была адресована писатым и критичным авторам, бдительно следящим за плагиатом, пресыщенным простыми образами и требующим новизны и необычности в каждом новом произведении. Чтобы завладеть их чувствами, достаточно было гениально и пылко изобразить более очевидные проявления человеческих приключений или страданий и идеализировать тот тип общества, как частного, так и общественного, с которым слушатели были знакомы. Даже в описании богов, где можно было бы ожидать большой степени широты и отклонений, [81] мы видим, что Гомер переносит на Олимп страсти, капризы, любовь к власти и покровительству, чередование достоинства и слабости, которые одушевляли лоно обычного греческого вождя; И эта тенденция воспроизводит по существу социальные отношения, к которым он привык, будет действовать еще сильнее, когда ему придется описывать просто человеческие характеры – вождя и его людей, воина и его товарищей, мужа, жену, отца и сына – или несовершенные зачатки судебного и административного процесса. В том, что его повествование по всем этим пунктам, даже с вымышленными персонажами и событиями, представляет собой близкое приближение к общей реальности, нет никаких оснований сомневаться. [82] Необходимость, в которой он находился, черпая из неистощимых в то время запасов личного опыта и наблюдений, является одной из причин той свежести и живости описания, в которой ему нет равных, и которая составляла нетленное очарование Илиады и Одиссеи от начала и до конца греческой литературы.

Поэтому, отказавшись от идеи хронологизации или историзации событий греческой легенды, мы можем использовать их с пользой для себя как ценные памятники того состояния общества, чувств и интеллекта, которое должно быть для нас отправной точкой истории народа. Конечно, легендарная эпоха, как и все последующие, имела свои предшествующие причины и определяющие условия; но о них мы ничего не знаем, и мы вынуждены принять ее как первичный факт, чтобы проследить за ее последующими изменениями. Представление об абсолютном начале или происхождении (как справедливо заметил Нибур) недоступно нашим способностям: мы не можем ни понять, ни проверить ничего, кроме прогресса, или развития, или упадка [83] – изменения от одного набора обстоятельств к другому, управляемого определенной комбинацией физических или моральных законов. В случае с греками легендарный век, как самый ранний из всех известных нам, должен быть принят за исходное состояние, с которого начинается этот ряд изменений. Мы должны как можно лучше изобразить его выдающиеся черты и показать – частично как он служит для подготовки, частично как он образует контраст для выделения – последующие эпохи Солона, Перикла и Демосфена.

1. Политическое состояние, которое повсеместно представляет нам греческая легенда, в своих основных чертах разительно отличается от того, которое стало повсеместно распространенным среди греков во времена Пелопоннесской войны. Историческая олигархия, как и демократия, сходились в том, что требовали определенной установленной системы правления, состоящей из трех элементов: специализированных функций, временных чиновников и конечной ответственности (в тех или иных формах) перед массой квалифицированных граждан – либо сената, либо эkkлeсии, либо и того и другого. Конечно, между одним правительством и другим существовало много и существенных различий в отношении квалификации гражданина, атрибутов и эффективности общего собрания, допустимости власти и т. д.; и люди часто могли быть недовольны тем, как эти вопросы решались в их собственном городе. Но в сознании каждого человека некое определяющее правило или система – нечто вроде того, что в наше время называют конституцией, – были необходимы для любого правительства, имеющего право называться законным или способного вызвать в сознании грека чувство моральной обязанности подчиняться ему. Функционеры, осуществляющие власть в соответствии с ней, могли быть более или менее компетентными или популярными; но личные чувства к ним обычно терялись в привязанности или отвращении к общей системе. Если какой-нибудь энергичный человек мог наглостью или хитростью нарушить конституцию и стать постоянным правителем по своей воле и желанию, – даже если он мог управлять хорошо, он никогда не мог внушить народу чувства долга по отношению к нему. Его скипетр был незаконным с самого начала, и даже лишение его жизни, отнюдь не запрещенное тем нравственным чувством, которое осуждало пролитие крови в других случаях, считалось достойным. В языке он не мог упоминаться иначе, как под именем [84] (τύραννος, деспот), которое клеймило его как объект смешанного страха и неприязни.

Если мы вернемся от исторической к легендарной Греции, то увидим картину, обратную той, что была набросана здесь. Мы видим правительство, в котором практически нет ни схемы, ни системы, ни тем более идеи ответственности перед управляемыми, но в котором главная движущая сила повиновения со стороны народа заключается в его личных чувствах и почтении к вождю. Мы отмечаем, прежде всего, короля: далее – ограниченное число подчиненных королей или вождей; затем – массу вооруженных свободных людей, земледельцев, ремесленников, вольных разбойников и т. д.; ниже всего – свободных наемных рабочих и купленных рабов. Царь не отличается какой-либо широкой или непреходимой границей от других вождей, к каждому из которых применим титул *basileus*, так же как и к нему самому: его верховенство унаследовано от предков и переходит по наследству, как правило, к старшему сыну, будучи даровано семье как привилегия по благосклонности Зевса. [На войне он является вождем, превосходящим всех в личной доблести и руководящим всеми военными движениями; в мире он является общим защитником обиженных и угнетенных; он также совершает общественные молитвы и жертвоприношения, призванные добиться для всего народа благосклонности богов. Обширные владения закреплены за ним как принадлежность его высокого положения, а продукты его полей и скота частично идут на обильное, хотя и грубое гостеприимство. Кроме того, он часто получает подарки, чтобы отвратить вражду, примирить его благосклонность [86] или откупиться от его поборов; а когда у врага отбирают добычу, для него, помимо общей раздачи, резервируется большая доля, включающая, возможно, самую привлекательную пленницу [87].

[р. 63] Таково положение царя в героические времена Греции – единственного человека (если не считать глашатаев и жрецов, каждый из которых был как особым, так и подчиненным), который предстает перед нами как облеченный какой-либо индивидуальной властью, – человека, от которого зависят все исполнительные функции, тогда еще немногочисленные, которых требует общество, либо выполняются, либо направляются. Его личное превосходство, протекающее из божественного лика, дарованного как ему самому, так и его расе, и, вероятно, из аккредитованного божественного происхождения, является главной особенностью картины.

Народ прислушивается к его голосу, принимает его предложения и подчиняется его приказам: не только сопротивление, но даже критика его действий, как правило, выставляется в одиозном свете, и о ней, действительно, никогда не слышно, кроме как от одного или нескольких подчиненных принцев. Чтобы поддерживать и оправдывать подобные чувства в общественном сознании, король должен сам обладать различными достижениями, телесными и умственными, причем в высшей степени. [88] Он должен быть храбр в поле, мудр в совете и красноречив на агоре; он должен быть наделен телесной силой и активностью, превосходящей других людей, и должен быть искусен не только в использовании своего оружия, но и в тех атлетических упражнениях, которые с удовольствием наблюдает толпа. Даже самые обычные виды ручного труда дополняют его характер, как, например, ремесло плотника или корабельщика, прямая борозда пахаря или неутомимое упорство косаря без отдыха и передышки в течение всего длинного дня» [89]. 64] Условиями добровольного повиновения в греческие героические времена являются родовое происхождение с личной силой и превосходством как душевным, так и телесным в вожде, соединенное с благосклонностью богов: старый вождь, такой как Пелей и Лаэрт, не может сохранить свое положение. [90] Но, с другой стороны, при наличии этих элементов силы допускается большая доля насилия, каприза и хитрости: этический суд не является точным при рассмотрении поведения людей, наделенных столь высокими полномочиями. Как и в случае с богами, общие эпитеты «добрый», «справедливый» и т. д. применяются к ним как эвфемизмы, возникающие из покорности и страха, которые не только не предполагаются, но и зачастую прямо опровергаются их конкретными поступками. Эти слова означают [91] человека родовитого, богатого, влиятельного и смелого, чья рука сильна, чтобы разрушить или защитить, каков бы ни был поворот его нравственных чувств; в то время как противоположный эпитет, плохой, обозначает бедных, ничтожных и слабых; от их нравов, будь они хоть скольконибудь добродетельными, обществу не приходится ни надеяться, ни бояться.

Аристотель в своей общей теории правления [92] утверждает, что самые ранние источники послушания и власти среди людей – личные, проявляющиеся наиболее полно в типе отцовского верховенства; и что поэтому царское правление, как наиболее соответствующее этой стадии общественных настроений, стало, вероятно, первым, установленным повсюду. И в самом деле, в его время оно все еще продолжало преобладать среди неэллинских народов, непосредственно окружавших его; хотя финикийские города и Карфаген, наиболее цивилизованное из неэллинских государств, были республиками. Тем не менее, чувства к царской власти у современных ему греков настолько изменились, что ему трудно проникнуться добровольным послушанием, которое его предки оказывали своим ранним героическим вождям. Он не может объяснить себе, как один человек мог настолько превосходить окружающих его товарищей, чтобы поддерживать такое огромное личное превосходство: он подозревает, что в таких маленьких общинах большие заслуги были очень редки, так что у вождя было мало конкурентов. [93] Такие замечания ярко иллюстрируют революцию, которую претерпело греческое сознание за предыдущие столетия в отношении внутренних оснований политического подчинения. Но связующее звено между гомеровской и республиканской схемами правления следует искать в двух дополнениях к гомеровской царской власти, о которых сейчас пойдет речь, – буле, или совете вождей, и агоре, или общем собрании свободных людей.

Эти два собрания, созываемые более или менее часто и переплетенные с самыми ранними обычаями первобытных греческих общин, представлены в памятниках легендарной эпохи скорее как возможности для совета с царем и средства для оглашения его намерений народу, чем как ограничения его власти. Несомненно, на практике они должны были приводить как к последнему, так и к первому результату; но это не тот свет, в котором их описывают гомеровские поэмы. Вожди, цари, князья или геронты – ибо одно и то же слово в греческом языке обозначает и старика, и человека, занимающего видное положение, – составляют совет, [94] в котором, согласно изображениям в «Илиаде», единодушно преобладают решения Ага-

мемнона с одной стороны и Гектора – с другой. Суровость и даже презрение, с которым Гектор относится к уважительному возражению своего древнего товарища Полидамаса, – унылый тон и сознание неполноценности последнего и единодушное согласие, которое получает первый, даже когда он совершенно не прав, – все это ясно представлено в поэме: [95] в то время как в греческом лагере мы видим Нестора, который в самой покорной и деликатной манере подает свои советы Агамемнону, чтобы тот принял или отверг их, как решит «царь людей». [Совет – это чисто совещательный орган, собранный не для того, чтобы императивно пресекать злонамеренные решения царя, а исключительно для его информирования и руководства. Сам он является председательствующим (*boulephōrus*, или) членом [97] совета; остальные, как в совокупности, так и по отдельности, являются его подчиненными.]

Из совета мы переходим на агору: согласно принятому обычаю, царь, обсудив свои намерения с первым, переходит к объявлению их народу. Глашатаи заставляют толпу сесть в порядке [98] и [р. 67] принуждают к молчанию: любому из вождей или советников – но, как кажется, никому другому [99] – разрешается обратиться к ним: царь сначала оглашает свои намерения, которые затем могут быть прокомментированы другими. Но на гомеровской агоре никогда не происходит ни разделения голосов на утвердительные и отрицательные, ни принятия какой-либо формальной резолюции. Ничтожность позитивной функции поражает нас в агоре еще больше, чем в совете. Это собрание для разговоров, общения и обсуждения, в определенной степени, вождями, в присутствии народа как слушателей и сочувствующих, – часто для красноречия, а иногда для ссор, – но на этом его мнимые цели заканчиваются.

Во второй книге «Одиссеи» юноша Телемах по наущению Афоньки собирает агору в Итаке не для того, чтобы внести какое-либо предложение, а для того, чтобы официально и публично уведомить женихов о необходимости прекратить их незаконное вторжение и грабеж его имущества и освободить себя перед богами и людьми от всех обязательств по отношению к ним, если они откажутся подчиниться. Ибо расправа над женихами в торжественной обстановке праздничного зала и пира (что и составляет катастрофу «Одиссеи») была делом, затрагивающим многое, что шокировало греческие чувства, [100] и потому должна была предваряться такими достаточными формальностями, которые оставили бы и самих провинившихся без тени оправдания, и их оставшихся в живых родственников без всяких претензий на обычное удовлетворение. Для этой особой цели Телемах велит глашатаям созвать агору, но больше всего удивляет то, что со времени отъезда самого Одиссея, а это двадцать лет, ни одна агора не созывалась и не проводилась. «С тех пор как Одиссей сошел на корабль, среди нас не было ни одного агора или заседания (говорит седоголовый Эгипий, открывающий заседание), и кто же теперь собрал нас? Какой человек, молодой или старый, почувствовал такую сильную необходимость? Получил ли он известие от наших отсутствующих воинов, или у него есть другие общественные новости, которые он должен сообщить? Он наш добрый друг, раз так поступил: каковы бы ни были его замыслы, я молю Зевса даровать ему успех» [101]. Телемах, отвечая на этот призыв, сразу же сообщает собравшимся итакийцам, что у него нет никаких государственных новостей, а созвал он их по своим личным нуждам. Далее он патетически излагает злодеяния женихов, призывает их лично отказаться, а народ – сдержать их, и в заключение торжественно предупреждает их, что, будучи отныне свободным от всяких обязательств по отношению к ним, он призовет на помощь Зевса, чтобы «они были убиты в недрах его собственного дома, не навлекая на него никакого последующего наказания» [102].

Разумеется, мы не должны воспринимать гомеровское описание как нечто большее, чем идеал, приближенный к реальной действительности. Но, если допустить все, что может потребоваться для такого ограничения, оно представляет агору скорее как особое средство гласности и общения [103] между царем и народом, чем как включающее в себя какую-либо идею ответственности со стороны первого или сдерживающей силы со стороны второго, какие бы последствия косвенно из этого ни вытекали. Первобытное греческое правительство по сути

своей монархическое, опирающееся на личные чувства и божественное право: памятная сентенция из «Илиады» подтверждается всем, что мы слышим о реальной практике: «Правитель многих – это нехорошо: пусть у нас будет только один правитель, один царь, тот, кому Зевс дал скипетр и опекунские санкции» [104]. Вторая книга «Илиады», полная красоты и живости, не только подтверждает наше представление о пассивном, принимающем и слушающем характере агоры, но даже представляет отталкивающую картину деградации народных масс перед вождями. Агамемнон созывает агору для того, чтобы немедленно вооружить греческое войско, под полным впечатлением, что боги наконец-то решили немедленно увенчать его оружие полной победой. Такое впечатление было создано специальным визитом Онейруса (бога снов), посланного Зевсом во время сна, что, по сути, является намеренным обманом со стороны Зевса, хотя Агамемнон и не подозревает о его коварном характере. Именно в этот момент, когда, как можно предположить, он более чем обычно стремится вывести свою армию на поле боя и вырвать приз, его охватывает безотчетная фантазия, и вместо того, чтобы предложить войскам сделать то, что он действительно хочет, и подбодрить их дух для этого последнего усилия, он принимает прямо противоположное решение: он испытывает их мужество, утверждая, что осада стала отчаянной и что нет другого выбора, кроме как отправиться на корабль и бежать. Объявив Нестору и Одиссею на предварительном совете о своем намерении применить этот странный язык, он в то же время говорит им, что рассчитывает на их противодействие и противодействие его воздействию на народ. [105] Вскоре собирается агора, и царь людей произносит речь, полную тревоги и отчаяния, заканчивая ее ясным призывом ко всем присутствующим немедленно подняться на борт и вернуться домой. Немедленно все войско, как вожди, так и люди, распадается и приступает к исполнению его приказа: каждый бросается поднимать свой корабль на плаву, кроме Одиссея, который смотрит на это в скорбном молчании и изумлении. Войско быстро отправилось бы домой, если бы богини Хера и Афина не побудили Одиссея к немедленному вмешательству. Он спешит среди рассеивающейся толпы и отвлекает ее от цели отступления: к вождям он обращается с льстивыми словами, пытаясь пристыдить их мягкими увещаниями; народ же он посещает суровыми выговорами и ударами своего скипетра, [106] тем самым загоняя их обратно на свои места в агоре.

Среди недовольной толпы, которую он невольно возвращает назад, долгие и громче всех звучит голос Терситека – человека безобразного, уродливого и неказистого, но бегло говорящего, особенно сурово и беззлобно порицающего вождей – Агамемнона, Ахилла и Одиссея. По этому случаю он обращается к народу с речью, в которой порицает Агамемнона за корыстные и жадные поборы вообще, но особенно за его недавнее жестокое обращение с Ахиллом, – и, кроме того, пытается побудить его упорствовать в своем намерении уйти. В ответ Одиссей не только резко упрекает Терситека за дерзость в оскорблении главнокомандующего, но и угрожает, что, если подобное поведение повторится, он разденет его догола и выпорот из собрания позорными ударами; в подтверждение этого он сразу же наносит ему сильный удар шипованным скипетром, оставляя болезненный след в виде кровавой борозды по всей спине. Терситес, испуганный и покоренный, садится и плачет, а окружающая толпа высмеивает его и горячо одобряет Одиссея за то, что он силой заставил погромщика замолчать [107].

Затем Одиссей и Нестор обращаются к агоре, сочувствуя Агамемнону за позор, которому его подвергнет отступление греков, и настойчиво убеждая всех присутствующих в необходимости упорствовать, пока осада не завершится успешно. Ни один из них не осуждает Агамемнона ни за его поведение по отношению к Ахиллу, ни за его детскую выходку, направленную на испытание нравов армии [108].

Не может быть более четкого указания, чем это описание, столь наглядное в оригинальной поэме, на истинный характер гомеровской агоры. Народ, составляющий ее, внимает и соглашается, не часто колеблется и никогда не отказывается [109] от вождя. Судьба, которая ожидает самонадеянного критика, даже если его яростные упреки в значительной степени

обоснованы, ясно показана в обращении с Терситеком; а о непопулярности такого персонажа свидетельствует даже большее, чем наказание Одиссея, чрезмерное старание Гомера нагрозить на него отталкивающие личные уродства; он хромым, лысым, с кривой спиной, неправильно сформированной головой и косоглазым зрением.

Но мы перестаем удивляться покорному характеру агоры, когда читаем действия Одиссея по отношению к самому народу; его изящные слова и лесть, обращенные к вождям, и его презрительные упреки и ручное насилие по отношению к простым людям, в тот момент, когда и те и другие делали в точности одно и то же, – исполняя явную просьбу Агамемнона, которому Одиссей не делает ни единого замечания. Эта сцена, вызвавшая сильное недовольство демократов исторических Афин, [110] служит доказательством того, что чувство личного достоинства, о котором философские обозреватели Греции – Геродот, Ксенофонт, Гиппократ и Аристотель – хвастались, что оно отличает свободного греческого гражданина от рабского азиата, во времена Гомера было еще не развито. [Древний эпос обычно так наполнен личными приключениями вождей, а народ так постоянно изображается простым придатком к ним, что мы редко получаем представление об отношении к одним отдельно от других, такое, какое дает эта памятная гомеровская агора.

Остается еще одна точка зрения, с которой мы должны рассматривать агору первобытной Греции, – как сцену, на которой вершилось правосудие. О царе говорят как о Зевсе, великом судье общества: он получил от Зевса скипетр, а вместе с ним и полномочия повелевать и наказывать: народ подчиняется этим повелениям и налагает эти санкции, подчиняясь ему, обогащая его в то же время выгодными подарками и платежами. [112] Иногда царь отдельно, иногда цари, вожди или геронты во множественном числе, названы как решающие споры и присуждающие удовлетворение жалобщикам; всегда, однако, публично, посреди собравшейся агоры. [113] [р. 73] В одном из отделений щита Ахилла описаны детали судебной сцены. На агоре, заполненной возбужденной толпой, двое мужчин спорят о штрафе за смерть убитого, один утверждает, другой отрицает, что штраф уже уплачен, и оба требуют дознания. Геронты расположились на каменных сиденьях [114] в священном круге, перед ними лежат два таланта золота, которые должны быть вручены тому из спорящих, кто изложит свое дело с удовлетворением. Глашатаи со своими скипетрами, подавляя горячие симпатии толпы в пользу той или иной стороны, обеспечивают поочередное слушание для обоих» [115]. Эта интересная картина полностью гармонирует с кратким намеком Гесиода на судебный процесс – несомненно, реальный – между ним и его братом Персеем. Братья поспорили об отцовском наследстве, и дело было передано на рассмотрение вождям на агоре; но Персес подкупил их и добился несправедливого вердикта для всех. [116] Так, по крайней мере, утверждает Гесиод в горечи своего сердца, убедительно увещевая брата не тратить драгоценное время, необходимое для необходимых трудов, на неприбыльное занятие свидетельства и пособничества тяжбам на агоре, – для чего (добавляет он) ни один человек не имеет надлежащего досуга, если его пропитание на год вперед надежно хранится в его амбарах. [Он не раз повторяет свои жалобы на кривые и порочные суды, в которых обычно были виновны цари; он говорит о злоупотреблении правосудием как о вопиющем зле своего времени и предсказывает, а также призывает месть Зевса, чтобы подавить его. И Гомер приписывает огромную силу осенних бурь гневу Зевса на тех судей, которые позорят агору своими нечестивыми приговорами [118].

Хотя в любом обществе чувства людей, собранных во множестве, несомненно, привлекают определенное внимание, мы видим, что агора в судебной сфере в большей степени, чем в политической, служит лишь целям публичности. Именно царь является главным личным движителем греческого героического общества. [119] На земле он является эквивалентом Зевса в агоре богов: верховный бог Олимпа имеет привычку осуществлять свое правление с частой оглаской, выслушивать некоторые несогласные мнения и позволять себе время от времени поддаваться на уговоры Афродиты или принуждать к соблюдению требований

Геры: но его решение в конце концов является окончательным, подчиняясь только властному вмешательству Моега, или Судьбы. [120] И общество богов, и различные общества людей, согласно представлениям греческой легенды, осуществляются под личным правлением законного государя, который не получает свой титул от специального назначения своих подданных, хотя и правит с их полного согласия. На самом деле, греческая легенда не представляет нам ничего другого, кроме этих великих личностей. Род, или нация, как бы вливается в князя: эпони́мы, в особенности, не просто князья, а отцы и представительные единства, каждый из которых является эквивалентом той большей или меньшей совокупности, которой он дает имя.

Но хотя в первобытном греческом правлении царь является как законным, так и реальным правителем, он всегда мыслится как действующий через совет и агору. И тот, и другой являются установленными и необходимыми средствами, с помощью которых его верховная власть воздействует на общество: отсутствие таких собраний является проверкой и признаком дикарей, как в случае с циклопами [121]. Соответственно, он должен обладать качествами, подходящими для того, чтобы эффективно действовать на этих двух собраниях: мудрый разум – для совета, проницательное красноречие – для агоры. [Таков идеал героического правительства: царь, не только полный доблести и находчивости как солдат, но и достаточно превосходящий окружающих его людей, чтобы обеспечить как сознательное согласие вождей, так и сердечную приверженность масс. [123] То, что эта картина не во всех отдельных случаях воплощается в жизнь, не вызывает сомнений; но качества, которые так часто приписываются хорошим царям, показывают, что это был тип, который представлялся уму описывающего. [124] Ксенофонт в своей «Киропедии» изображает Кира как улучшенное издание гомеровского Агамемнона, «хорошего царя и сильного воина», идеализируя таким образом совершенство личного правления.

Важно указать на эти основополагающие концепции правления, прослеживаемые еще до рассвета греческой истории и отождествляемые с социальной жизнью народа. Это показывает нам, что греки в своих последующих революциях и политических экспериментах, которые представляли собой их бесчисленные автономные общины, работали с уже существующими материалами, развивая и возвышая элементы, которые сначала были подчиненными, и подавляя или переделывая по совершенно новому принципу те, которые изначально были преобладающими. Когда мы подходим к исторической Греции, то обнаруживаем, что (за исключением Спарты) первобытный наследственный, безответственный монарх, объединявший в себе все функции правления, перестал царствовать, а чувство легитимности, которое первоначально побуждало народ охотно ему подчиняться, сменилось отвращением к его характеру и титулу вообще. Многочисленные функции, которые он когда-то выполнял, были распределены между временными кандидатами. С другой стороны, совет, или сенат, и агора, которые первоначально были простыми посредниками, через которые действовал царь, превратились в постоянные и независимые источники власти, контролирующие и контролируемые различными специальными должностными лицами, на которых возлагались исполнительные обязанности того или иного рода. Указанный здесь общий принцип характерен как для олигархий, так и для демократий, возникших в исторической Греции: как бы ни отличались друг от друга эти два правительства, как бы ни были разнообразны даже одна олигархия или демократия от другой, все они в равной степени противостояли принципу героического правительства. Даже в Спарте, где наследственная царская власть продержалась долго, она сохранялась с блеском и влиянием, сильно ослабленным [125], и такое своевременное ослабление ее власти, по-видимому, было одним из существенных условий ее сохранения. [126] Хотя спартанские цари имели наследственное командование военными силами, однако даже во всех внешних походах они обычно действовали, подчиняясь приказам из дома; в делах же внутренних превосходящая власть эфоров ощутимо подавляла их. Так что, если только они не обладали более чем обычной силой характера, они, похоже, осуществляли свое главное влияние в качестве председателей сената.

Есть еще одна точка зрения, с которой мы должны обратить внимание на совет и агору как на неотъемлемые части легендарного правительства греческих общин. Таким образом, мы можем проследить использование публичных выступлений как постоянного двигателя правительства и непосредственной причины послушания до социального младенчества нации. Сила речи в управлении общественными делами становится все более очевидной, развитой и неотразимой, по мере того как мы продвигаемся к кульминационному периоду греческой истории, столетию, предшествующему битве при Херонее. То, что его развитие было наибольшим среди наиболее просвещенных слоев греческого народа и наименьшим среди более тупых и неподвижных, является общеизвестным фактом; не менее верно и то, что распространенность этой привычки была одной из главных причин интеллектуального превосходства нации в целом. В то время, когда все страны вокруг были погружены в умственное оцепенение, не существовало достаточно мощного мотива, способного так замечательно умножить продуктивные умы Греции, за исключением тех, что возникали благодаря ораторскому искусству. Восприимчивость народа к такого рода наставлениям, привычка требовать и наслаждаться стимулом, который они давали, и открытое обсуждение, сочетающее регулярные формы со свободной оппозицией, практических вопросов, как политических, так и судебных, – вот те творческие причины, которые сформировали таких выдающихся адептов искусства убеждения. Не только исповедующие ораторское искусство были произведены таким образом; дидактические способности были сформированы на заднем плане, а спекулятивные тенденции были снабжены интересными явлениями для наблюдения и комбинирования, в то время, когда истины физической науки были почти недоступны. Если первичным эффектом было ускорение силы выражения, то вторичным, но не менее определенным результатом, было развитие привычки к научному мышлению. Не только ораторское искусство Демосфена и Перикла, разговорная магия Сократа, но и философские рассуждения Платона, и систематическая политика, риторика и логика Аристотеля прослеживаются в тех же общих тенденциях в умах греческого народа: мы находим зародыш этих экспансивных сил в сенате и агоре их легендарного правительства. Поэты, сначала эпические, а затем лирические, были предшественниками ораторов по своей силе воздействия на чувства собравшейся толпы; а гомеровские поэмы – общая учебная книга образованных греков – представляли собой сокровищницу прямого и живого выражения, полного конкретных форм и редкого использования абстракций, а потому лучше подходили для ораторской работы. Последующим критикам не составило труда выбрать из «Илиады» и «Одиссеи» образцы красноречия во всех его фазах и разновидностях.

В целом, общество, изображенное в древнегреческих поэмах, является свободным и неустроенным, в нем очень мало правовых ограничений и еще меньше правовой защиты, но такая политическая власть, как существует, сосредоточена в руках законного наследственного короля, чье превосходство над другими вождями является более или менее полным в зависимости от его личной силы и характера. Однако независимо от того, больше или меньше эта власть, масса народа в любом случае политически пассивна и малозначима. Хотя греческий свободный человек героической эпохи выше деградировавшего уровня галльского плебса, описанного Сезаром, [127] он далек от того, чтобы соперничать с яростной независимостью и чувством собственного достоинства в сочетании с индивидуальной силой, которые характеризовали германские племена до их вхождения в Римскую империю. Еще меньше его состояние или общество, в котором он живет, соответствует тем приятным мечтам о спонтанной правильности и невинности, которым Тацит и Сенека предаются в отношении первобытного человека [128].

[р. 79] 2. Состояние морального и социального чувства, преобладающего в легендарной Греции, демонстрирует сцену, гармонирующую с только что описанными рудиментарными политическими структурами. На протяжении всего длинного потока легендарных повествований, на которые греки оглядывались как на свою прошлую историю, более широкие соци-

альные мотивы почти никогда не вступают в игру: перед нами либо индивидуальная доблесть и жестокость, либо личные привязанности и ссоры родственников и боевых товарищей, либо вражда личных врагов. Тогда не существовало чувства обязательства между человеком и человеком как таковым, и очень мало между каждым человеком и всем сообществом, членом которого он является; такие чувства не действуют ни в реальном мире, ни в воображении поэтов. Личные чувства, либо к богам, либо к королю, либо к какому-то близкому и известному человеку, заполняют всю грудь человека: из них проистекают все побуждения к благодеяниям и все внутренние ограничения насилия, антипатии или хищничества; для их существования необходимо особое общение, а также особые торжественные мероприятия. Церемония клятвы, такая внушительная, такая первостепенная и такая необходимая в те времена, ярко иллюстрирует этот принцип. И даже в случае с просителем-странником, – в котором проявляется явно спонтанное сочувствие, – помощь и доброта, проявленные к нему, обусловлены главным образом тем, что он прошел через освященные формальности прошения, например, сел в пепел у священного очага, получив таким образом своего рода привилегию святилища. [Эта церемония возвышает его [р. 80] до чего-то большего, чем просто страдающий человек, – она ставит его в непосредственное общение с хозяином дома, под опеку Зевса Хикетесиоса. Между одной формой прошения и другой существует большая разница; однако проситель в любой форме становится в большей или меньшей степени объектом особой симпатии.

Чувство обязательства перед богами проявляется отдельно в привычных актах поклонения, жертвоприношениях и возлияниях, или в вотивных подарках, таких как волосы Ахилла, которые он заложил речному богу Сперхею, [130] и в постоянных жертвоприношениях, которые люди, остро нуждающиеся в божественной помощи, сначала обещают, а затем выполняют. Но чувство к богам также проявляется, и не менее часто, как смешение с обязательствами по отношению к конкретной человеческой личности. Узы, связывающие человека с его отцом, родственником, гостем или любым другим человеком, которому он дал клятвенное обещание, представляются в сочетании с идеей Зевса как свидетеля и гаранта; а близость этой связи подтверждается фамилией или особым именем бога. [131] Такие личные чувства составляли все моральные влияния, которым был подвержен грек того времени, – состояние ума, которое мы можем лучше всего оценить, сравнив его с состоянием последующего гражданина исторических Афин. В представлении последнего, великий безличный авторитет, называемый «Законами», стоял отдельно, как руководство и санкция, отдельно от религиозного долга или частных симпатий: но эту дифференцированную концепцию позитивного закона и позитивной морали [132] можно обнаружить только в зародыше в гомеровских поэмах. Подходящее греческое слово для обозначения человеческих законов не встречается ни разу. Среди весьма неустойчивой фразеологии [133] мы можем обнаружить постепенный переход от примитивного представления о личной богине Фемиде, привязанной к Зевсу, сначала к его приговорам или приказам, называемым Фемистами, а затем, еще дальше, к различным установленным обычаям, которые эти приговоры, как считалось, освящали, – авторитет религии и авторитет обычая слились в одно неделимое обязательство.

Семейные отношения, как и следовало ожидать, представлены в наших картинах легендарного мира как великие источники прочного союза и преданной привязанности. Отцовский авторитет высоко почитается: сын, доживший до зрелых лет, оплачивает привязанностью к родителям за то, что они взяли на себя заботу о его содержании в младенчестве, что язык отмечает особым словом; с другой стороны, Эриннис, чья мстительная рука приходит в движение от проклятия отца или матери, является объектом глубокого ужаса [134] [р. 83].

Что касается брака, мы видим, что жена занимает место с большим достоинством и влиянием, хотя муж обычно покупал ее ценными подарками ее родителям – практика, широко распространенная среди ранних общин и рассматриваемая Аристотелем как свидетельство варварства. Даже кажется, что она живет менее уединенно и пользуется более широкой сферой

деятельности, чем это было принято в исторической Греции. [135] Наложницы часто встречаются у вождей, и иногда ревность жены вырывается наружу в безрассудном порыве против мужа, как можно видеть в трагической истории Феникса. Особого внимания заслуживает непрерывность Лаэртеса, боявшегося вызвать недовольство своей жены Антиклеи. [136] Значительная часть романтического интереса, который внушает греческая легенда, связана с женщинами: Пенелопа, Андромеда, Елена, Клитемнестра, Эрифила, Иокаста, Гекаба и т. д. – все они стоят на переднем плане картины, либо благодаря своим добродетелям, либо благодаря своей красоте, либо благодаря своим преступлениям, либо благодаря своим страданиям.

Не только братья, но и двоюродные, и более отдаленные кровные родственники и сородичи связаны между собой сильным чувством привязанности, разделяя всеобщее обязательство взаимной самозащиты и мести в случае причинения вреда любому представителю рода. Законные братья делят между собой по жребию отцовское наследство, брат-бастард получает лишь небольшую долю; однако с ним обычно обращаются очень хорошо, [137] хотя убийство Фокуса Теламоном и Пелеем составляет вопиющее исключение. Тайная беременность молодых женщин, часто от бога, – один из наиболее часто повторяющихся инцидентов в легендарных повествованиях; и суровость, с которой отец, обнаружив этот факт, обычно проявляет себя. В качестве продолжения семейных связей мы читаем о более крупных союзах, называемых фратриями и племенами, которые упоминаются с уважением, но не часто [138].

Щедрая готовность, с которой гостеприимство оказывается незнакомцу, который просит о нем, [139] легкость, с которой ему разрешается вступить в особую связь гостя с хозяином, и постоянство, с которым эта связь, созданная приемом одной и той же пищи и обменом подарками, сохраняется даже в течение долгого периода разлуки и даже передается от отца к сыну – таковы наиболее пленительные черты героического общества. Гомеровский вождь приветствует чужеземца, пришедшего просить приюта в его доме, сначала угощает его, а затем спрашивает его имя и цель путешествия. [140] Хотя он не склонен приглашать чужеземцев в свой дом, он не может отказать им, когда они спонтанно входят в него, желая получить ночлег. [141] Податель просьбы – тоже обычно чужак, но чужак в особых обстоятельствах; он объявляет о своем бедственном и унижительном положении и стремится поставить себя в отношение к вождю, которого он просит, нечто подобное тому, в котором люди находятся по отношению к богам. Какой бы обременительной ни была для него эта особая связь, вождь не может отказаться от нее, если его просят в надлежащей форме: церемония прощения имеет обязательную силу, и эринни наказывают жестокосердного человека, который отказывается от нее. Покоренный враг может иногда броситься к ногам своего завоевателя и просить о пощаде, но он не может таким образом приобрести характер и претензии так называемого подателя: завоеватель может по своему усмотрению либо убить его, либо пощадить и принять выкуп [142].

В легендарных повествованиях есть множество примеров людей, преступающих в отдельных поступках даже самые святыне из этих личных уз, но дикий Циклоп – единственный человек, о котором говорится, что он безразличен к ним и не заботится о санкции богов, которая, по греческим представлениям, сопровождает их всех. [143] На самом деле, трагический ужас, пронизывающий род Атамаса или Кадмуса, и приписываемый многим поступкам Геракла, Пелея и Теламона, Ясона и Медеи, Атрея и Тиестеса и т. д., основывается на глубоком чувстве и сочувствии к тем особым обязательствам, которые выдающиеся личности, под временным воздействием безумного Атека, вынуждены нарушать. В таком конфликте чувств, между общепринятыми обязательствами и исключительным отклонением в человеке, которым в остальном восхищаются, заключается пафос истории.

Эти чувства – взаимная преданность между родственниками и товарищами по оружию – щедрое гостеприимство по отношению к чужестранцу и защита поданного – являются светлыми пятнами в темный век. Мы находим их весьма распространенными среди сообществ,

по сути своей грубых и варварских, – среди древних германцев, описанных Тацитом, друзов на Ливане, [144] арабских племен в пустыне и даже североамериканских индейцев. [р. 87]

Они – инстинктивные проявления человеческой социальности, поначалу стоящие особняком и по этой причине кажущиеся обладающими большей опекунской силой, чем им на самом деле принадлежит, – благотворные, действительно, в высокой степени, применительно к своему собственному периоду, но служащие очень несовершенной компенсацией за бессилие магистрата и за отсутствие какой-либо всепроникающей симпатии или чувства обязательства между человеком и человеком. Мы лучше всего понимаем их значение, когда сравниваем гомеровское общество с обществом таких варваров, как фракийцы, которые татуировали свое тело как знак щедрого рода, – продавали своих детей на экспорт в качестве рабов, – считали грабеж не просто одним из допустимых занятий среди других, но единственным почетным образом жизни; сельское хозяйство считалось презренным, – и, прежде всего, наслаждались пролитием крови как роскошью. Такими были фракийцы во времена Геродота и Фукидида, и гомеровское общество представляет собой нечто среднее между тем, что эти два историка еще видели во Фракии, и тем, что они наблюдали среди своих собственных цивилизованных соотечественников» [145] [р. 89].

Однако, когда мы выходим за пределы влияния вышеупомянутых частных связей, то обнаруживаем, что в гомеровском обществе почти не действуют другие морализирующие силы. Поступки и приключения, о которых рассказывается, подразумевают сообщество, в котором не ощущается ни защиты, ни ограничений закона, а свирепость, насильственные действия и агрессивные наклонности в целом, похоже, сдерживаются никакими внутренними противоядиями. Особенно часто происходят убийства, иногда путем открытого насилия, иногда обманом: изгнание за убийство – одно из самых постоянно повторяющихся действий в гомеровских поэмах, а дикие жестокости часто приписываются даже восхищенным героям с видимым безразличием. Ахилл приносит в жертву двенадцать троянских пленников на могиле Патрокла, а его сын Неоптолем не только убивает престарелого Приама, но и хватается за ногу ребенка Астианакса (сына убитого Гектора) и бросает его с одной из возвышенных башен Трои. [Более того, известность Автолика, деда Одиссея по материнской линии, в карьере оптового грабежа и лжесвидетельства, и богатство, которое он смог приобрести, описываются с таким же безусловным восхищением, как мудрость Нестора или сила Аякса. 147] Ахилл, Менелай, Одиссей лично грабят везде, где только могут найти возможность, используя силу и хитрость, чтобы преодолеть сопротивление. [148] Призвание пирата признано и почетно, так что хозяин, спрашивая гостя о цели его путешествия, перечисляет обогащение путем беспорядочного морского разбоя как один из тех проектов, которые могут естественно войти в его размышления. [Похищение скота, экспедиции для неспровоцированного разорения и возмездия между соседними племенами кажутся обычными явлениями, [150] а установленная неприкосновенность герольдов – единственным свидетельством какого-либо устоявшегося чувства обязательства между одной общиной и другой. Хотя дом и имущество Одиссея во время его долгого отсутствия не пользуются никакой общественной защитой, [151] те беспринципные вожди, которые пожирают его имущество, находят скорее сочувствие, чем осуждение среди жителей Итаки. Как правило, тот, кто не может защитить себя, не находит защиты у общества: его родные и ближайшие товарищи – единственные, к кому он может с уверенностью обратиться за поддержкой. И в этом отношении представление, данное Гесиодом, делает картину еще хуже. В своем резком обличении пятого века этот поэт выражает сожаление не только по поводу отсутствия у его современников всякой социальной справедливости и чувства долга, но и по поводу ослабления семейных и гостеприимных уз. [152] В поэме «Труды и дни» есть следы язвительного преувеличения; однако автор утверждает, что описывает реальное положение вещей вокруг него, и черты его картины, как бы мы их ни смягчали, все равно будут казаться мрачными и катастрофическими. Однако следует отметить, что он изображает мирное состояние, что состав-

ляет контраст с гомеровскими поэмами. В его обширном каталоге социальных бедствий почти нет упоминаний об ответственности за грабеж со стороны чужеземного врага, и он не подсчитывает шансы хищнической агрессии как источника прибыли.

Есть две особые струны благородных чувств, по которым может быть интересно сравнить героическую и историческую Грецию, и которые показывают последнюю как улучшение первой, не только в привязанностях, но и в интеллекте.

Афинский закон был особенно бдителен и предусмотрителен в отношении как личности, так и имущества несовершеннолетних сирот; а описание в «Илиаде» полной и безнадёжной нужды мальчика-сироты, лишённого отцовского наследства и покинутого всеми друзьями отца, которых он настоятельно просит, но которые все грубо отбрасывают его, является одним из самых патетических во всей поэме. [153] Что касается обращения с мертвым телом врага, то мы видим, как все греческие вожди, которые приближаются (не говоря уже о поведении самого Ахилла), пронзают копьями труп убитого Гектора, а некоторые из них даже отпускают в его адрес отвратительные насмешки. Из утраченных эпосов можно добавить, что Менелай изувечил мертвые тела Париса и Деифоба. [154] Но во времена персидского нашествия считалось недостойным правоверного грека каким-либо образом издеваться над мертвым телом врага, даже если такой поступок мог показаться оправданным мотивом возмездия. После битвы при Платее спартанскому царю Павсанию было предложено отомстить мертвому телу Мардония за те оскорбления, которые Ксеркс обрушил на тело Леонида при Фермопилах. Он с негодованием отверг это предложение, не без сурового упрека или, скорее, полузадушенной угрозы в адрес того, кто его предложил: и сам Геродот от души соглашается с ним [155].

Различное отношение к убийству представляет собой третье, возможно, более поразительное свидетельство изменений в чувствах и нравах греков за три столетия, предшествовавших персидскому вторжению. В гомеровские времена убийца должен был бояться не общественного преследования и наказания, а личной мести родственников и друзей убитого, которых побуждали острейшие побуждения чести и долга отомстить за содеянное, и которые рассматривались обществом как особо привилегированные для этого. [Чтобы избежать этой опасности, он вынужден бежать из страны, если только ему не удастся уговорить разгневанных родственников принять ценную плату (во времена Гомера речь не шла о монетах) в качестве компенсации за убитого товарища. Они могут, если захотят, отказаться от предложения и упорствовать в своем праве на месть; но если они согласятся, то обязаны оставить обидчика без присмотра, и он, соответственно, остается дома без дальнейших последствий. Вожди на агоре, похоже, не вмешиваются, кроме как для того, чтобы гарантировать выплату оговоренной суммы.]

Здесь мы снова видим характерный атрибут греческого героического века – всемогущество частной силы, сдерживаемой и направляемой семейными симпатиями, и практическое ничтожество коллективного суверена, впоследствии названного Городом, который в исторической Греции становится центральным и первостепенным источником обязательств, но который пока появляется лишь на заднем плане, как зародыш обещания на будущее. И то, как в случае с убийством этот зародыш превратился в мощную реальность, представляет собой интересное поле для сравнения с другими народами.

Ибо обозначенная здесь практика оставлять виновного в убийстве на компромисс с родственниками покойного, а также предоставлять последним свободный выбор, соглашаться ли им на такой компромисс или отстаивать свое право на личную месть, была отмечена во многих грубых сообществах, но особенно запомнилась среди ранних германских племен. [157] Среди многих отдельных тевтонских поселений, которые поднялись на поверхность. 94] мен-тов, возникших на руинах Западной империи Рима, право и обязанность частной мести за личную травму или оскорбление, нанесенное любому члену семьи, – и стремление предотвратить ее последствия с помощью денежной компенсации, взимаемой с обидчика, главным обра-

зом в качестве удовлетворения пострадавшей стороны, но отчасти и в качестве привилегии короля, – были приняты в качестве основы их законодательства. Эта основополагающая идея была детально проработана в части оценки нанесенного ущерба, где одним из главных обстоятельств были ранг, состояние и власть пострадавшего. Задача законодателя состояла в том, чтобы оградить общество от постоянной вражды, но в то же время предоставить такое полное удовлетворение, которое побудило бы пострадавшего отказаться от признанного права на личную месть, – всю роскошь этой идеи, как она представлялась уму гомеровского грека, можно прочесть в нескольких отрывках «Илиады». [Кодексы гер [р. 95] мана начинаются с попыток добиться принятия фиксированной денежной суммы в качестве постоянного добровольного обычая и в конечном итоге переходят к ее принудительному исполнению в качестве императивной необходимости: идея общества сначала полностью подчинена, и его влияние лишь медленно переходит от дружеского арбитража к императивному контролю.

Гомеровское общество в отношении этого основного этапа развития человечества находится на одном уровне с обществом германских племен, описанным Тацитом. Но дальнейший ход греческого законодательства принимает совершенно иное направление, чем германские кодексы: примитивное и признанное право частной мести (если только оно не откупается денежной платой), вместо того чтобы получить практическое применение, вытесняется более всеобъемлющими представлениями об общественной несправедливости, требующей государственного вмешательства, или религиозными опасениями относительно посмертного гнева убитого человека. В исторических Афинах это право частной мести было сведено на нет и вытеснено из поля зрения еще в драконовом законодательстве [159] и в конце концов ограничено несколькими исключительными и особыми случаями; в то время как убийца стал рассматриваться, во-первых, как согрешивший против богов, во-вторых, как глубоко ранивший общество, и, таким образом, одновременно как требующий отпущения грехов и заслуживающий наказания. По первому из этих двух оснований ему запрещалось появляться на агоре и во всех святых местах, а также выполнять общественные функции, даже если он еще не был судим и просто подозревался; ведь если этого не сделать, гнев богов проявится в неурожае и других бедствиях страны. На втором основании его судят перед советом Арейопага и, если признают виновным, приговаривают к смерти, а может быть, к лишению прав и изгнанию. 160] Идея умиловительной выплаты родственникам умершего перестала признаваться: защита общества диктует, а сила общества налагает меру наказания, призванную удержать на будущее.

3. Общество легендарной Греции включает в себя, помимо вождей, общую массу свободных людей (λαοί), среди которых выделяются некоторые профессиональные люди, такие как плотник, кузнец, кожевник, пиявка, пророк, бард и рыбак. [161] У нас нет возможности оценить их состояние. Хотя участки пахотной земли были выделены в особую собственность отдельным лицам, а границы тщательно обозначены и ревностно охранялись [162], все же большая часть площади была отведена под пастбища. Скот составлял и главную статью расходов богатого человека, и главное средство платежа, и общую причину ссор, – хлеб и мясо в больших количествах были постоянной пищей каждого. 163] Имена владельцев обрабатывались, а за их скотом ухаживали, в основном, купленные рабы, но в некоторой степени и бедные свободные люди, называемые тэтами, работавшие по найму и в течение определенного времени. Главные рабы, которым поручался уход за большими стадами волов, свиней или коз, были людьми, заслуживающими доверия, поскольку их обязанности позволяли им находиться вне поля зрения хозяина. [У них в подчинении были и другие рабы, с которыми, судя по всему, хорошо обращались: глубокая и непоколебимая привязанность свинопаса Эвмея и нетопыря Филетия к семье и делам отсутствующего Одиссея – один из самых интересных моментов в древнем эпосе. Рабство было бедствием, которое в тот незащищенный период могло постигнуть любого: вождь, совершивший вольный поход, в случае успеха приводил с собой многочисленный отряд рабов, сколько мог захватить, [165] а в случае неудачи, скорее всего, сам

становился рабом: так что раб часто по рождению был равен своему господину: Евмей сам был сыном вождя, в детстве вывезенным своей кормилицей и проданным финикийскими похитителями Лаэртесу. Раб с таким характером, если он хорошо себя вел, часто мог рассчитывать на то, что его хозяин даст ему право на владение и поместит в независимое владение [166].

В целом, рабство легендарной Греции не выглядит как существующее в особо суровой форме, особенно если учесть, что все классы общества тогда были на одном уровне по вкусам, чувствам и образованию. [167] В отсутствие правовой защиты или эффективной социальной санкции, вероятно, положение раба у среднего хозяина могло быть таким же хорошим, как и у свободного фета. Среди рабов, чья участь, по-видимому, была наиболее плачевной, были женщины – более многочисленные, чем мужчины, и выполнявшие основную работу по внутренней отделке дома. С ними не только обращались более жестоко, чем с мужчинами, но и поручали им самый тяжелый и изнурительный труд, которого требовало хозяйство греческого вождя: они приносили воду из источника и вручную вращали домашние мельницы, которые мололи большое количество муки, потребляемой его семьей. [168] Эта угнетающая работа обычно выполнялась женщинами-рабынями как в исторической, так и в легендарной Греции. [Прядение и ткачество были постоянным занятием женщин, свободных или рабынь, любого ранга и положения: вся одежда, которую носили мужчины и женщины, изготавливалась дома, и Елена, как и Пенелопа, искусна и усердна в этом занятии. [170] Дочери Келеоса в Элевсисе ходят за водой к колодезю со своими тазами, а Наусикаа, дочь Алкиноса, [171] вместе со своими рабынями стирает свои одежды в реке. Если мы вынуждены отметить свирепость и ненадежность раннего общества, мы можем в то же время с удовольствием отметить характерную простоту его нравов: Ребекка, Рахиль и дочери Иофора в раннем Моисеевом повествовании, а также жена туземного македонского вождя (с которым теменид Пердикка, предок Филиппа и Александра, впервые поступил на службу, уйдя из Аргоса), пекущая свои лепешки на очаге, [172] демонстрируют в этом отношении параллель с гомеровскими картинами.

Мы не получили никаких сведений ни о простых свободных людях в целом, ни об их особом сословии, называемом фетами. Эти последние, нанятые для особых работ или во время сбора урожая и других напряженных сезонов полевых работ, по-видимому, отдавали свой труд в обмен на питание и одежду: они упоминаются в одном ряду с рабами [173] и были (как уже было замечено), вероятно, в целом не в лучшем положении. Положение бедного свободного человека в те времена, не имеющего собственного участка земли, перебивающегося с одной временной работы на другую, не имеющего ни влиятельной семьи, ни общественного авторитета, на который можно было бы опереться в поисках защиты, должно было быть достаточно жалким. Когда Евмей тешил себя надеждой, что его хозяева отпустят его на волю, он в то же время думал, что они дадут ему жену, дом и участок земли рядом с собой; [174] без этих сопутствующих преимуществ простое отпущение на волю, возможно, не улучшило бы его положения. Быть фетом в услужении у очень бедного крестьянина Ахилл считает максимум человеческих лишений: такой человек не мог дать своему фету такой же обильной пищи, хорошей обуви и одежды, как богатый вождь Эвримах, и при этом требовал более тяжелого труда. [175] Вероятно, именно среди таких мелких жильцов, которые не могли заплатить за рабов и были рады сэкономить на содержании, когда не нуждались в услугах, находили работу феты: хотя мы можем заключить, что храбрые и сильные среди этих бедных свободных людей предпочитали сопровождать какого-нибудь вождя и жить за счет награбленного. [Точный Гесиод советует своему фермеру, чью работу выполняют в основном рабы, нанять и содержать тхета в летнее время, но уволить его, как только урожай будет полностью собран, а затем взять в свой дом на зиму женщину «без ребенка», которая, конечно, будет более полезна, чем тхет, для занятий в помещении в этот сезон [177].

В таком состоянии общества, как то, которое мы описываем, греческая торговля была неизбежно пустяковой и ограниченной. Гомеровские поэмы свидетельствуют либо о полном

невежестве, либо о большой расплывчатости представлений обо всем, что находится за пределами побережья Греции и Малой Азии, а также островов между ними или примыкающих к ним. Предполагается, что Ливия и Египет настолько далеки, что известны лишь по именам и слухам: действительно, когда был основан город Кирена, через полтора века после первой Олимпиады, трудно было найти где-либо греческого мореплавателя, который когда-либо посещал побережье Ливии или мог служить проводником для колонистов. [178] Упоминание сикелов в «Одиссее» [179] заставляет нас сделать вывод, что Коркира – это Коркион. [102] заключить, что Коркира, Италия и Сицилия не были полностью неизвестны поэту: среди мореплавателей греков знание последней подразумевало знание двух первых, поскольку привычный путь даже хорошо оснащенной афинской триремы во время Пелопоннесской войны от Пелопоннеса до Сицилии пролегал через Коркиру и Тарентумский залив. Первыми греками, исследовавшими Адриатическое или Тирренское море, были фокейцы, жившие много позже. [180] О Эвксинском море Гомер ничего не знает, как правило, представляя нам названия далеких регионов только в связи с романтическими или чудовищными аккомпанементами. Критяне, а еще больше тафийцы (которые, как предполагается, занимали западные острова у побережья Акарнании), упоминаются как искусные мореплаватели, а тафиец Ментес утверждает, что перевозит железо в Темезу, чтобы там обменять его на медь; [181] но и тафийцы, и критяне – скорее корсары, чем торговцы. [182] Сильное чувство опасности моря, выраженное поэтом Гесиодом, и несовершенная конструкция раннего греческого корабля, засвидетельствованная Фукидидом (который указывает на более позднюю дату усовершенствованного кораблестроения, преобладавшего в его время), свидетельствуют об узком диапазоне морского предпринимательства. [183]

Таково было состояние греков как торговцев в то время, когда Вавилон сочетал многолюдное и трудолюбивое население с обширной торговлей, и когда финикийские торговые корабли посещали в одном направлении южное побережье Аравии, возможно, даже остров Цейлон, а в другом – Британские острова.

Финикиец, родственник древнего еврея, демонстрирует тип характера, принадлежащий последнему, – с большей предприимчивостью и изобретательностью, с меньшей религиозной исключительностью, но все же отличающийся от характера греков и даже антипатичный им. В гомеровских поэмах он предстает как еврей средневековья, хитрый торговец, использующий в корыстных целях насилие и хитрость других, – принося им украшения, предметы декора, самые лучшие и яркие изделия ткацкого станка, золото, серебро, электрум, слоновую кость, олово и т. д., в обмен на которые он получал землю, шкуры, шерсть и рабов – единственные товары, которые мог предложить даже богатый греческий вождь тех ранних времен, – готовый в то же время к нечестной наживе любым способом, который случай может подбросить ему на пути. [184] Однако он действительно торговец, не предпринимающий экспедиций с преднамеренной целью внезапности и грабежа, и в этом отношении отличается от тирренского, критского или тафийского пирата. Олово, слоновая кость и электрум, о которых говорится в гомеровских поэмах, были плодами торговли финикийцев как с Западом, так и с Востоком [185].

[р. 104] Фукидид говорит нам, что финикийцы и карийцы в очень ранние времена занимали многие острова Эгейского моря, и мы знаем, что по поразительным остаткам их горных работ, которые Геродот сам видел в Тасусе, у берегов Фракии, что они когда-то добывали золото в горах этого острова, – правда, в очень далекие времена, поскольку их занятия должны были быть прекращены до поселения поэта Архилоха. [Однако лишь немногие из островов Эгейского моря были богаты столь ценными продуктами, и обычно финикийцы занимали острова, за исключением тех, где был прилегающий материк, с которым можно было вести торговлю. Движение этих активных мореплавателей не требовало постоянного поселения, но в качестве случайных гостей они были удобны, позволяя греческому вождю обратиться в бегство своих пленников, избавиться от рабов или бездомных фетов, которые доставляли

беспокойство, и снабдить себя металлами, как драгоценными, так и полезными. [Залы Алки [р. 105] нуса и Менелая сверкают золотом, медью и электризмом; большие запасы еще незанятого металла – золота, меди и железа – хранятся в сокровищницах Одиссея и других вождей. [188] Монетные деньги неизвестны гомеровскому веку, торговля ведется по бартеру. Что касается металлов, то следует отметить, что гомеровские описания повсеместно предполагают использование меди, а не железа, для изготовления оружия, как наступательного, так и оборонительного. Каким образом медь закалялась и упрочнялась, чтобы служить целям воина, мы не знаем; [189] но использование железа для этих целей относится к более позднему периоду, хотя в «Трудах и днях» Гесиода предполагается, что это изменение уже было введено. [190]

[р. 106] Способ ведения боя гомеровскими героями не менее отличается от исторических времен, чем материал, из которого было сделано их оружие. Гоплиты, или тяжеловооруженная пехота исторической Греции, поддерживали тесный порядок и хорошо одетый строй, нападая на врага с копьями, выставленными на равном расстоянии, и вступая таким образом в ближний бой, не нарушая своего строя: существовали специальные войска, лучники, пращники и т. д., вооруженные ракетами, но у гоплитов не было оружия, которое можно было бы использовать подобным образом. Герои «Илиады» и «Одиссеи», напротив, обычно используют копье в качестве ракеты, которую они запускают с огромной силой: каждый из них сидит в своей боевой колеснице, запряженной двумя лошадьми и рассчитанной на воина и его возницу; в качестве последнего иногда соглашается выступать друг или товарищ. Продвигаясь на колеснице на полной скорости, впереди своих солдат, он бросает копье в противника: иногда, правда, он сражается пешком и врукопашную, но колесница обычно находится рядом, чтобы принять его, если он захочет, или обеспечить его отступление. Масса греков и троянцев, выходящих вперед для атаки, без какого-либо регулярного шага или равномерной линии, атакует таким же образом, бросая копья. Каждый вождь носит длинный меч и короткий кинжал, кроме двух копий, которые он пускает вперед, – копье также используется, если есть возможность, как оружие для удара. Каждый мужчина защищен щитом, шлемом, нагрудником и поножами, но доспехи вождей значительно превосходят доспехи простых людей, а сами они сильнее и искуснее в обращении с оружием. Есть несколько лучников, как редкое исключение, но в целом снаряжение и порядок действий такие, как описано здесь.

Подобный свободный строй, увековеченный в «Илиаде», знаком каждому; и контраст, который он представляет, с теми несгибаемыми рядами и тем неотразимым одновременным натиском, который снес персидскую толпу при Платее и Кунаксе, [191] является такой иллюстрацией [р. 107], которая убедительно показывает общее различие между героической и исторической Грецией. Если в первой несколько великолепных фигур выступают вперед, выделяясь на фоне остальных, представляя собой неорганизованную и неэффективную массу, то во второй эти единицы объединены в систему, в которой каждый человек, офицер и солдат, имеет свое место и долг, а победа, когда она одержана, является общим делом всех. Преобладание индивидуальной доблести действительно существенно сокращено, если не полностью исключено, – ни один человек не может сделать больше, чем сохранить свое место в строю: [192] но, с другой стороны, грандиозные цели, агрессивные или оборонительные, ради которых только и берут в руки оружие, становятся более уверенными и легкими, а дальновидные комбинации генерала впервые становятся осуществимыми, когда у него есть дисциплинированное тело людей, которые должны ему подчиняться. Проследив картину гражданского общества, мы должны отметить аналогичный переход: от Геракла, Фесея, Ясона, Ахилла к Солону, Пифагору и Периклу – от «пастыря своего народа» (если воспользоваться фразой, в которой Гомер изобразил хорошую сторону героического царя) к законодателю, который вводит и государственному деятелю, поддерживающему заранее согласованную систему, по которой граждане соглашаются связывать себя обязательствами. Если не всегда можно найти выдающийся индивидуальный талант, то все сообщество обучается так, чтобы быть в состоянии поддержи-

вать свой курс при низших лидерах; права и обязанности каждого гражданина predeterminedены в социальном порядке, в соответствии с принципами, более или менее мудро установленными. Контраст схож, а переход одинаково примечателен как в гражданской, так и в военной картине. Фактически, военная организация греческих республик является элементом величайшей важности в отношении той выдающейся роли, которую они сыграли в человеческих делах, [р. 108] – их превосходство над другими современными нациями в этом отношении едва ли менее поразительно, чем во многих других, как мы будем иметь возможность увидеть на последующем этапе этой истории.

Даже на самом передовом этапе своей тактики греки мало что могли сделать против города, обнесенного стеной, а героическое оружие и арсенал были еще менее доступны для такой задачи, как осада. Укрепления – особенность эпохи, заслуживающая особого внимания. Как нам рассказывают, было время, когда примитивные греческие города или деревни были надежно защищены не стенами, а просто возвышенными и труднодоступными местами. Они строились не прямо на берегу или вблизи удобного места для высадки, а на некотором расстоянии вглубь страны, на скале или возвышенности, к которой нельзя было подойти незаметно или взобраться без труда. В то время это считалось достаточным для защиты от пиратов или мародеров: но по мере того, как состояние общества становилось уверенным, – когда вероятность внезапного нападения сравнительно уменьшалась, а промышленность росла, – эти непривлекательные жилища менялись на более удобные места на равнине или склоне под ними; или часть последних была заключена в более широкие границы и присоединена к первоначальному фундаменту, который таким образом становился Акрополем нового города. Феб, Афины, Аргос и т. д. принадлежали к последнему классу городов; но во многих частях Греции были заброшенные места на вершинах холмов, сохранившие даже в исторические времена следы прежнего обитания, а некоторые из них все еще носили название старых городов. Среди горных районов Крте, в Эгине и на Родосе, в частях горы Ида и Парнаса можно увидеть подобные остатки [193] [р. 109].

Вероятно, в таких примитивных деревнях на холмах сплошной круг стены вряд ли был бы необходим в качестве дополнительного средства обороны, и часто это было бы очень трудно из-за изрезанности местности. Но Фукидид представляет самых ранних греков – тех, кого он считает предшественниками Троянской войны, – как живущих повсеместно в неукрепленных деревнях, главным образом из-за их бедности, грубости и полного безразличия к завтрашнему дню. Угнетенные и удерживаемые друг от друга вечным страхом, они еще не прониклись чувством постоянного места жительства: они не желали даже сажать фруктовые деревья из-за неопределенности сбора плодов, и всегда были готовы покинуть их, потому что оставаться было невыгодно, а пропитание можно было получить где угодно. Он сравнивает их с горцами Этолии и Озолийского Локри в свое время, которые жили в своих неукрепленных горных деревнях, практически не общаясь друг с другом, всегда были вооружены и сражались, питаясь продуктами своего скота и леса, [194] – одетые в невыделанные шкуры и ели сырое мясо.

Картина, которую дает Фукидид об этих очень ранних и незаписанных временах, может быть принята только как предположение, – предположение, действительно, государственного деятеля и философа, – обобщенное также, частично, на основе многих конкретных примеров раздоров и изгнания вождей, которые он нашел в старых легендарных поэмах. Гомеровские поэмы, однако, представляют нам иную картину. Они признают обнесенные стенами города, постоянные жилища, сильные местные привязанности, наследственную индивидуальную собственность на землю, посаженные и тщательно возделываемые виноградники, установленные храмы богов и великолепные дворцы вождей. [195] Описание Фукидида относится к более низкой форме общества и имеет больше сходства с той, которую сам поэт считает древней и варварской, – с дикими циклопами, живущими на вершинах гор, в полых пещерах, без плуга, без культуры винограда и фруктов, без искусств и инструментов, – или к первобытному посе-

лению Дардана, сына Зевса, на возвышенности Иды, в то время как его потомки и преемники должны были основать священный Илиум на равнине. [196] Илиум или Троя представляет собой совершенство гомеровского общества. Это освященное место, где находятся храмы богов, а также дворец Приама, и окруженное стенами, которые являются творением богов; в то время как предшествующая форма более грубого общества, на которую поэт бросает беглый взгляд, является параллелью той, которую теория Фукидида приписывает его собственным ранним полуварварским предкам.

Таким образом, обнесенные стенами города служат одним из доказательств того, что значительная часть населения Греции даже в гомеровские времена достигла уровня выше, чем у этолийцев и локрийцев времен Фукидида. Останки Микен и Тирина демонстрируют массивный и циклопический стиль архитектуры, использовавшийся в те ранние времена: но мы можем заметить, что, в то время как современные наблюдатели склонны считать останки первого очень внушительными и свидетельствующими о великой княжеской семье, Фукидид, напротив, говорит о нем как о небольшом месте и старается [р. 111] чтобы избежать вывода, который можно было бы сделать из его незначительных размеров, в опровержение величия Агамемнона. [197] Такие укрепления обеспечивали средства защиты, несравненно превосходящие средства нападения. Ведь даже в исторической Греции после изобретения таранных орудий ни один город нельзя было взять иначе, как враспloh или блокадой, или разорив окружающую страну и лишив таким образом жителей средств к существованию. И в двух великих осадах легендарного времени, Трои и Феба, первая была захвачена с помощью стратагемы деревянного коня, а вторую эвакуировали ее граждане, по предупреждению богов, после поражения в поле.

Это решительное превосходство средств защиты над средствами нападения в грубые века было одной из главных причин, способствовавших как росту гражданской жизни, так и общему движению человеческого совершенствования. Это позволило прогрессивным частям человечества не только сохранить свои приобретения против хищнических инстинктов более грубых и бедных и преодолеть трудности зарождающейся организации, но и в конечном итоге, когда их организация стала зрелой, приобрести преобладание и поддерживать его до тех пор, пока их собственные дисциплинированные привычки частично не перейдут к их врагам. Важная истина, изложенная здесь, иллюстрируется не только историей Древней Греции, но и историей современной Европы в Средние века. Гомеровский вождь, сочетающий высший ранг с высшей силой и готовый грабить при каждом удобном случае, очень напоминает феодального барона Средневековья, но обстоятельства легче втягивают его в городскую жизнь и превращают независимого властителя в члена правящей аристократии. [198] Морское сообщение продолжало подвергаться опасности со стороны пиратов еще долго после того, как оно стало достаточно безопасным на суше: «мокрые пути» всегда были последним прибежищем беззакония и насилия, и Эгейское море, в частности, во все времена страдало от этого бедствия больше, чем другие воды.

Агрессии такого рода, как здесь описаны, были, конечно, наиболее многочисленны в те ранние времена, когда Эгейское море еще не было эллинским и когда многие Киклады были заняты не греками, а карийцами, возможно, финикийцами: количество карийских гробниц, обнаруженных на священном острове [р. 113] Делус, кажется, подтверждает такую оккупацию как исторический факт. Согласно легендарному рассказу, поддерживаемому как Геродотом, так и Фукидидом, именно критянин Минос покорил эти острова и установил на них власть своих сыновей, либо изгнав карийцев, либо обратив их в рабство и дань. [200] Фукидид предполагает, что он, конечно, должен был положить конец пиратству, чтобы можно было спокойно перечислять дань, как афиняне во времена своей гегемонии. [201] О легендарной талассократии Миноса я уже говорил в другом месте: [202] Здесь достаточно повторить, что в гомеровских поэмах (которые в нынешней хронологии давно следуют за Миносом) пират-

ство встречается часто и пользуется почетом, о чем нам красноречиво говорит сам Фукидид, отмечая, кроме того, что суда тех ранних времен были лишь полупалубными, построенными и оснащенными по пиратской моде, [203] на что мореплаватели его времени смотрели с презрением. Улучшенное и расширенное кораблестроение, а также трирема, или корабль с тремя банками весел, распространенный для военных целей во время персидского нашествия, началось только с ростом мастерства, активности и значимости коринфян, спустя три четверти века после первой Олимпиады. [204] Коринф даже в гомеровских поэмах отличается эпитетом «богатый», который он приобрел главным образом благодаря своему замечательному положению на перешейке и двум гаваням – Лехей и Кенхрей, одна на Коринфском, другая на Сароническом заливе. Таким образом, он обеспечивал удобное сообщение между Эпиром и Италией с одной стороны и Эгейским морем с другой, не навязывая неумелому и робкому мореплавателю тех дней необходимость обходить Пелопоннес.

О широте греческих перевозок и судоходства свидетельствует сравнение гомеровских и гесиодовских поэм в отношении знания мест и стран – последние, вероятно, относятся к периоду между 740 и 640 гг. до н. э. У Гомера показано знакомство (точность этого знакомства, однако, преувеличена Страбоном и другими дружественными критиками) с континентальной Грецией и соседними островами, с Кртетом и главными островами Эгейского моря, с Фракией, Троадой, Геллеспонтом и Малой Азией между Пафлагонией на север и Ликией на юг. Сикелы упоминаются в «Одиссее», а Сикания – в последней книге этой поэмы, но ничего не говорит о том, что они знают Италию или другие страны западного мира. Ливия, Египет и Финикия известны по именам и смутным слухам, но Нил упоминается только как «река Египта», а Эвксинское море вообще не упоминается. [В поэмах Гесиода, напротив, Нил, Истер, Фазис и Эридан названы по имени; [206] также упоминаются гора Итна и остров Ортигия, расположенные недалеко от Сиракуз, тирренцы и лигурийцы на западе и скифы на севере. [207] Действительно, в течение сорока лет после первой Олимпиады из Коринфа были основаны города Коркира и Сиракузы – первые из многочисленной и мощной серии колоний, которым суждено было придать новый характер как югу Италии, так и Сицилии.

Что касается астрономии и физики гомеровского грека, то уже было отмечено, что он связывал воедино разумные явления, составляющие предмет этих наук, нитями религиозной и олицетворяющей фантазии, которой подчинялись реальные аналогии между ними; и что эти аналогии не начинали изучаться сами по себе, отдельно от религиозного элемента, которым они сначала были наложены, до эпохи Фалеса, – совпавшей, как это произошло, с расширением возможностей посещения Египта и внутренних районов Азии. В обеих этих странах греки получили доступ к большому количеству астрономических наблюдений, к использованию гномона или солнечных часов [208] и к более точному определению продолжительности солнечного года [209], чем то, которое послужило основой для их различных лунных периодов. Утверждается, что Фалес был первым, кто предсказал затмение солнца – не совсем точно, но с большими пределами погрешности относительно времени его наступления, – и что он также обладал столь глубоким знанием метеорологических явлений и вероятностей, что смог предсказать обильный урожай оливок на будущий год и получить большую сумму денег за счет спекуляции оливами [210].

От Фалеса вниз мы прослеживаем череду астрономических и физических теорий, более или менее успешных, в которые я не намерен здесь вдаваться: сейчас достаточно противопоставить отца ионической философии предшествующим ему временам и отметить первое начало научного предсказания среди греков, пусть и несовершенное на начальном этапе, в отличие от вдохновенных сентенций пророков или оракулов и от тех особых знаков о целях богов, на которые привычно полагался гомеровский человек. [Мы увидим, что эти два способа предвидения будущего, один из которых основан на философском, а другой – на религиозном восприятии природы, действуют одновременно на протяжении всей греческой истории и делят

между собой в неравных долях империю греческого ума; первый приобретает как большее преобладание, так и более широкое применение среди интеллектуальных людей, и частично ограничивает, но никогда не отменяет спонтанное применение второго среди вульгарных.

Ни чеканные деньги, ни искусство письма, [212] ни живопись, ни скульптура, ни образная архитектура не относятся к гомеровским и гесиодовским временам. Такие зачатки искусств, которым суждено было в конце концов получить столь великое развитие в Греции, как те, что существовали в эти ранние времена, служили лишь своего рода ядром для фантазии поэта, чтобы создать для себя сказочные [р. 117] творения, приписываемые Гефесту или Дейдалу. Ни одна статуя богов, даже деревянная, не упоминается в гомеровских поэмах. Все многочисленные разновидности греческой музыки, поэзии и танцев – первые в основном заимствованы из Лидии и Фригии – относятся к периоду, значительно более позднему, чем первая Олимпиада: Терпандр, самый ранний музыкант, чья дата установлена, и изобретатель арфы с семью струнами вместо четырехструнной, появился не ранее 26-й Олимпиады, или 676 года до н. э.: поэт Архилох почти того же времени. Ямбический и элегический метры – первые отклонения от первобытного эпического ритма и сюжета – появляются не ранее 700 года до нашей эры.

Именно эпическая поэзия является одновременно и несомненной прерогативой, и единственной жемчужиной самой ранней эпохи Греции. Из множества эпических поэм, существовавших в Греции в течение восьми веков до христианской эры, не сохранилось ни одной, кроме «Илиады» и «Одиссеи»: «Эфиопис» Арктина, «Илиас Малый» Леша, «Кипрские стихи», «Взятие Eechalia», «Возвращение героев из Трои», «Фебаи» и «Эпигоны» – некоторые из них в древности проходили под именем Гомера – все были утрачены. Но и тех двух, что остались, вполне достаточно, чтобы продемонстрировать у первобытных греков умственную организацию, не имеющую аналогов ни в одном другом народе, и способности к изобретению и выражению, которые подготовили, а также предвосхитили будущее выдающееся положение нации во всех различных областях, к которым могут быть применены мысль и язык. Как ни велика была впоследствии сила мысли греков, их сила выражения была еще больше: в первом случае другие народы опирались на их фундамент и превзошли их, а во втором они так и остались непревзойденными. Не будет лишним сказать, что этот гибкий, выразительный и прозрачный характер языка как инструмента общения, его прекрасная способность к повествованию и обсуждению, а также к возбуждению всех жилок человеческих эмоций без потери той простоты, которая приспособливает его ко всем людям и всем временам, – может быть прослежен в основном благодаря существованию и широкому влиянию «Илиады» и «Одиссеи». Для нас эти сочинения интересны как прекрасные поэмы, изображающие жизнь и нравы, раскрывающие определенные типы характера с предельной живостью и безыскусственностью: для их первоначального слушателя они обладали всеми этими источниками воздействия, вместе с другими, еще более мощными, которые нам теперь чужды. На него они действовали со всей тяжестью и торжественностью истории и религии вместе взятых, в то время как очарование поэзии было лишь вторичным и инструментальным. Поэт был тогда учителем и проповедником общины, а не просто развлечением в часы досуга: к нему обращались за откровениями о неизвестном прошлом, за разъяснениями атрибутов и расположения богов, так же как к пророку за его привилегированным предвидением будущего. Древний эпос включал в себя множество различных поэтов и поэтических композиций, которые выполняли эту цель с большей или меньшей полнотой: но исключительная прерогатива Илиады и Одиссеи заключается в том, что после того, как умы людей перестали находиться в полной гармонии с их первоначальным замыслом, они все еще сохраняли свою империю благодаря лишь силе вторичного превосходства: в то время как остальные эпосы – хотя и служили пищей для любопытных и хранилищем для логографов, трагиков и художников – никогда, кажется, не приобретали широкой популярности даже среди интеллектуальных греков.

В следующей главе я расскажу об эпическом цикле, о его связи с гомеровскими поэмами и об общих свидетельствах, касающихся древности и авторства последних.

Глава XXI. ГРЕЧЕСКИЙ ЭПОС. – ГОМЕРОВСКИЕ ПОЭМЫ.

Во главе некогда многочисленных эпических произведений Греции, большая часть которых, к сожалению, утрачена, стоят «Илиада» и «Одиссея», связанные с бессмертным именем Гомера и охватывающие отдельные части обширного сказания о Трое. Они представляют собой образец того, что можно назвать героическим эпосом греков, в отличие от генеалогического, в котором выделялись некоторые поэмы Гесиода – «Каталог женщин», «Эойи» и «Навпактия» [с. 119].

Поэмы гомеровского характера (если можно так выразиться, хотя термин весьма неопределённый), ограничиваясь одним из великих событий или великих персонажей греческой легендарной древности и включая ограниченное число действующих лиц, все из одной эпохи, в большей или меньшей степени приближались к определённому поэтическому единству. В то же время поэмы Гесиода, более спокойные по духу и не ограниченные ни временем, ни персонажами, соединяли разрозненные события без явной попытки сосредоточить интерес – без закономерного начала или конца [213]. Между этими двумя крайностями существовало множество промежуточных форм: биографические поэмы, такие как «Гераклея» или «Тесеида», повествующие о главных подвигах одного героя, представляют собой нечто среднее, но ближе стоящее к гесиодовскому типу. Даже гимны богам, приписываемые Гомеру, являются эпическими фрагментами, описывающими отдельные деяния или приключения прославляемого божества.

Как дидактическая, так и мистико-религиозная поэзия Греции началась с гексаметра – характерного и освящённого размера эпоса [214], но они принадлежат к иному роду и исходят из иной струи греческого духа. Среди исторических греков было распространено мнение, что такие мистические произведения древнее повествовательных поэм и что Орфей, Музей, Лин, Олен, Памф и даже Гесиод и другие, считавшиеся их авторами, жили раньше Гомера. Однако нет доказательств в пользу этого мнения, а все предположения говорят против него. Те сочинения, которые в VI веке до нашей эры приписывались Орфею и Мусею, несомненно, были послегомеровскими, и мы не можем принять даже смягчённый вывод Германа, Ульрици и других, что мистическая поэзия как жанр (если отвлечься от конкретных сочинений, ложно приписанных Орфею и другим) предшествовала повествовательной [215].

[с. 120] Кроме «Илиады» и «Одиссеи», нам известны названия около тридцати утраченных эпических поэм, иногда с кратким указанием их содержания.

Относительно сказания о Трое их было пять: «Киприи», «Эфиопида» и «Взятие Трои», обе приписываемые Арктину; «Малая Илиада», приписываемая Лесхесу; «Возвращения» (героев из-под Трои), связанные с именем Агия Трезенского; и «Телегония» Евгаммона, продолжение «Одиссеи». Две поэмы – «Фиваида» и «Эпигоны» (возможно, две части одного произведения) – были посвящены фиванскому циклу, двум походам аргиев на этот город. Другая поэма, «Эдиподия», повествовала о трагической судьбе Эдипа и его семьи; а та, что упоминается как «Европия» или стихи о Европе, возможно, включала сказание о её брате Кадме, мифическом основателе Фив [216].

Подвиги Геракла воспевались в двух произведениях, каждое под названием «Гераклея», авторства Кинефона и Писандра, – вероятно, и во многих других, память о которых не сохранилась. Отдельный эпос был посвящён взятию Гераклом Ойхалии. Две другие поэмы, «Эгимий» и «Миния», предположительно основывались на иных деяниях этого героя – его помощи дорийскому царю Эгимию в борьбе с лапифами, сошествии в подземный мир для освобождения пленённого Тесея и завоевании могущественного города миниев Орхомена [217].

Другие эпические поэмы – «Форонида», «Данаида», «Алкмеонида», «Атфида», «Амазония» – известны нам лишь по названиям, и мы можем лишь смутно догадываться об их содержании, насколько это позволяет само имя. [218] [стр. 121] «Титаномахия», «Гигантомахия» и «Коринфияка», три произведения, приписываемые Евмелу, дают благодаря своим названиям несколько более ясное представление о материале, который они охватывали. «Теогония», приписываемая Гесиоду, сохранилась, хотя и частично искажённой и фрагментарной; но, по-видимому, существовали и другие поэмы подобного содержания и названия, ныне утраченные.

Из поэм, написанных в гесиодовском стиле – пространных и насыщенных генеалогическими подробностями, – главными были «Каталог женщин» и «Великие Эойи»; последняя, по-видимому, являлась продолжением первой. В этих поэмах одна за другой воспевались знаменитые женщины героической Греции, связанные между собой лишь произвольной нитью повествования. «Брак Кеика», «Меламподия» и собрание мифов под названием «Астрономия» также приписываются Гесиоду; а упомянутая выше поэма «Эгимий» иногда связывается с его именем, а иногда – с именем Керкопа. «Навпактийские стихи» (названные так, вероятно, по месту рождения их автора) и генеалогии Кинифона и Асия были произведениями того же бессистемного характера, насколько можно судить по скудным сохранившимся фрагментам. [219] Орхоменский эпический поэт Херсий, от которого до нас дошло лишь две строки, сохранённые Павсанием, также может быть отнесён к той же категории. [220]

Самый древний из эпических поэтов, которому приписывается хоть какая-то дата, имеющая видимость достоверности, – это Арктин Милетский, помещаемый Евсевием в первую Олимпиаду, а Судой – в девятую. Евгаммон, автор «Телегонии» и самый поздний в этом перечне, отнесён к пятидесяти третьей Олимпиаде (566 г. до н. э.). Между ними находятся Асий и Лесх, жившие около тридцатой Олимпиады – в то время, когда жила древняя эпическая традиция уже иссякала, а другие формы поэзии – элегическая, ямбическая, лирическая и хорошая – либо уже возникли, либо вот-вот должны были появиться, чтобы соперничать с ней. [221] [стр. 122]

Как уже упоминалось в предыдущей главе, в ранних попытках прозаического письма Гекатей, Ферекид и другие логографы стремились извлечь из древних мифов нечто вроде связного повествования, расположенного в хронологическом порядке. По аналогичному принципу александрийские учёные примерно во II веке до н. э. [222] организовали множество древних эпических поэтов в последовательность, основанную на предполагаемом порядке событий, – начиная с брака Урана и Геи и «Теогонии» и заканчивая смертью Одиссея от руки его сына Телегона. Этот сборник получил название «Эпического цикла», а поэты, чьи произведения вошли в него, стали именоваться «циклическими». Без сомнения, эпические сокровища Александрийской библиотеки были обширнее, чем когда-либо прежде собранные в одном месте и доступные для изучения людям учёным и располагающим досугом; поэтому умножение подобных сочинений в одном хранилище сделало желательным установление определённого порядка их прочтения и создание исправленного и унифицированного издания. [223] Критикам угодно было определить очерёдность не по древности или художественным достоинствам самих произведений, а по предполагаемой последовательности событий, так чтобы в целом они составляли читаемый свод эпической древности.

Много неясностей [224] существует, и множество различных мнений высказано относительно этого «Эпического цикла»: я рассматриваю его не как исключительный канон, а просто как всеобъемлющую классификацию с новым изданием, основанным на ней. В него вошли бы все эпические поэмы библиотеки, созданные ранее «Телегонии» и подходящие для связного повествования; исключались бы лишь две категории – во-первых, недавние эпические поэты, такие как Паниасис и Антимах; во-вторых, генеалогические и бессистемные поэмы, такие как «Каталог женщин», «Эойи» и другие, которые нельзя было вписать в хронологическую последовательность событий. [225] И «Илиада», и «Одиссея» входили в «Цикл», так что обозна-

чение «циклический поэт» изначально не подразумевало презрения. Но поскольку великие и выдающиеся поэмы чаще упоминались сами по себе или под именем их отдельных авторов, общее название «поэтов Цикла» постепенно стало применяться только к худшим, приобретающим оттенок вульгарности или банальности; тем более что многие из второстепенных произведений, включённых в сборник, по-видимому, были анонимными, и их авторов можно было обозначить лишь подобным собирательным именем – «циклические поэты». Именно так следует объяснять пренебрежительное отношение, связываемое Горацием и другими с понятием «циклического писателя», хотя изначально в «Эпическом цикле» такого оттенка не было.

Таким образом, поэмы Цикла упоминались в противопоставлении Гомеру, [226] хотя изначально и «Илиада», и «Одиссея» [стр. 125] входили в их число. Это изменение значения слова породило ошибку в понимании первоначальной цели классификации, как если бы она была задумана специально для отделения второстепенных эпических произведений от Гомера.

Однако, в то время как некоторые критики склонны слишком резко противопоставлять циклических поэтов Гомеру, мне кажется, что Велькер впадает в другую крайность, слишком тесно отождествляя Цикл с этим поэтом. Он трактует его как классификацию, сознательно созданную для объединения всех разнообразных произведений гомеровского эпоса – с его единством действия и сравнительной скудостью как персонажей, так и приключений – в противоположность гесиодовскому эпосу, переполненному отдельными персонажами и родословными, лишённому центрального действия и завершающей катастрофы.

Это мнение действительно во многом соответствует фактам, поскольку немногие из гесиодовских эпосов, по-видимому, входили в Цикл. Утверждать, что их не было вовсе, было бы преувеличением, ибо мы не можем просто отбросить ни «Теогонию», ни «Эгимия». Однако их отсутствие легко объяснимо без предположения о намеренном исключении: очевидно, что их разрозненный характер (подобный «Метаморфозам» Овидия) делал невозможным их вплетение в какую-либо связную серию.

Непрерывность повествования в сочетании с определённой древностью поэм была принципом, на котором основывалось расположение произведений в так называемом Эпическом Цикле. Гесиодовские поэмы в целом исключались не из-за заранее задуманного намерения, а потому, что их нельзя было согласовать с таким упорядоченным чтением.

Какие именно поэмы входили в Цикл, мы теперь не можем определить с точностью. Велькер располагает их следующим образом: [стр. 126] «Титаномахия», «Данаида», «Амазония» (или «Атфида»), «Эдиподия», «Фиваида» (или «Поход Амфиарая»), «Эпигоны» (или «Алкмеонида»), «Миньяда» (или «Фокаида»), «Взятие Ойхалии», «Киприи», «Илиада», «Эфиопида», «Малая Илиада», «Илиуперсида» (или «Разрушение Трои»), «Возвращения героев», «Одиссея» и «Телегония». Вюльнер, Ланге и Файнс Клинтон расширяют список циклических поэм ещё больше. [227]

Однако все подобные реконструкции Цикла носят предположительный характер и не имеют авторитетных подтверждений. Единственные поэмы, которые мы можем с уверенностью отнести к Циклу на основании достоверных источников, – это, во-первых, серия, посвящённая героям Трои, от «Киприй» до «Телегонии», краткое содержание которой сохранил Прокл и которая включает «Илиаду» и «Одиссею»; во-вторых, древняя «Фиваида», прямо названная циклической [228] для отличия от одноимённой поэмы Антимаха.

Что касается других конкретных произведений, у нас нет доказательств ни для их включения, ни для исключения, кроме общих представлений о принципах построения Цикла. Если моё понимание этой схемы верно, александрийские критики включили в него все свои старые эпические сокровища вплоть до «Телегонии» – как хорошие, так и плохие; золото, серебро и железо – при условии, что их можно было вплести в повествовательную серию.

Однако я не могу, подобно Клинтону, включить «Европию», «Форониду» и другие поэмы, от которых нам известны лишь названия, поскольку неясно, соответствовало ли их

содержание основному условию. Также я не могу согласиться с его мнением, что если существовало две или более поэмы с одинаковым названием и сюжетом, то одна из них обязательно должна была войти в Цикл, исключая остальные.

Могли быть две «Теогонии» или две «Гераклеи», обе включённые в Цикл, поскольку цель (как я уже отмечал) заключалась не в том, чтобы отделить лучшее от худшего, а в том, чтобы установить определённый порядок, удобный для чтения и ссылок, среди множества разрозненных произведений – как основу для нового, полного и исправленного издания.

[р. 127] Каков бы ни был принцип, по которому изначально объединялись циклы эпических поэм, все они ныне утрачены, за исключением двух несравненных алмазов, чей блеск, затмивший все остальное, один лишь даровал бессмертную славу даже самому раннему периоду греческой жизни. «Илиада» и «Одиссея» с самого зарождения греческой филологии и по сей день естественным образом вызывали жгучее любопытство, которое даже в исторические и литературные времена Греции не могло быть удовлетворено достоверными фактами. Эти произведения – памятники эпохи, глубоко религиозной и поэтической, но в то же время нефилософской, нерелефлексивной и не оставившей записей: сама природа дела исключает возможность обладать каким-либо достоверным знанием, переданным из такого периода. И нам придется усвоить этот урок, сколь тяжел и болезнен он ни был бы: никакая, даже самая изощренная, критическая проницательность не позволит нам отличить вымысел от реальности при отсутствии достаточного количества свидетельств.

После бесчисленных комментариев и ожесточенных споров [229], вызванных гомеровскими поэмами, едва ли можно сказать, что хоть один из изначально сомнительных вопросов получил решение, способное удовлетворить всех. Даже беглое рассмотрение всех этих споров, как бы кратко оно ни было, выходит далеко за рамки настоящего труда. Однако даже самая сжатая история Греции была бы неполной без некоторых изысканий относительно Поэта (так греческие критики в своем благоговении именовали Гомера) и произведений, которые ныне или в прошлом приписывались ему.

Кто или что такое Гомер? Какую дату ему следует приписать? Какие произведения ему принадлежат?

Если бы кто-то задал эти вопросы грекам из разных городов и эпох, он получил бы крайне противоречивые ответы. Со времен бесценных трудов Аристарха и [р. 128] других александрийских критиков над текстом «Илиады» и «Одиссеи» принято считать именно эти две поэмы (не считая гимнов и нескольких других малых произведений) единственными подлинными творениями Гомера. Литераторы, называемые «хоризонтами» (Разделителями), во главе с Ксеноном и Геллаником, попытались ещё больше сократить это число, отделив «Илиаду» от «Одиссеи» и доказывая, что они не могли быть созданы одним автором.

На протяжении всей греческой античности «Илиада», «Одиссея» и гимны считались гомеровскими. Но если мы вернемся ко временам Геродота или даже раньше, то обнаружим, что Гомеру приписывали и несколько других эпосов. Более того, ещё до александрийской эпохи существовали критики, [230] считавшие весь эпический цикл, включая сатирическую поэму «Маргит», «Батрахомиахию» и другие малые произведения, творениями Гомера.

Циклические «Фиваида» и «Эпигоны» (были ли они отдельными поэмами или последняя – продолжением первой) в древности обычно приписывались Гомеру. То же самое относилось и к «Кипрским песням». Некоторые даже считали его автором других поэм, [231] таких как «Взятие Эхалии», «Малая Илиада», «Фокаида» и «Амазония». Право «Фиваиды» называться гомеровской опирается на свидетельства более древние, чем любые, подтверждающие подлинность «Илиады» и «Одиссеи». Каллин, древний элегический поэт (640 г. до н. э.), называл Гомера её автором – и его мнение разделяли многие другие компетентные судьи. [232]

Из [р. 129] примечательного описания Геродота об изгнании рапсодов из Сикиона тираном Клеифеном во времена Солона (ок. 580 г. до н. э.) можно сделать вывод, что «Фиваида»

и «Эпигоны» тогда исполнялись в Сикионе как гомеровские произведения. [233] И из слов Геродота ясно, что в его время общее мнение приписывало Гомеру как «Кипрские песни», так и «Эпигонов», хотя сам он с этим не соглашался. [234]

Несмотря на это несогласие, историк, очевидно, считал имена Гомера и Гесиода почти синонимами всего древнего эпоса – иначе он вряд ли вынес бы своё знаменитое суждение о том, что именно они создали греческую теогонию.

Множество городов, претендовавших на звание родины Гомера (семь – это даже меньше, чем на самом деле; среди них наиболее известны Смирна и Хиос), хорошо известны, и большинство из них имели легенды о его романтическом происхождении, предполагаемой слепоте и жизни странствующего певца, знакомого с бедностью и скорбью. [235]

Не менее примечательны расхождения в датировке его предполагаемого существования: из восьми различных эпох, к которым его относили, самая ранняя отстоит от самой поздней на 460 лет.

Так противоречивы были бы ответы, полученные в разных частях греческого мира на вопросы о личности Гомера. Но существовало и поэтическое объединение (братство или гильдия) на ионийском острове Хиос, которое ответило бы иначе. Для них Гомер был не просто человеком прошлого, подобным им самим, но божественным или полубожественным эпосником и прародителем, которого они почитали в своих родовых жертвоприношениях и в чьём возвышающемся имени и славе растворялась индивидуальность каждого члена рода.

Сочинения каждого отдельного Гомерида или совместные труды многих из них были произведениями Гомера. Имя отдельного певца исчезало, его авторство забывалось, но общий родовой [р. 132] отец жил и рос в славе от поколения к поколению благодаря гению своих обновляющихся сыновей.

Таково было представление о Гомере у поэтического рода Гомеридов, и в общей неясности этого вопроса я склоняюсь к нему как к наиболее правдоподобному. Гомер – не только предполагаемый автор различных произведений, исходящих от членов рода, но и носитель множества легенд и божественной генеалогии, которыми их воображение его наделяло. Подобное создание вымышленной личности и полное слияние сущностей религии и фантазии с реальным миром – процесс, хорошо знакомый и даже привычный для ретроспективного взгляда греков. [236]

Следует отметить, что поэтический род Гомеридов, о котором здесь идет речь, – бесспорно подлинный. Их существование и влияние сохранялись в исторические времена на острове Хиос. [237] Если Гомериды оставались заметными даже во времена Акусилая, Пиндара, Гелланика и Платона, когда их творческое вдохновение иссякло и они стали лишь хранителями и распространителями (наряду с другими) сокровищ, оставленных предшественниками, – то насколько выше должно было быть их положение тремя веками ранее, когда они ещё были вдохновенными творцами эпической новизны и когда отсутствие письменности гарантировало им бесспорную монополию на свои сочинения! [238] [р. 133]

Таким образом, Гомер – это не конкретный человек, а божественный или героический предок (понятия поклонения и происхождения сливаются, как это часто бывало в греческом сознании) родовых Гомеридов, и он является автором «Фиваиды», «Эпигонов», «Киприй», «Прологов», или гимнов, и других поэм в том же смысле, в каком он – автор «Илиады» и «Одиссеи», – предполагая, что эти различные произведения созданы, как, возможно, и было, разными представителями Гомеридов. Однако это отрицание исторической личности Гомера совершенно отделено от вопроса, с которым его часто смешивали, – являются ли «Илиада» и «Одиссея» изначально целостными поэмами и принадлежат ли они одному автору или нет. Для нас имя Гомера означает именно эти две поэмы и почти ничего более: мы хотим узнать как можно больше об их датировке, первоначальном создании, сохранении и способе передачи публике. Все эти вопросы в той или иной степени связаны друг с другом.

Что касается датировки поэм, у нас нет иных сведений, кроме различных утверждений о времени жизни Гомера, [р. 134] которые расходятся между собой (как я уже отмечал) на промежутки в четыреста шестьдесят лет и которые в большинстве случаев определяют дату Гомера по отношению к какому-либо другому событию, само по себе мифическому и недостоверному, – например, Троянской войне, возвращению Гераклидов или Ионийскому переселению. Кратет относил Гомера ко времени ранее возвращения Гераклидов и менее чем через восемьдесят лет после Троянской войны; Эратосфен помещал его через сто лет после Троянской войны; Аристотель, Аристарх и Кастор считали его современником Ионийского переселения, тогда как Аполлодор относил его к периоду на сто лет позже этого события или к двумстам сорока годам после взятия Трои. Фукидид датировал его жизнь гораздо более поздним временем, чем Троянская война. [239] С другой стороны, Феопомп и Эвфорион относили его эпоху к гораздо более позднему периоду правления лидийского царя Гига (Ол. 18–23, 708–688 гг. до н. э.) и помещали его через пятьсот лет после Троянской эпохи. [240] На чем основывались эти разнообразные предположения, мы не знаем, хотя в утверждениях Кратета и Эратосфена можем довольно хорошо догадаться. Но древнейшее из сохранившихся мнений о дате Гомера – подразумеваемая под этим датой создания «Илиады» и «Одиссеи» – кажется мне одновременно наиболее достоверным и наиболее согласующимся с общей историей древнего эпоса. Геродот помещает Гомера за четыреста лет до себя, отталкиваясь не от какого-либо мифического события, а от точки реального и достоверного времени. [241] Четыре столетия [р. 135] до Геродота – это период, начинающийся с 880 г. до н. э., так что создание гомеровских поэм приходится на промежуток между 850 и 800 гг. до н. э. Из слов Геродота можно понять, что это было его собственное суждение, противоречащее распространенному мнению, относившему поэта к более ранней эпохе.

Помещение «Илиады» и «Одиссеи» в промежуток между 850 г. до н. э. и 776 г. до н. э. кажется мне более вероятным, чем любая другая дата, более ранняя или поздняя, – более вероятной, чем поздняя, потому что у нас есть основания считать эти две поэмы древнее Арктина, который жил вскоре после первой Олимпиады; и более вероятной, чем ранняя, потому что, чем дальше мы отодвигаем поэмы в прошлое, тем больше увеличиваем чудо их сохранения, и без того уже удивительное, – от столь древней эпохи и общества вплоть до исторических времен.

Способ, которым эти поэмы, да и вообще все поэмы, как эпические, так и лирические, вплоть до времени (вероятно) Писистрата, распространялись и доносились до публики, заслуживает особого внимания. Их не читали в одиночку и отдельно, а пели или декламировали на празднествах или перед собравшимися слушателями. Это кажется одним из немногих бесспорных фактов о великом поэте: даже те, кто утверждает, что «Илиада» и «Одиссея» сохранились благодаря письменности, редко настаивают на том, что их читали.

Оценивая воздействие поэм, мы всегда должны учитывать огромную разницу между ранней Грецией и нашим временем – между собранием, собранным на торжественном празднестве, воодушевлённым общим настроением, слушающим размеренное и музыкальное чтение обученных певцов или рапсодов, чьи слова считались вдохновлёнными Музой, – и одиноким читателем, перед которым лежит рукопись; причём такая рукопись вплоть до очень позднего периода греческой литературы писалась небрежно, без разделения на части и без знаков препинания. Как в случае театральных по [р. 136] становок во все времена, так и в случае раннего греческого эпоса – значительная часть его впечатляющего эффекта зависела от таланта исполнителя и силы общих сопутствующих обстоятельств и полностью исчезала при чтении в одиночестве.

Первоначально певец сам исполнял своё эпическое повествование, начиная с пролога или гимна одному из богов: [242] его профессия была отдельной и особенной, как профессия плотника, лекаря или прорицателя; его манера исполнения и дикция требовали особой подготовки не меньше, чем его творческое воображение. В «Одиссее» он предстаёт как человек,

окружённый почётом, а в «Илиаде» даже Ахилл не гнушается взять в руки лиру и воспеть героические подвиги. [243]

Не только «Илиада» и «Одиссея», а также поэмы, вошедшие в эпический цикл, производили всё своё впечатление и приобретали славу благодаря устному исполнению, но даже лирические и хоровые поэты, пришедшие после них, были известны и воспринимались широкой публикой точно так же, даже после того, как среди образованных людей утвердилось привычка к чтению.

Если в эпосе декламация или пение были крайне просты, а стихотворный размер сравнительно мало разнообразен, с единственным сопровождением четырёхструнной кифары, – то все последующие вариации, начиная с пентаметра и ямба и заканчивая усложнёнными строфами Пиндара и трагиков, [р. 137] всё же оставляли общее впечатление от поэзии в значительной степени зависимым от голоса и аккомпанемента, резко отличая его от простого чтения текста в одиночестве.

А в драматической поэзии, самой поздней по времени, декламация и жесты актёров чередовались с песнями и танцами хора, а также с музыкальными инструментами, причём всё это дополнялось величественными визуальными украшениями.

Сейчас и драматический эффект, и пение знакомы современному человеку, так что каждый понимает разницу между чтением текста и его восприятием в соответствующих обстоятельствах. Однако поэзия как таковая уже давно воспринимается исключительно через чтение, и нам требуется особое напоминание, чтобы вернуться во времена, когда «Илиада» и «Одиссея» обращались лишь к слуху и чувствам разнородной, но сочувствующей толпы.

Читателей не существовало, по крайней мере до века, предшествовавшего Солону и Писистрату; с этого времени их число и влияние постепенно росли, хотя, несомненно, даже в самый литературный период Греции их было мало по сравнению с современным европейским обществом.

Однако, что касается создания прекрасной эпической поэзии, избранный круг образованных читателей оказывал менее сильное стимулирующее влияние, чем неграмотная и слушающая толпа ранних времён. Поэмы Херила и Антимаха, созданные к концу Пелопоннесской войны, хотя и восхищали знатоков, так и не приобрели популярности, а император Адриан потерпел неудачу в своей попытке ввести моду на последнего поэта за счёт Гомера. [244]

[р. 138] Из сказанного здесь видно, что те, кто служил посредником между стихом и слушателем, имели огромное значение в древнем мире, особенно в ранние периоды его истории, – певцы и рапсоды для эпоса, исполнители для лирики, актёры и певцы вместе с танцорами для хора и драмы.

Лирические и драматические поэты сами обучали исполнению своих произведений, и эта роль учителя была настолько заметна для публики, что название «дидаскалия», которым обычно обозначали драматические представления, произошло именно отсюда.

Среди рапсодов, посещавших празднества в эпоху, когда греческие города были многочисленны и легкодоступны, для декламации древнего эпоса, конечно, были большие различия в мастерстве; но мы можем с уверенностью предположить, что наиболее выдающиеся представители этой профессии были тщательно обучены и высоко искусны в своём деле.

Однако случается, что Сократ и его ученики Платон и Ксенофонт отзываются о них с пренебрежением, и многие слишком поспешно принимают этот приговор как окончательный, не учитывая точку зрения, с которой он был вынесен. [245]

Эти философы рассматривали Гомера и других поэтов с точки зрения наставления, этического учения и добродетельной практики: они анализировали характеры, созданные поэтом, оценивали ценность преподанных уроков и часто пытались отыскать скрытый смысл там, где явный их не удовлетворял.

Когда они встречали человека вроде рапсода, который брался впечатлять слушателей гомеровским повествованием, но либо вовсе не занимался, либо неудачно занимался толкованием, они относились к нему с презрением; более того, Сократ принижал и самих поэтов по тому же принципу, считая, что они говорят о вещах, которых не могут разумно объяснить. [246]

Также Платону и Ксенофону было свойственно вообще принижать профессиональное применение таланта ради заработка, часто противопоставляя его – порой даже бестактно – бесплатному обучению и демонстративной бедности их учителя.

Но мы не вправе судить рапсодов по такому стандарту. Хотя они и не были философами или моралистами, их задачей – и это было так задолго до появления философской точки зрения – было донести поэта до сердец и эмоций собравшейся толпы и проникнуться его смыслом настолько, насколько это было необходимо для данной цели, сочетая это с подобающими украшениями в виде жестов и интонаций.

В этом их истинном призвании они были ценными членами греческого общества и, кажется, обладали всеми качествами, необходимыми для успеха.

Эти рапсоды, преемники примитивных аэдов, или бардов, по-видимому, отличались от них отказом от какого-либо музыкального сопровождения. Первоначально бард пел, оживляя песню периодическими переборами простой четырехструнной арфы: его преемник, рапсод, декламировал, держа [стр. 140] в руке лишь лавровую ветвь и полагаясь на голос и манеру исполнения – своего рода музыкально-ритмическую декламацию [247], которая постепенно усиливалась в эмоциональном [стр. 141] напоре и жестикуляции, пока не приблизилась к манере драматического актера. Когда именно произошла эта перемена, или же могли ли два разных способа исполнения древнего эпоса какое-то время сосуществовать, мы не можем определить с уверенностью. Гесиод получает от Музы лавровую ветвь как знак посвящения в их служение, что указывает на его принадлежность к рапсодам; в то же время древний бард с арфой все еще фигурирует в гомеровском «Гимне к делосскому Аполлону» как действующий и популярный участник Панионийских празднеств на острове Делос [248]. Возможно, усовершенствования арфы, к которой Терпандр (ок. 660 г. до н. э.) добавил три струны к изначальным четырем, и общее усложнение инструментальной музыки могли способствовать утрате доверия к примитивному аккомпанементу и тем самым стимулировать практику речитатива: история о том, что сам Терпандр сочинял музыку не только для собственных гекзаметрических поэм, но и для произведений Гомера, по-видимому, указывает на то, что прежняя музыка теряла популярность [249]. Какими бы ни были этапы перехода от барда к рапсоду, несомненно то, что ко времени Солона последний стал признанным и единственным выразителем [стр. 142] древнего эпоса – иногда в виде коротких фрагментов перед частной аудиторией в исполнении одного рапсода, иногда же в виде непрерывного последовательного исполнения несколькими рапсодами на публичном празднестве.

Относительно того, как сохранялись поэмы Гомера в течение двух столетий (а по мнению некоторых, и дольше) между их первоначальным созданием и периодом, непосредственно предшествовавшим Солону, – а также относительно их изначального создания и последующих изменений – среди авторитетных критиков существуют значительные разногласия. Сохранялись ли они в письменном виде или без него? Была ли «Илиада» изначальна создана как единая поэма, и аналогично ли с «Одиссеей», или же каждая из них представляет собой соединение изначальна самостоятельных и несвязанных частей? Был ли автор каждой поэмы единоличным или множественным?

Так или иначе, эти вопросы обычно рассматривались вместе и обсуждались во взаимосвязи в исследованиях гомеровских поэм, хотя «Пролегомены» Пейна Найта заслуживают упоминания за их раздельное рассмотрение. Полвека назад проницательные и ценные «Пролегомены» Ф. А. Вольфа, использовавшие венецианские схолии, недавно опубликованные в то

время, впервые открыли философскую дискуссию об истории гомеровского текста. Значительная часть этого труда (хотя и не вся) посвящена защите позиции, ранее высказанной, среди прочих, Бентли, о том, что отдельные составные части «Илиады» и «Одиссеи» не были объединены в цельное и неизменное произведение вплоть до времен Писистрата в VI веке до н. э. В качестве аргумента в пользу этого вывода Вольф утверждал, что не существует свидетельств о существовании письменных копий какой-либо из поэм в более ранние периоды, к которым относят их создание, — и что без письменности ни совершенная симметрия столь сложного произведения не могла быть изначально задумана поэтом, ни, если бы она была достигнута, надежно передана потомкам. Отсутствие легкого и удобного письма, необходимого для длинных рукописей, у древних греков стало, таким образом, одним из пунктов в аргументации Вольфа против изначальной целостности «Илиады» и «Одиссеи». Нич и другие ведущие оппоненты Вольфа, по-видимому, приняли изначально предложенную им взаимосвязь этих вопросов; и считалось [стр. 143], что защитникам древней целостности «Илиады» и «Одиссеи» необходимо доказывать, что эти поэмы изначально были письменными.

Мне кажется, что архитектурные функции, приписываемые Вольфом Писистрату и его сподвижникам в отношении гомеровских поэм, совершенно неприемлемы. Однако многое, несомненно, говорило бы в пользу этой точки зрения, если бы удалось доказать, что для её опровержения нам пришлось бы допустить существование длинных письменных поэм уже в IX веке до нашей эры. Но, по моему мнению, мало что может быть менее вероятным: и мистер Пейн Найт, хотя он и выступает против гипотезы Вольфа, признает это не менее, чем сам Вольф. [250] Следы письменности в Греции даже в VII веке до нашей эры крайне скудны. У нас нет сохранившихся надписей ранее 40-й Олимпиады, а ранние надписи выполнены грубо и неумело. Мы даже не можем с уверенностью сказать, записывали ли свои произведения Архилох, Симонид Аморгский, Каллин, Тиртей, Ксанф и другие ранние элегические и лирические [стр. 144] поэты, или же практика записи стала распространённой значительно позже. Первое прямое свидетельство, позволяющее предположить существование рукописи Гомера, связано с известным постановлением Солона о рапсодах на Панафинейях; но как долго до этого существовали рукописи, мы сказать не можем.

Те, кто утверждает, что поэмы Гомера были записаны с самого начала, основывают свою точку зрения не на прямых доказательствах и не на существовавших в то время обычаях, связанных с поэзией (поскольку они сами признают, что «Илиада» и «Одиссея» не читались, а декламировались и слушались), а на предполагаемой необходимости существования рукописей [251] для сохранения поэм — ведь память рапсодов сама по себе не была ни достаточной, ни надёжной. Но здесь мы избегаем одной трудности, лишь сталкиваясь с ещё большей: существование обученных певцов с феноменальной памятью куда менее удивительно, чем существование объёмных рукописей в эпоху, по сути, нечитающую и неписьменную, когда даже подходящие инструменты и материалы для письма были неочевидны. Более того, есть серьёзные основания полагать, что певец вовсе не нуждался в рукописи, чтобы освежить память. Если бы это было так, слепота стала бы препятствием для профессии, однако мы знаем, что это не так — как на примере Демодока в «Одиссее», так и на примере слепого певца из Хиоса в гимне Аполлону Делосскому, которого Фукидид, как и общий дух греческих преданий, отождествляет с самим Гомером. [252] Автор этого гимна, кем бы он ни был, вряд ли описал бы слепого [стр. 145] человека, достигшего совершенства в своём искусстве, если бы знал, что память певца поддерживалась лишь постоянным обращением к рукописи в его сундуке.

Впрочем, нельзя сказать, что усилия памяти, требуемые от певцов или рапсодов даже для самых длинных эпических поэм (хотя, несомненно, значительные), были сверхчеловеческими. Если говорить обо всей «Илиаде» и «Одиссее», мы знаем, что в Афинах были образованные люди, способные воспроизвести обе поэмы наизусть. [253] Но в профессиональных декламациях речь не шла о том, что один человек исполнял всю поэму: исполнение было коллектив-

ным, и рапсоды, посещавшие празднество, заранее договаривались, кто какую часть поэмы будет читать. В таких условиях и при такой подготовке объём стихов, который рапсод мог произнести, определялся не столько пределами его памяти, сколько физическими возможностями его голоса, учитывая требуемое звучное, выразительное и ритмичное произношение. [254]

Но какие у нас есть гарантии точной передачи текста на протяжении двух столетий исключительно устным путём? [стр. 147] Можно ответить, что устная передача сохраняла текст настолько точно, насколько он в действительности сохранялся. Основные линии поэм, порядок частей, гомеровский дух, общий стиль речи и в большинстве случаев сами слова оставались неизменными, поскольку профессиональная подготовка рапсодов, помимо точности его памяти, способствовала «огомеровлению» его сознания (если позволительно так выразиться) и удерживала его в этом магическом круге. С другой стороны, в деталях текста можно ожидать значительных расхождений и многочисленных неточностей – и они действительно были, о чём свидетельствуют записи в схолиях, а также цитаты у древних авторов, отсутствующие в нашем тексте Гомера. [255] Более того, состояние «Илиады» и «Одиссеи» в отношении буквы, называемой дигамма, служит доказательством того, что они долгое время декламировались устно, прежде чем были записаны, и за этот период их произношение претерпело заметные изменения. [256] Во время создания этих поэм дигамма была действующей согласной и учитывалась в структуре стиха; но к моменту их записи она уже перестала произноситься и потому не попала ни в одну из рукописей. В результате александрийские критики, хотя и знали о её существовании в более поздних поэмах Алкея и Сапфо, не признавали её у Гомера. Образовавшиеся из-за утраты дигаммы hiatus и различные метрические сложности исправлялись разными грамматическими ухищрениями. Но вся история этой утраченной буквы весьма любопытна и становится понятной только при допущении, что «Илиада» и «Одиссея» на протяжении долгого времени существовали исключительно в памяти, голосе и слухе.

Точно определить, когда эти поэмы или вообще любые другие греческие поэмы впервые начали записываться, можно лишь предположительно, хотя есть основания полагать, что это произошло до времени Солона. Если в отсутствие доказательств мы рискнём назвать более определённый период, то сразу возникает вопрос: для каких целей в ту эпоху могла создаваться рукопись? Кому была нужна письменная «Илиада»? Не рапсодам – для них она была не только заучена наизусть, но и прочувствована, связана с гибкими интонациями голоса, паузами и другими приёмами устного исполнения, которые невозможно передать в сухом тексте. Не широкой публике – она привыкла воспринимать поэму в исполнении рапсодов на торжественных многолюдных празднествах. Единственными, кому письменная «Илиада» могла быть полезна, были немногие образованные и любознательные люди – читатели, способные анализировать сложные эмоции, испытанные при слушании, и воссоздавать при чтении часть впечатления, переданного декламатором. [257] [стр. 149]

Как бы невероятно это ни звучало в наше время, в ранних обществах, включая древнюю Грецию, был период, когда такого читающего класса не существовало. Если бы мы могли определить, когда он начал формироваться, то приблизительно установили бы время записи древних эпических поэм. Наиболее вероятным периодом появления даже самого узкого круга читателей в Греции является середина VII века до н. э. (660–630 гг. до н. э.) – эпоха Терпандра, Каллина, Архилоха, Симонида Аморгского и др. Это предположение основано на переменах в характере греческой поэзии и музыки того времени: появлении элегического и ямбического стихов как соперников гекзаметра и обращении поэзии к современной реальной жизни. Такие изменения были значимы в эпоху, когда поэзия была единственным способом «публикации» (если использовать не совсем точный, но наиболее подходящий современный термин). Они указывали на новое восприятие старых эпических сокровищ народа и жажду новых поэтических эффектов. Люди, стоявшие во главе этого движения, вполне могли изучать и критиковать письменные тексты гомеровских рапсодов с собственной точки зрения, подобно тому

как Каллин, по свидетельствам, упоминал и восхвалял «Фиваиду» как произведение Гомера. Таким образом, есть основания предполагать, что для этого нового, важного, но крайне узкого круга рукописи «Илиады», «Одиссеи» и других древних эпосов – «Фиваиды» и «Киприй» – начали создаваться около середины VII века до н. э. [258] Открытие Египта для греческой торговли в тот же период облегчило доступ к папирусу для письма. Читающий класс, однажды возникнув, постепенно расширялся, а вместе с ним росло и число рукописей, так что ко времени Солона, спустя пятьдесят лет, и читатели, и рукописи, хотя их было ещё сравнительно мало, могли приобрести определённый авторитет и стать арбитром в противовес небрежности отдельных рапсодов.

Можно считать, что «Илиада» и «Одиссея» сохранялись без помощи письма около двух столетий. [259] Но верно ли, как полагал Вольф и другие авторитетные критики, что отдельные части этих поэм изначально были самостоятельными эпическими песнями, каждая из которых представляла цельное произведение и предназначалась для отдельного исполнения? Верно ли, что у них не только не было общего автора, но изначально не было ни общей цели, ни фиксированного порядка, и что их окончательная компоновка и объединение произошли лишь три века спустя – благодаря вкусу Писистрата и его образованных друзей? [260]

Эта гипотеза, прославленная гением Вольфа и впоследствии детализированная другими, особенно Вильгельмом Мюллером и Лахманом, представляется мне не только не подтверждённой достаточными свидетельствами, но и противоречащей другим источникам, а также внутренней логике. Вольф ссылается на Иосифа Флавия, Цицерона и Павсания: [261] Иосиф не упоминает Писистрата, а лишь отмечает (что, вероятно, соответствует действительности), что поэмы Гомера изначально не были записаны и сохранялись только в песнях или декламациях, откуда позже были перенесены в письменную форму, что привело ко многим discrepancies в тексте. Цицерон и Павсаний идут дальше, утверждая, что Писистрат собрал и упорядочил рапсодии «Илиады» и «Одиссеи» (подразумевая, что изначально это были цельные поэмы, позднее раздробленные), которые он нашёл частично перепутанными и разрозненными, причём каждая часть сохранялась лишь в определённом регионе Греции. Также в псевдо-платоновском диалоге «Гиппарх» говорится, что сын Писистрата Гиппарх первым привёз поэзию Гомера в Аттику и предписал рапсодам исполнять её части на Панафинейских празднествах в строгой последовательности. [262]

Вольф и Вильгельм Мюллер иногда допускают, что нечто подобное «Илиаде» и «Одиссее» как цельным произведениям существовало и до Писистрата, но в основном представляют его или его окружение как первых, кто объединил ранее самостоятельные гомеровские песни. Лахманн, современный сторонник этой теории, ещё более определённо приписывает Писистрату первоначальную компоновку «Илиады», разделяя первые двадцать две книги поэмы на шестнадцать отдельных песен и считая смешным предположение, что их слияние в нынешний порядок произошло раньше его времени. [263] [стр. 153]

На эту теорию можно возразить, во-первых, что она противоречит сохранившимся свидетельствам о законах Солона, который ещё до времени Писистрата установил строгий порядок исполнения «Илиады» рапсодами на Панафинейских празднествах. Он не только предписал, чтобы они декламировали рапсодии последовательно, без пропусков и искажений, но и ввёл должность надзирателя или цензора, чтобы обеспечить соблюдение этих правил, [264] [стр. 154] – что подразумевает существование (одновременно указывая на случаи нарушений) упорядоченного целого, а также рукописей, заявляющих о своей полноте.

Далее, эта теория приписывает Писистрату роль, не только существенно отличающуюся от той, что описана у Цицерона и Павсания (которые изображают его не как составителя изначально разрозненных частей, а как восстановителя древнего порядка, впоследствии утраченного), но и саму по себе необъяснимую, противоречащую греческим обычаям и представлениям. То, что Писистрат стремился ограничить произвол или восполнить неточную память

отдельных рапсодов, возвысить Панафинейский праздник безупречным исполнением великого и почитаемого стихотворения в соответствии со [стр. 155] стандартом, принятым среди лучших знатоков Греции, – задача, вполне соответствующая его положению и требующая лишь улучшенной редакции текста, а также точного её соблюдения рапсодами. Но какой мотив мог побудить его объединить несколько поэм, известных ранее лишь как отдельные, в одно новое целое? Какое чувство могло бы удовлетворить введение обширных изменений и перестановок, предполагаемых Лахманом, чтобы соединить шестнадцать песен, которые, как предполагается, рапсоды привыкли исполнять, а народ – слушать, каждую по отдельности? Писистрат не был поэтом, стремящимся заинтересовать публику новыми творениями и сочетаниями, но правителем, желавшим придать торжественность великому религиозному празднику в родном городе.

Такая цель могла быть достигнута выбором среди разночтений рапсодов в разных частях Греции того варианта текста, который знатоки сочли бы возвращением к чистой и исконной «Илиаде»; но она была бы разрушена, если бы он предпринял масштабные нововведения и впервые представил новую «Илиаду», объединив, изменив и переставив множество старых и хорошо известных песен. Столь смелое новшество скорее оскорбило бы и критиков, и толпу, чем понравилось бы им. И даже если бы оно было навязано властью в Афинах, вряд ли можно найти разумное объяснение тому, почему все прочие города и все рапсоды Греции отказались бы от прежних привычек в его пользу, ведь Афины тогда ещё не обладали политическим влиянием, какое они приобрели в следующем столетии.

В целом, характер и положение самого Писистрата решительно опровергают ту роль, которую приписывают ему Вольф и Лахман. Его вмешательство предполагает некий заранее известный древний свод, основные черты которого были знакомы греческой публике, хотя многие рапсоды на практике могли от него отклоняться как пропусками, так и вставками. Исправляя афинские исполнения в соответствии с этим общепринятым образцом, он мог надеяться и укрепить уважение к Афинам, и задать моду для остальной Греции. Но этот шаг – «собрать разрозненное тело священного Гомера» – качественно отличается от создания новой «Илиады» из существовавших ранее песен. [стр. 156] Первое так же естественно, уместно и многообещающе, как второе – насильственно и безосновательно. [265]

Чтобы подтвердить вывод, что Писистрат был первым создателем «Илиады» и «Одиссеи», следовало бы как минимум показать, что в предшествующие века не существовало других длинных и связных поэм. Но известно обратное. «Эфиопида» Арктина, содержащая 9100 стихов, датируется периодом более чем за два века до Писистрата; несколько других утраченных эпических циклов, некоторые из них довольно объёмные, появляются в течение столетия после Арктина; и важно отметить, что три или четыре из этих поэм также приписывались Гомеру. [266] Нет большей внутренней трудности в [стр. 157] предположении, что длинные эпосы начались с «Илиады» и «Одиссеи», чем с «Эфиопиды»: превосходство имени Гомера и подчинённое положение Арктина в истории ранней греческой поэзии скорее свидетельствуют в пользу первого.

Более того, в самой «Илиаде» есть части, которые явно указывают на свою принадлежность к большому целому, а не на самостоятельность. Трудно представить «Каталог кораблей» во второй книге иначе, как часть целого, связанную с предстоящими событиями, ибо, взятый отдельно, этот сухой перечень имён не мог бы возбудить ни фантазию поэта, ни внимание слушателей. Но уже во времена Солона Гомеровский каталог приобрёл своего рода канонический авторитет, так что Солон даже вставил в него строку (или был обвинён в этом), чтобы выиграть спор с мегарцами, которые, со своей стороны, приводили другую версию. [267] Такое установившееся почтение не могло возникнуть, если бы задолго до Писистрата не существовало привычки воспринимать «Илиаду» как связную поэму. И когда философ Ксенофан, современник Писистрата, упомянул Гомера как всеобщего учителя и осудил его как недостойного изобрази-

теля богов, он, несомненно, связывал это огромное влияние не с набором разрозненных рапсодий, а с цельной «Илиадой» и «Одиссеей», а возможно, и с другими поэмами, приписываемыми тому же автору, такими как «Киприи», «Эпигоны» и «Фиваида».

Мы действительно находим у различных авторов упоминания отдельных частей «Илиады» под собственными названиями, такими как «Теихомахия» (Битва у стены), «Ариэтия» (Подвиги) Диомеда или Агамемнона, «Долонея» (Ночная вылазка Долона [с. 158] а также Одиссея и Диомеда) и т. д., и на этом основании делался вывод, что эти части изначально существовали как отдельные поэмы, прежде чем были объединены в «Илиаду». Однако такие ссылки ничего не доказывают, ибо до того, как Аристарх и его коллеги разделили «Илиаду» на определённое количество книг, или рапсодий, обозначенных буквами алфавита, не существовало способа указать на какую-либо конкретную часть поэмы, кроме как через описание её содержания. [268] Авторы, жившие после Писистрата, такие как Геродот и Платон, которые, несомненно, воспринимали «Илиаду» как единое целое, цитировали её отдельные части именно такими обозначениями.

Предыдущие замечания о вольфовской гипотезе относительно текста «Илиады» позволяют разделить два вопроса, которые отнюдь не обязательно связаны между собой, хотя сама гипотеза, изложенная Вольфом, В. Мюллером и Лахманом, представляет их в совокупности. Во-первых, была ли «Илиада» изначально задумана и создана одним автором как единая поэма, или же её различные части были сочинены отдельно и разными авторами, а затем соединены воедино? Во-вторых, если допустить, что внутренние свидетельства поэмы опровергают первое предположение и подтверждают второе, то было ли создание целостной поэмы отложено, и существовали ли её части лишь в разрозненном виде вплоть до времён Писистрата? Очевидно, что эти два вопроса существенно различны, и можно верить в то, что «Илиада» была составлена из ранее существовавших песен, не признавая эпоху Писистрата временем её первой компиляции.

Как бы то ни было, какие бы этапы поэма ни прошла на пути к своей окончательной целостности, есть достаточные основания полагать, что они были завершены задолго до этого периода: друзья Писистрата обнаружили «Илиаду» уже существующей и древней в их время, даже если допустить, что изначально она не была единой. Более того, александрийские критики, чьи замечания сохранились в схолиях, даже не упоминают писистратовскую редакцию среди множества рукописей, [с. 159] которые были у них перед глазами, и мистер Пейн Найт справедливо заключает из их молчания, что либо они её не имели, либо она не представляла для них большого авторитета; [269] что никак не могло быть, если бы она была первоисточником гомеровского единства.

Линия аргументации, которой придерживаются сторонники гипотезы Вольфа, отрицая изначальное единство поэмы, заключается в выявлении пробелов, несоответствий, противоречий и т. д. между отдельными частями. Но если, несмотря на все эти несогласованности, являющиеся памятниками прежнего разрозненного состояния, составные поэмы слились настолько тесно, что стали казаться изначально едиными, то мы можем лучше понять полный успех этого процесса и всеобщее распространение иллюзии, предположив, что такое слияние произошло в очень ранний период, во времена расцвета эпического творчества, до появления чтения и критики. Чем дольше откладывалось объединение отдельных поэм, тем труднее было бы стереть из памяти людей их прежнюю разобщённость и заставить их принять новое целое как изначальное единство.

Певцы или рапсоды могли сравнительно легко соединять отдельные песни в IX или VIII веках до нашей эры; [с. 160] но если предположить, что этот процесс был отложен до второй половины VI века – если вообразить, что Солон и все его современники и предшественники не знали ничего о целостной «Илиаде», а были знакомы лишь с теми шестнадцатью отдельными эпическими произведениями, на которые Лахманн расчлняет «Илиаду», каждое из которых

носило собственное имя, – то никакая компиляция, впервые составленная при Писистрате, не смогла бы стереть укоренившуюся привычку и утвердиться в сознании греков как изначальное творение Гомера.

Если бы шестнадцать частей оставались разрозненными вплоть до времени Писистрата, они, скорее всего, остались бы таковыми и впоследствии; и обширные изменения и перестановки, которые (согласно теории Лахманна) были необходимы, чтобы сплавить их в нынешнюю «Илиаду», не получили бы всеобщего признания в столь поздний период. Если допустить, что такие изменения и перестановки действительно имели место, то их следует отнести к эпохе, значительно более ранней, чем время Писистрата или Солона.

Общий характер самих поэм подтверждает сделанные здесь замечания. В «Илиаде» и «Одиссее» нет ничего, что отдавало бы модернизмом, если применять этот термин к эпохе Писистрата; ничего, что отражало бы изменения, произошедшие за два столетия в греческом языке, чеканке монет, привычке писать и читать, тираниях и республиканских правлениях, тесном военном строе, усовершенствованной конструкции кораблей, амфикиниях, взаимном посещении религиозных праздников, восточных и египетских влияниях в религии и т.д., знакомых более поздней эпохе. Эти изменения Ономакрит и другие литературные друзья Писистрата вряд ли могли не заметить, даже без особого намерения, если бы они тогда впервые взялись за задачу объединения множества самостоятельных эпических поэм в одно крупное целое. [270] Всё в двух великих гомеровских поэмах – как в [р. 161] содержании, так и в языке – принадлежит эпохе на два-три столетия более ранней, чем Писистрат. Даже интерполяции (или те места, которые с наибольшей уверенностью признаются таковыми) не обнаруживают следов VI века до н.э. и вполне могли быть известны Архилоху и Каллину – а в некоторых случаях даже Арктину и Гесиоду – как подлинные гомеровские тексты. Насколько позволяют судить внутренние и внешние свидетельства, мы вправе полагать, что «Илиада» и «Одиссея» исполнялись в основном в том виде, в каком они существуют сейчас (всегда допуская частичные расхождения в тексте и интерполяции), уже в 776 году до н.э., нашей первой достоверной вехе греческой хронологии. И эта древняя дата – следует добавить – будучи наиболее достоверным фактом, является также важнейшим атрибутом гомеровских поэм в контексте греческой истории. Они дают нам представление о доисторическом характере греков, позволяя проследить последующее развитие нации и уловить поучительные контрасты между их прежним и позднейшим состоянием.

Отвергая, таким образом, идею компиляции при Писистрате и относя современное состояние «Илиады» и «Одиссеи» к периоду более чем на два столетия более раннему, остаётся вопрос: каким процессом или чьими усилиями они достигли этого состояния? Является ли каждая поэма произведением одного автора или нескольких? Если нескольких, принадлежат ли все части к одной эпохе? Есть ли основания полагать, что какие-либо из этих частей существовали ранее как отдельные поэмы и были приспособлены к своему нынешнему месту более или менее систематической переработкой?

Полвека назад острые и ценные «Пролегомены» Вольфа мощно направили внимание учёных на необходимость рассматривать «Илиаду» и «Одиссею» в связи с эпохой и обществом, в котором они возникли, и с существенными различиями в этом отношении между Гомером и более поздними эпическими поэтами. [271] [р. 162] С тех пор ранние проявления поэзии (*Sagen-poesie*) у других народов подверглись тщательному изучению; особенно немецкие критики, среди которых этот вид литературы исследовался наиболее интенсивно, избрали его единственной подходящей аналогией для гомеровских поэм. Такая поэзия, состоящая большей частью из кратких, безыскусных произведений с минимальной продуманной или дальновидной композицией, была принята многими критиками как подходящий стандарт для оценки возможностей гомеровской эпохи – эпохи исключительно устного слова, певцов и слушателей, а не читателей или писателей. Вместо безграничного восхищения Гомером не только как

поэтом деталей, но и как создателем длинного эпоса, царившего во времена, когда Вольф писал свои «Пролегомены», тон критики перешёл в противоположную крайность, и внимание сосредоточилось исключительно на недостатках композиции «Илиады» и «Одиссеи». Всё, что в них находили симметричным или пронизанным системой, объявлялось решительно послегомеровским. Подобные предвзятые ожидания, кажется, определяли изучение Гомера в Германии в поколении, следовавшем за Вольфом, где отрицательная часть его теории обычно принималась, тогда как в отношении положительной замены – как объяснить историю и современное состояние гомеровских поэм – согласия не было. Однако за последние десять лет наметилась противоположная тенденция; теория Вольфа была пересмотрена и поколеблена Ничем, а также О. Мюллером, Велькером и другими учёными, возродившими идею изначального гомеровского единства с определёнными оговорками. Перемена во мнении Гёте, совпавшая с этим новым направлением, зафиксирована в одной из его поздних работ. [272] С другой [р. 163] стороны, первоначальное мнение Вольфа также было воспроизведено за последние пять лет и подкреплено новыми наблюдениями над текстом «Илиады» Лахманом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.